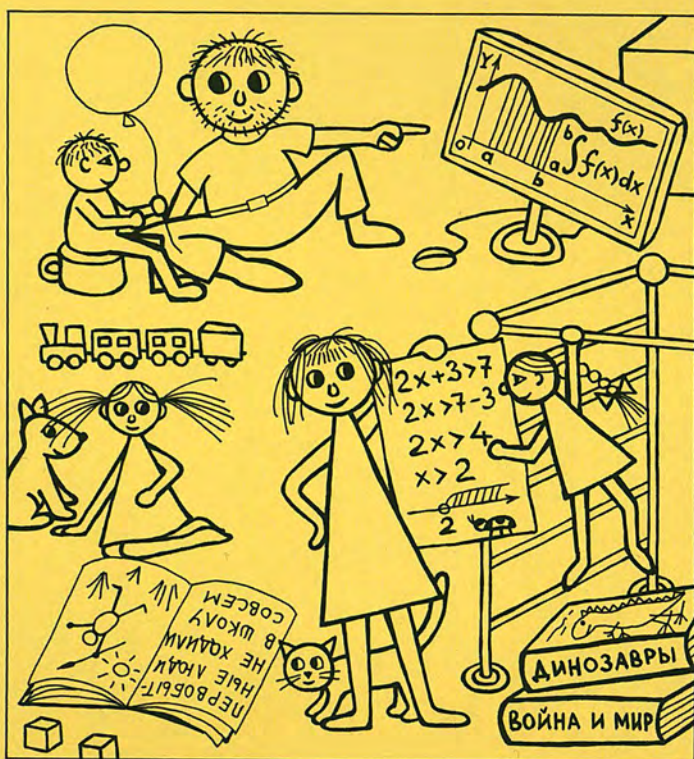

Алексей Карпов

Семейное обучение как система

Сборник произведений

Алексей Карпов

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Сборник произведений

ББК 74.26

57.31

УДК 371.3

К26 Карпов, Алексей

Семейное обучение как система. Сборник произведений /
Алексей Карпов — М.: Ресурс, 2015 - 360 с.

ISBN 978-5-9906512-0-3

Книга, которую вы держите в руках, является авторским сборником текстов разных лет и обладает уникальным для России содержанием. Несмотря на растущую популярность семейного обучения в нашей стране, до сих пор не было издания, которое бы не только описывало личный опыт обучения своих детей дома, но и рассматривало семейное образование как целостную систему, принципиально отличную от школьной.

Что является целями домашнего обучения, как сделать его максимально эффективным — в книге не только подробно рассмотрены этапы обучения, методы, но и проблемы, ошибки, которые могут появляться в процессе достижения цели.

В чем специфика индивидуального обучения? Как действовать, чтобы не создать дома аналог школы? Какие трудности могут вам встретиться? Как реагировать на неудачи? На эти и многие другие вопросы вы найдете ответ. Ведь формулируя теоретические основы иного подхода и способа обучения, автор не меньшее внимание уделяет и практической стороне вопроса, дает конструктивные советы и рекомендации, что делает книгу полезной не только тем родителям, которые выбирают форму образования ребенка, но и тем, кто уже делает первые шаги на этом пути.

ББК 74.26

74.92

УДК 371.3

ISBN 978-5-9906512-0-3

© ООО «Издательство Ресурс»,
оформление, 2015

© Карпов А., текст, иллюстрации

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------	---

ПОДГОТОВКА К ОБУЧЕНИЮ КАК СИСТЕМА

Предисловие	13
Ключевая концепция	15
Развитие речи	19
Развитие образного мышления	23
Развитие навыков сосредоточенности	27
Развитие логики	31
Развитие отношений с алгоритмами	33
Развитие системного интеллекта	39
Развитие мелкой моторики	42
Давайте подружимся с буквами и цифрами	45
Знания о мире до школы	48
Отношение к оценкам и оцениванию	51
Развитие привычки к самоорганизации	56
Развитие привычки к учебным занятиям	59
Факторы непредсказуемости, скрытое накопление и психология	61
Послесловие	64

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Предисловие	69
Как устроена данная книга	72
Индивидуальный вектор развития	73
Неравномерность	77
Государственные стандарты	79
Из детского сада — в университет	80
Базовые общефункциональные навыки	83
Видеть объем работы	86

Распределение нагрузок	88
Вербальное и невербальное	89
Развитие навыков общения	93
Уровень амбиций	97
Моя концепция качественного образования	98
Умение делать реальные дела	100
Тренировка интеллекта	103
Режим и стиль жизни	105
Неидеальность	107
Консерватизм и новаторство	108
Свобода вместо страха	111
Договор внутри семьи	113
Повторение	114
Формулирование самого важного	115
Все будет иначе	117
Мы не круче всех	118
Принцип системности	119
Послесловие	121

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Предисловие	125
Часть 1. Зачем учить детей дома?	129
Первый вопрос у всех	129
Как у нас все началось?	133
Свобода индивидуальности	136
Свобода режима и расписания	139
Свобода программы	144
Свобода методов	147
Самостоятельность и умение учиться	151
Дисциплина и ответственность	157
Психологический комфорт	163
Переждать, перетерпеть	165
Качество знаний	166
Системность знаний	168
Интерес к учебе	174
Свобода эксперимента	177

Концепция образования	181
Самореализация родителя	183
Часть 2. Трудности, недостатки и неудачи семейного обучения	187
Первое сентября	187
Эти ужасные слова: «На второй год!»	189
На что жить?	192
Нехватка квалификации родителей	196
Быть организованным	198
Избыточная самоуверенность родителей	201
Воспринять родителя как учителя	203
Тяжело	205
Решительность	207
А как в других семьях?	208
Полный и сокрушительный провал. Но...	210
Отдельные недочеты	215
Мы сделали это!	218
Часть 3. Методические подходы и организационные моменты	221
Учеба — часть всей жизни	221
Отношения с администрацией школы и с учителями	223
Сдача экзаменов и зачетов	225
Аттестат, зачетный лист, письменные работы, тетради	228
Деление предметов на группы	229
Ключевой принцип выбора методов обучения	234
Детский язык	235
Свобода общения и обращения	238
Ругаться?	240
Проведение урока	242
Одновременно троих?	245
«Заблаговременные штуки»	247
До школы	250
Математика (начальные классы)	252
Математика (средние и старшие классы)	256
Русский язык (начальные классы)	258
Русский язык (средние и старшие классы)	260

Чтение	262
Литература	263
Природоведение	266
География	268
Биология	270
История	271
Физика	273
Химия	275
Английский язык	276
Черчение	278
Смена стратегий учебы	279
Психология преподавания	281
Семейная традиция	283
Простота и разумность	286
Часть 4. Дополнения	289
Свобода от привычных методов	289
Творческий бардак	291
Организация пространства	293
Абстрактность и мистичность педагогики	298
Как разгрести учебные завалы?	300
Глобальное понимание	303
Самоирония	305
Уступчивый, как вода	307
Родитель учится вместе с ребенком	309
Без фанатизма	310
Долой учебные неврозы!	311
Секрет успеха	321
Родитель-регулятор	323
Элементы семейного обучения	324
Третий потенциал развития образования	330
Практика жизни и учебы	333
Что такое педагогическая свобода?	334
Перспективы	341

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ УСПЕШНОСТЬ

СЕМЕЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

345

ОТ АВТОРА

Вы держите в руках очень неоднозначную книгу. Путь семейного обучения в наши дни не есть что-то устоявшееся, определенно верное и незыблемо понятное. Наоборот, путь домашнего образования — это активный поиск, творческие удачи и неудачи, сомнения, открытия. И каждая семья проходит этот путь по своему.

Я не считаю, что прошел данный путь оптимально. Немало уже и то, что я его просто прошел. И данная книга — не учебник. Скорее, это путевые заметки с некоторыми обобщениями и с описанием моих рабочих принципов и приемов.

«Повесть о педагогической свободе» была написана в 2009 году, когда наш процесс семейного обучения еще продолжался. Проглядывая рукопись перед изданием, я решил ничего не менять. Тогда все это сочинилось буквально на одном дыхании, и теперь не хочется нарушать целостность.

«Семейное обучение как система» и «Подготовка к обучению как система» были написаны в 2013 году, сразу после завершения всего нашего семейного образовательного проекта. И в них довольно существенно отразилось мое разнообразное общение с родителями, практикующими домашнее образование. Да и просто получилось взглянуть на всю данную тему более обобщенно.

Мои дети уже выросли: Тима и Коля работают программистами, оба женаты. У Коли растет сын Глеб, который тоже, видимо, будет учиться дома. Маша, окончив школу, поработала дизайнером, попробовала двинуться по стезе художественного образования, но потом передумала и теперь готовится к поступлению в вуз на отделение перевода с английского языка. Все — и Тима, и Коля, и Маша — сейчас оценивают положительно наш опыт семейного обучения.

Наблюдая, как мои сыновья поступали в престижные питерские вузы на бюджетные отделения, как учились там, как строили отношения с однокурсниками, как устраивались после вузов

ПРЕДИСЛОВИЕ

на работу, я могу констатировать, что все мои основные предположения и принципы семейного обучения оказались верными. Все работает — именно так, как оно описано в трех книжках, включенных в данный сборник.

Что касается образования младшей дочки, то и здесь у меня нет разочарований: она утонченная творческая натура, ей положено по-разному искать себя в профессиях. Школу Маша окончила почти на одни «пятерки», за ЕГЭ по русскому языку даже получила 98 баллов, параллельно много рисовала. Сейчас переключилась на иностранный язык — тоже дело хорошее.

Если Тима и Коля активно социализировались в вузах, то для Маши процесс привыкания к самостоятельному активному взаимодействию в социуме после школы тоже уже начался: подготовительные курсы в художественном училище, танцевальная студия, курсы английского языка.

Главное — мне удалось научить своих детей учиться самостоятельно, подходить к процессу освоения новых знаний ответственно, организованно и разумно. Это стало для них ключом к эффективному обучению — как в старших классах школы и в вузах, так и на работе. Плюс мне удалось научить своих детей умению строить хорошие, конструктивные отношения в коллективах — и учебных, и трудовых.

Если же говорить о результатах нашего домашнего образования, с точки зрения общего количества знаний, полученных в школьные годы, то я бы оценил это так: «вполне хорошо». Не на «пять с плюсом» по всем предметам, но на достаточном для культурного человека уровне, все дети были хорошо подготовлены к получению дальнейшего профессионального образования.

Мне сложно в полной мере описать весь наш процесс обучения дома. Несмотря на все мои старания, очень многое остается за рамками данного сборника (возможно, у него будет продолжение, посвященное простым и эффективным методам домашнего индивидуального преподавания). Однако дело заключается не только в методах обучения, но и во всей системе, в психологии, во всем строе жизни.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы, уважаемые читатели, внимательно, вдумчиво и аккуратно отнеслись к описанию моего опыта и извлекли из него пользу, а не вред. Ведь недостаточно

только воодушевиться семейным обучением. Важно еще и двигаться по указанному пути эффективно и устойчиво. А для этого необходимо быть внимательным ко всем деталям процесса.

К сожалению, я довольно часто вижу, как некоторые родители, обучая детей дома, строят ситуацию с грубейшими ошибками — как психологическими, так и методическими. Общаясь с этими людьми, я обнаруживаю, что они крайне невнимательно, поверхностно, наспех ознакомились с моими книгами и другими материалами по семейному обучению. В результате их дети очень страдают, а эффективность данного способа получения школьного образования резко снижается.

Разумеется, кто-то и так довольно легко осваивает преподавание школьных предметов своим детям. Для таких родителей мои книги и статьи — лишь небольшое дополнение к их собственным умениям, лишь некоторая моральная поддержка и общая ориентация в теме.

Но многим родителям необходимо осваивать домашнюю педагогику всерьез, необходимо старательно учиться новому мировоззрению, новым способам обучения детей, новым психологическим включениям. И тогда целесообразно читать данный сборник очень внимательно и не спеша, а потом перечитывать его разделы по мере практической необходимости.

Путь семейного обучения — это путь ломки стереотипов. И путь быстрого, очень динамичного освоения новой педагогики. Если родители упорно цепляются за неэффективные методы преподавания, за ложные личностные психологические установки, за неоптимальное в данной конкретной ситуации распределение сил и времени, то семейное обучение начинает буксовать.

Наш семейный образовательный проект оказался успешным. Мне очень хочется передать другим родителям именно самое главное — именно принципы успешного действия. Но как это передашь в полной мере? И далеко не все то, что хорошо работало у нас в семье, подходит другим семьям. В целом я вовсе не являюсь радикальным противником традиционного школьного обучения. Но все же дома можно сделать гораздо, гораздо лучше!

Возможно, читая данный сборник, вы далеко не во всех моментах согласитесь со мной. Прекрасно! Путь каждой семьи,

ПРЕДИСЛОВИЕ

реализующей домашнее обучение, абсолютно уникален. Так и должно быть. Именно для этого, в частности, мы и выбираем этот путь — чтобы найти свою, особую дорогу для себя и для наших детей.

Итак, перед вами — описание педагогического приключения длиной в два десятка лет. Сначала — аспекты предварительной дошкольной подготовки. Потом — общие системные моменты. Потом — мой личный, максимально подробно описанный опыт. Буду рад, если это поможет вам сформировать вашу собственную позицию, вашу собственную уверенность, ваши собственные рабочие методы и вашу собственную систему действий. Желаю вам мудрости, смелости и творческой энергии!

Алексей Карпов

Санкт-Петербург, февраль 2015

**ПОДГОТОВКА
К ОБУЧЕНИЮ
КАК СИСТЕМА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

После того как четверо моих детей доучились в школе, после того как был завершен наш девятнадцатилетний проект семейного обучения, я стал вспоминать пройденный путь. И осознал, что многие аспекты нашей дошкольной подготовки тоже сыграли свою существенную роль в успехе данного проекта. Я понял, что уже до первого класса нам удалось заложить многие важные вещи, и потом, в школьные годы, на них можно было эффективно опираться.

Поразмыслив, я увидел некую общую структуру действий, некие «сквозные» моменты, которые работают как в дошкольные, так и во все школьные годы, от первого класса и до выпускного. По сути, все это было мне интуитивно понятно уже давным-давно, когда мои дети были маленькими. А сейчас, пройдя все этапы школьного образования (в режиме семейного обучения) и приобретя немалый опыт, я уже могу сформулировать систему своих действий более четко, более концептуально.

Таким образом, данная книга рассказывает о подготовке к обучению школьным предметам не просто с позиции начала освоения ребенком программы первого класса. Речь идет о подготовке ко всем годам получения школьного образования. Именно так стоит вопрос.

Здесь я сосредоточусь в основном на интеллектуальной стороне дошкольного развития. Да еще немного затрону некоторые психологические моменты. Почему? Ну, потому что я специалист именно в этом. К тому же информации по дошкольному развитию весьма много, а вот хорошее школьное образование — это более проблемная «территория».

Итак, что же необходимо заложить до школы, чтобы далее обучение шло успешно? Поймите, речь идет не только о фундаменте для высоких достижений, но и о предотвращении многих возможных трудностей и проблем. Вторая задача ничуть не менее важна. Огромное количество неудач в учебе в средних и даже в старших классах связано с недоработками в дошкольной подготовке. Помогая детям и подросткам из других семей, я вполне смог это увидеть.

Я предлагаю вам стратегический, системный подход. Цель книги — показать главные принципы действий. Осознав их, вы сможете ориентироваться в вашей конкретной ситуации и строить вашу линию дошкольной подготовки ваших детей.

Разумеется, многие аспекты остались за рамками данной книги. Детство — поистине безграничная стихия. Излагаемая здесь система не является полной, она просто рабочая, практическая. Как и всегда, я стараюсь излагать материал на максимально популярном уровне, обходясь минимумом сложных формулировок.

Мне кажется, что необходимость подготовить ребенка к первому классу — это весьма конкретный ориентир. Это постановка задачи. При общей расплывчатости сферы педагогики, при всем многообразии путей дошкольного развития, при всем различии взглядов и позиций родителей — при всем этом рубеж «подготовиться к школьным годам» является четким и почти однозначным. Он нормирует наши действия, придает им последовательность и логичность, формирует некую ясную структуру.

Мои дети с самого начала учились дома. Исключение — старшая дочка, которая как раз первый год отучилась в школе в обычном режиме, а уже потом перешла на семейное обучение. У нее проблем адаптации к школе не было. А трое младших детей общались в школе с учителями только на зачетах и экзаменах, в индивидуальном режиме.

Как ни странно, я очень хорошо помню, как занимался со своими детьми, как готовил их к изучению школьных предметов. Особенно с сыновьями. У них небольшая разница в возрасте, так что фактически они двигались по одной программе, примерно в одном темпе. Тогда родилось много развивающих пособий, много интересных и удобных подходов.

Лично мне очень приятно вернуться к теме дошкольного развития после стольких лет блужданий на сложных тропах школьного образования. Но все же я не столько описываю конкретно наш семейный опыт, сколько стараюсь сформулировать базовые, фундаментальные вещи. И в то же время стараюсь показывать практические пути их реализации.

Автор

Санкт-Петербург, 2013

КЛЮЧЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Сразу хочется начать с главного. Мне вообще очень импонирует подход, когда с самого начала изучения какой-то темы формулируются именно принципы действий. Ясное дело, на первых порах они могут звучать несколько странно, абстрактно, непонятно. Чтобы их полностью понять, нужна практика. Но такой подход (начиная с общих принципов) сразу формирует системный взгляд на ситуацию, дает как бы взгляд сверху на все многообразие конкретных деталей. Подготовка к школьному обучению — сложный проект. И системный подход здесь особенно уместен.

Я, наверное, не удивлю никого, если скажу, что в дошкольном возрасте у ребенка формируются общие психологические механизмы, необходимые для работы с самой разной информацией, то есть закладываются основы, фундамент для всей последующей интеллектуальной деятельности. В первые годы жизни в психике человека развиваются некие общефункциональные структуры, пригодные для осуществления различных функций. Базовые навыки умственной деятельности тоже ведут свое начало с дошкольных лет жизни.

Соответственно, чрезвычайно важно заложить и в достаточной степени развить вот эти самые общефункциональные навыки интеллекта, причем в достаточно широком спектре. Это и есть ключевая концепция, которую я вам предлагаю. По сути, конечно, в ней нет ничего нового, данная концепция абсолютно естественна. Важно лишь хорошо ее осознавать.

Давайте проведем аналогию со сферой физического развития. Всем понятно, что в первые несколько лет жизни ребенок должен активно и разнообразно двигаться, чтобы сформировались и развились базовые общефункциональные физические качества. Должны вырасти и укрепиться мышцы, связки, кости, суставы, должен выработаться достаточно высокий уровень координации движений — человек должен освоить свое тело, научиться с ним обращаться. Необходимо развить выносливость — в беге, в силовых упражнениях, в статических функциях. Все это представляет естественный фундамент существования. И уже далее, на данной общей основе, будут развиваться и совершенствоваться более сложные физические умения.

Обращаю ваше внимание: в дошкольном возрасте речь не идет о специфическом, целенаправленном развитии отдельных физических навыков. Это все будет потом. В первые годы жизни у ребенка должны быть достаточно разнообразные возможности для движения — вот, что главное. Конечно, есть отдельные виды спорта (например, гимнастика), где начинают целенаправленные тренировки уже в 4-5 лет. Есть особо одаренные в физическом плане дети. Есть древние системы физической тренировки человека с первых дней жизни (например, системы ниндзя), но это все исключения. А большинству людей ведь нужен просто хороший общий уровень физической подготовки, просто чтобы быть потом в жизни достаточно сильным, выносливым, ловким, красивым и здоровым.

Итак: в дошкольные годы ребенок формирует у себя основы, фундамент для дальнейшего физического развития. И не столь важно, через какие именно движения и занятия это происходит. Можно бегать, лазать, кувыркаться, плавать, играть в мяч... Важно, чтобы была пища для тех общих психологических и физиологических структур, которые обеспечивают раз-

ные виды движения. Нет особой нужды сосредотачиваться на конкретном виде спорта. Нужен широкий спектр тренировок, чтобы заложить основы для широкого разнообразия доступных функций.

В сфере интеллектуального развития все похоже. В первые 7–10 лет жизни закладываются и развиваются на начальном уровне психологические структуры общего типа, а не узко заостренные на конкретные функции. Это важно хорошо осознавать. Эффективный подход заключается в том, чтобы дать достаточную пищу для исходного формирования всех главных общеинтеллектуальных качеств. Причем даже не столь важно, до какого уровня их развить в дошкольные годы, а важно их «проявить», активизировать хотя бы на начальном уровне. Это как бросить в землю семена. Они прорастут в свое время. Но нужно, чтобы было, чему прорасти.

Здесь есть некая трудность и психологическая ловушка. Родителей очень впечатляют яркие конкретные достижения детей: быстро научиться читать, научиться считать до тысячи, научиться решать головоломки, освоить сложные развивающие игры — это все ясные, очевидные результаты наших трудов. И во всем этом, разумеется, немало пользы (конечно, если в достаточной степени учитываются индивидуальные особенности ребенка, его индивидуальный ритм развития, его личностные интересы). Но это все представляет собой лишь одну сторону многогранного процесса развития. Важно не забыть и обо всех других сторонах.

Еще одна аналогия. Представим, что мы строим дом. Такой дом, чтобы долго и хорошо в нем жить. Что в доме является видимым, функциональным? Ясно, что это стены и крыша. Именно они защищают нас от непогоды, именно их мы видим и ценим. Ну а фундамент? Вы понимаете, к чему я клоню? Без хорошо уложенного фундамента наш дом будет шатким и ненадежным. Когда мы строим фундамент, наша работа далеко не столь впечатляющая и далеко не столь очевидна в сравнении с той, когда мы возводим стены и крышу. Но мы понимаем, что надо не полениться правильно и надежно сложить фундамент. Этот труд окупится. Более того, без него дом может не простоять долго.

Базовые общеинтеллектуальные качества и навыки — это как раз тот фундамент, который мы должны заложить до школы. Тогда в школьные годы не будет очень многих проблем. Их просто не будет. И многие успешные действия по освоению школьных предметов станут для ребенка доступны: ему будет на что опереться.

Далее вся книга, собственно, и посвящена базовым общефункциональным интеллектуальным навыкам: какие они есть и как их можно развивать в дошкольный период. Еще раз повторю: я предлагаю здесь далеко не полный список. Но и его вполне достаточно, на мой взгляд, для практической работы, для выстраивания конструктивной линии действий.

Таким образом, ответ на вопрос: «Чем конкретно надо заниматься с ребенком, чтобы хорошо подготовить его к обучению школьным предметам?» — заключается в следующем: «Надо заниматься много и разным». Конечно, можно в большей или меньшей степени научить дошкольника чтению, письму и счету, но важно понимать, что этим небольшим набором дело далеко не ограничивается. И, по-моему, вполне можно не очень спешить с изучением того, что потом и так дети будут проходить в школе. А вот заложить общий полноценный фундамент — это необходимо.

Чтобы лучше ориентироваться в своих действиях, я предлагаю простой подход: уже в дошкольный период думать о том, с какими конкретными функциями ребенок столкнется в школьные годы. Это может показаться странным и преждевременным, но именно таков системный подход. Выбирая формы и спектры развивающих занятий для ребенка в 5-6 лет, мы смотрим не на год-два вперед, а на 10–15 лет вперед. Это имеет смысл.

Еще раз повторю: подготавливая ребенка к обучению, мы не нацеливаемся на быстрые и заметные результаты. Мы сеем зерна — разбрасываем их максимально широко, максимально разнообразно. Быстрые и конкретные результаты могут быть, а могут и не быть. Главное, мы должны «засеять» все необходимые «территории». Необходимо на начальном уровне активизировать формирование всех важнейших интеллектуальных свойств личности.

РАЗВИТИЕ РЕЧИ

Переходя к перечислению базовых интеллектуальных навыков, по-моему, естественно начать с речи. Я не утверждаю, что это самое главное. Но это один из основных аспектов. Это именно одно из фундаментальных качеств, которое в очень большой степени влияет на дальнейшие успехи в школьном обучении.

Большое заблуждение думать, что достаточно до школы развить речь ребенка до уровня обычного бытового понимания. Для жизни в социуме человеку необходимо активно владеть набором из 2000–3000 слов. Но для успешной учебы необходимо гораздо больше.

Все школьные годы — это постоянное активное использование речи, причем в разных вариантах. Понять сложное объяснение учителя (или родителя, если ребенок учится дома), включающее новую информацию, новые слова. Уметь поставить вопросы к данному объяснению. Прочитать самостоятельно материал из учебника и разобраться в прочитанном. Суметь выделить в данном материале главное и сформулировать это. Пересказать материал своими словами. Написать сочинение. Устно ответить на уроке или на экзамене. Аргументированно доказать правиль-

ность своего решения задачи. Все это функции, где активно используется речь.

Дети с развитой речью обладают несомненными преимуществами в учебе. Хорошее, естественное и свободное владение речью просто отмечает многие проблемы и дает ребенку возможность сосредоточиться непосредственно на сути изучаемого предмета, не отвлекаясь на трудности языковой коммуникации.

Да, речь развивается в течение всей жизни. И школьное образование нацелено в том числе и на развитие устной и письменной речи. Но важно, чтобы ребенок вступил в данный поток обучения с хорошей базой, заложенной в дошкольные годы. Иначе он просто будет все время не успевать. Да и далеко не все аспекты владения речью в школе досконально тренируются: часто для этого нет ни времени, ни условий.

Когда ко мне обращались родители школьников, обучающихся в 6-7 классах с просьбами помочь по математике или по физике, то зачастую выяснялось: ученик не может прочесть абзац из учебника и понять его содержание, не может сформулировать, что конкретно ему не понятно в данном абзаце. Это сильно блокирует сам процесс изучения математики или физики. То же самое относится и к другим предметам. Ну как старшеклассник поймет суть биологической теории и оценит ее красоту, если он не в состоянии читать интеллектуально сложные тексты? Как он будет осваивать геометрию, если понимание формулировок теорем и задач представляет для него огромную трудность? Как он будет читать произведение классической литературы, если там много непонятных слов и выражений?

На мой взгляд, большинство таких ситуаций — это в очень существенной мере следствие недоработок в дошкольные годы. С ребенком недостаточно разговаривать на бытовом уровне: «Пойди спать», «Не хулигань за столом», «Конфету получишь после того, как уберешь игрушки». С детьми надо разговаривать много и по-разному. Ведь именно в дошкольный период закладываются основы всех базовых психологических конструкций, именно в дошкольном возрасте речь у человека развивается наиболее естественно и активно.

На данную тему я написал книгу «Мудрые зайцы, или Как разговаривать с детьми и сочинять для них сказки». Она есть на моем сайте «Папа Карп». Там содержится довольно много практической информации, которая применима к задачам подготовки к школьному обучению. А здесь я лишь кратко обозначу некоторые важные моменты.

Ребенок нуждается в освоении большого количества слов. За этим стоит следить. В разговорах с детьми целесообразно постепенно употреблять все новые и новые слова и выражения. И при этом важно разъяснять значения непонятных для ребенка словесных конструкций, новых терминов, идиоматических оборотов. Разумеется, делать это нужно ненавязчиво, естественно, не ломая общую ткань разговора. Точно так же надо действовать, читая детям вслух книги, слушая аудиозаписи, просматривая вместе фильмы и мультики.

Важно показывать ребенку различные варианты грамматических конструкций. К примеру, мы можем сказать: «Мокрая кошка, которая была под дождем». А можем сказать: «Кошка, промокшая под дождем» или «Промокшая под дождем кошка». Речевое многообразие должно стать привычным, чтобы слушать и понимать и чтобы активно использовать разные варианты словесных конструкций.

Важно познакомить ребенка с логичностью речи. Скажем, вы последовательно, по шагам, описываете процесс варки супа, а ребенок сидит рядом, слушает, смотрит и привыкает к описанию алгоритмов действий. И потом это пригодится ему в восприятии алгоритмов в математике или в применении правил русского языка.

Достаточно легко формировать у детей и умение самостоятельно описывать алгоритмы. «Какую замечательную ты башню построил из конструктора! А как ты ее сделал? Какие детали сначала положил? А потом?» — таких ситуаций много, они встречаются на каждом шагу.

Я всегда стимулировал своих детей описывать какие-то события, ведь ребенку хочется рассказать, что случилось с ним на прогулке, хочется пересказать содержание просмотренного фильма, хочется поведать о поведении любимого домашнего крысенка. От нас, взрослых, требуется внимание, готовность слушать, уме-

ние задавать вопросы. А родители, которые экономят свое время и жалеют его на такие разговоры, потом, в школьные годы, недоумевают, слушая сетования учителя на то, что их ребенок плохо умеет формулировать свои мысли. Основы-то закладываются в дошкольный период.

Однако речь наша может быть не только логична и последовательна, она может быть и парадоксальна временами. С этой стороной любого разговора, любого текста тоже имеет смысл знакомить детей. Без парадоксов нет науки. А уж в психологических взаимоотношениях парадоксальность встречается на каждом шагу. И здесь очень уже близко до волшебства сказок. Вот шел человек по улице и споткнулся, но не упал, а... повис в воздухе! Парадокс?! И согласитесь, что-то есть в такой ситуации общего с классическим математическим парадоксом о листе бумаги, у которого всего одна сторона (лента Мебиуса). Здесь речь сильно «цепляется» с логическим интеллектом — основой научного мышления.

Есть еще такая замечательная тема, как эмоциональная насыщенность речи. На одной логике сочинение по литературе не напишешь. Важно уметь пустить мысли течь потоком, открыть для себя возможности вдохновения, пусть поначалу и в простейших учебных задачах. Как познакомить ребенка с данной стороной речи? Ну, например, рассказывать и читать сказки. Обсуждать их ненавязчиво. Использовать в разговоре эмоциональное многообразие как средство более полного описания ситуаций, как способ более глубокого психологического контакта.

Важно, разумеется, не перебарщивать. Допустим, посмотрел ребенок мультфильм. Мы можем его спросить: «Ну и что там было?» Пусть ребенок сначала скажет одну фразу, хотя бы кратко. Не надо пытаться устроить классический школьный урок по литературе, с выяснением главных героев, основной мысли автора и средств художественной выразительности. Достаточно очень мягко простимулировать чадо высказать что-то о просмотренном или о прочитанном. И это должно происходить естественно.

Вы сами можете окинуть взглядом огромное пространство речи и форм речевого взаимодействия и соответственно го-

готовить ваших детей к умелому и свободному плаванию в этом океане. Еще раз подчеркиваю: до школы не стоит задача освоить весь океан, это задача на десятилетия. До школы нужно просто понемногу познакомить ребенка с разнообразием словесных форм. Причем делать это надо постоянно, во всех обычных, ежедневных ситуациях, разговорах, играх с детьми.

РАЗВИТИЕ

ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ

Если роль речи в школьном обучении вполне очевидна, то вот о роли образного мышления почему-то обычно думают мало. А это ничуть не менее важный фактор!

Любой человек мыслит в основном образами. Чисто интеллектуально-логические формулировки абсолютное большинство детей и подростков воспринимает с трудом. Это высокий

уровень абстрактного мышления. Гораздо проще и естественнее мыслить образами: видеть их перед собой, представлять их, выдумывать новые.

Одно дело сказать ребенку в первом классе: «Сложи 12 и 17». Это абстрактно, сухо и непонятно. А другое дело описать такую ситуацию: «Сидят на дереве две белки. У первой белки в мешочке 12 орехов, а у второй белки 17 орехов. Сколько орехов у них вместе?»

Образное мышление — безграничная сфера. Что особенно важно для успешного освоения школьных предметов? На мой взгляд, чрезвычайно важна привычка представлять в образах то, о чем говорит учитель (или дома родитель) или то, что написано в учебнике, в задачнике, в тесте. Плюс важно умение оперировать образами — плоскостными и объемными. Все остальные аспекты развития образного мышления, конечно, тоже участвуют при изучении школьных предметов. Это единая система, одно из самых основных общеинтеллектуальных качеств, оно необходимо в любом классе, в работе с любым учебным материалом.

Например, читает ребенок задачу: «Зайчик два часа плыл по реке на лодке вниз по течению со скоростью 5 км/час относительно воды. А скорость течения в реке 2 км/час. Какое расстояние проплыл зайчик?» Чтобы решить данную задачу, ученик должен представить себе всю описанную ситуацию: зайчика, лодку, реку с течением, берега реки... Представить наглядно, четко. Иначе он не сможет даже приступить к решению! Прежде всего, в голове должен возникнуть образ, картинка. Или в старших классах на уроке физики: «Электрон летает в магнитном поле так, что плоскость его полета перпендикулярна силовым линиям магнитного поля. Радиус траектории движения электрона составляет 5 см». Ученик должен все это четко представить: летящий электрон, его траекторию, силовые линии магнитного поля. И так в каждом предмете. Без образного мышления вся учеба превращается в поток абстрактных слов, которые почти невозможно хорошо понять и почти невозможно хорошо запомнить. А как только представили картинку — все сразу же становится проще.

Конечно, авторы школьных учебников стараются иллюстри-

ровать материал, особенно сейчас это заметно в начальных классах, возникает много новых видеопособий. Но все это пока капля в море. И повторяю: важно, чтобы ученик не только видел готовые образы, но и умел их представлять сам.

Как развивать образное мышление? Путей много. Главное — этим заниматься. И не в одном, а во многих направлениях, используя различные формы. Напоминаю ключевую концепцию: в дошкольном возрасте заложить основы для широкого спектра умений оперировать образами: рисовать их, представлять в уме, комбинировать, анализировать, выдумывать, сопоставлять. Надо активизировать на исходном уровне все основные стороны образного мышления. И потом, в школе, это будет прекрасной базой для успешной учебы.

Я, например, использовал в своей практике развивающие игры Б.П. Никитина. На мой взгляд, они прекрасно сочетают развитие логики и развитие привычки «думать образами». Особенно мне нравится игра «Кирпичики» — в ней закладываются основы тех навыков, которые используются потом на уроках геометрии и черчения, то есть это задел на десять лет вперед!

С моей точки зрения, очень хорошо использовать в дошкольном возрасте все виды рисования и другого художественного творчества. Причем именно с точки зрения развития общих основ образного интеллекта. «Детские» формы рисования — это универсальный и естественный путь. Здесь важна не нацеленность на конкретные результаты, не критерии взрослого искусства, не степень «похожести» изображения, а освоение ребенком пространства, стихии образов — в линиях, в красках, в графике, в объемных композициях. На моем сайте «Папа Карп» вы можете почитать мою книгу «Волшебный лягушонок, или Как рисовать вместе с детьми». Там подробно описано множество развивающих форм рисования с дошкольниками и школьниками.

Когда мы рассказываем детям сказку или описываем какую-то ситуацию, лучше делать это образно, «зримо». Мы можем немного помочь ребенку представить то, о чем говорим. Хорошие писатели, хорошие актеры умеют это делать для широкой аудитории, а родитель вполне в состоянии так рассказывать

истории своим детям просто за счет близкого личного контакта, за счет естественности общения.

Есть множество готовых заданий для развития образного мышления. Им стоит уделить внимание как важному разделу подготовки к школьному обучению. Имеет смысл попробовать как задания с плоскими образами, так и потренировать восприятие объемных предметов, а также восприятие взаимного расположения нескольких объектов.

Есть немало интересных дел, которые естественно вплетены в ткань жизни и дают хороший стимул умению оперировать с образами. Например, составить план комнаты, квартиры — в масштабе, на клетчатой бумаге. Или ориентироваться по карте — в городе, в лесу. Или представить, как выглядит вон тот конкретный автомобиль с другой стороны, сверху, снизу.

Ясное дело, никто не отменяет широчайшего знакомства с образами окружающего мира, причем гораздо лучше в «натуральном виде», а не на картинках или в фильмах. Кстати, через какое-то время их удобно повспоминать: «А ты помнишь, какой мы вчера видели подъемный кран?» И рисовать по памяти — хотя бы иногда, хотя бы что-то. Любой, абсолютно любой объект содержит в себе неисчислимые возможности для изучения и анализа внимательным взглядом любопытного ребенка! Наше дело — инициировать сей процесс, поддержать его и направить.

Поверьте, заставляя старшекласников, у которых не ладится с математикой или физикой, все представлять, рисовать (о чем говорится в задачах) — это адский труд. Заново развить эту привычку очень трудно. Гораздо лучше в период дошкольной подготовки спокойно и со вкусом заложить основы хорошего, естественного образного мышления. И далее надо будет просто поддерживать данный навык.

Разнообразные конструкторы, моделирование, поделки из бумаги, мозаики, разглядывание осенних листьев, радуга в небе и узор созвездий — все это пути активизации образного интеллекта. Выбирайте любые. Дошкольное время как раз замечательно подходит для всего этого.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ

Еще один важнейший общепсихологический навык — умение сосредоточенно работать. В школьном обучении это требуется всегда и везде. И, разумеется, начинать тренировать ребенка надо еще в дошкольном возрасте. Иначе первые несколько классов ученик будет отставать по всем предметам, пока не выработает умение сосредотачиваться на учебной информации в должной степени. А значит, огромное количество знаний пройдет мимо. И даже если со временем человек привыкнет сосредоточенно работать, он уже вряд ли сможет наверстать упущенное в первые школьные годы. Вот именно так стоит вопрос!

Согласно статистике, примерно половина ошибок на контрольных, в тестах, в ЕГЭ и в других формах аттестации происходит по элементарной невнимательности. «Плюс» с «минусом» перепутал ученик — и все, ответ уже неверный будет. Или списал пример в тетрадь неверно. Или в элементарных вычислениях случайно ошибся. Все это проявления недостаточности навыка концентрации внимания. Мало просто понять учебный материал и в целом освоить основные приемы решения стандартных заданий. Надо еще суметь все аккуратно и тщательно проделать. Во всех классах данный навык очень актуален.

Поэтому имеет смысл заранее, постепенно развивать в детях умение сосредоточенно выполнять разнообразную работу. Тогда к первому классу исходный задел в данном общепсихологическом навыке сформируется такой, какой необходим для успешной учебы прямо с первых же дней первого учебного года. Я считаю, что это является одним из главных ориентиров дошкольной подготовки.

Навык концентрации внимания, управления вниманием — фундаментальное свойство нашей психики, без него невоз-

ПОДГОТОВКА К ОБУЧЕНИЮ КАК СИСТЕМА

можно любая серьезная работа. Когда ребенок сосредоточенно ковыряется в песке и строит куличики, когда сосредоточенно раскрашивает картинку, когда делает сложные для него упражнения на спорткомплексе, когда решает математическую задачку, когда заколачивает гвоздь в доску, когда играет в развивающую игру — во всех этих ситуациях он учится сосредотачивать свое внимание. Функции разные, а навык общий.

Принцип прост: тактично и внимательно относиться ко всем таким ситуациям, где естественно проявляется концентрация внимания. В большинстве случаев достаточно лишь с пониманием поддерживать интерес детей, их обычные занятия, в которых они тренируют умение сосредотачиваться. Таких возможностей много, и проще идти от интересных для ребенка функций. А потом все это проявится и в умении сосредоточиться на учебной информации.

Вполне ясно, что просмотр фильмов и компьютерные игры здесь никак не помогут. Поскольку там вся ситуация организована за нас — чтобы нам было легко и удобно удерживать свое внимание. Двухчасовое кино делают несколько сотен человек в течение года, а то и больше. Там каждый кадр, каждая минута отрабатывается в мельчайших деталях — вся работа сделана за зрителя.

В школьной учебе ребенок попадает в совершенно иную ситуацию. Он попадает в море информации, в которой ему необходимо действовать, которую надо запоминать. Ученик должен сам себя организовать в данной сложной функции. Да еще зачастую информация эта не является для детей интересной, не захватывает их внимания, не помогает сосредоточению. Работая с отстающими ребятами, я мог видеть, что для них в 6-7 классе бывает трудно просто выделить один пример из целой страницы примеров: они еще не начинают решать, а уже путаются.

Привычка к сосредоточению внимания — естественная, базовая, она дается человеку от природы. Ее нет нужды «вставлять в мозг» (как правила арифметики или правописания). Важно лишь в первые годы жизни достойно поддерживать данную общепсихологическую функцию. Важно не дергать, не

обламывать ребенка, когда мы видим, что он сосредоточенно что-то делает.

Вот включили кран в ванной — из него потекла вода. Чадо может час простоять, трогая пальчиком текущую струйку, наблюдая падение дробящейся на капли воды, набирая водичку в маленькую пластмассовую чашечку. От нас требуется только отрегулировать струю, немного проследить за тем, чтобы вода не текла повсюду вокруг, морально поддержать детеныша в таком серьезном деле. А если мама или папа тоже в этом участвуют — совсем здорово!

А вот немного подросший сынишка сосредоточенно разбирает старый ненужный магнитофон. Скажем честно: он его просто потихоньку ломает. Но это же путь познания! Это выработка умения длительно сосредоточенно выполнять определенную работу. Или, к примеру, за обедом доченька сосредоточенно и долго-долго размешивает сметану в супе, наблюдая возникающие и меняющиеся узоры: белые круги, полосы, капли и загогулины в красном борще. «Ешь быстрее, а то борщ остынет! Нам надо спешить на развивающие занятия по подготовке к школе!» — так может сказать мама. Но ведь это же будет полный облом! Вот оно — развивающее занятие по подготовке к школе. Прямо в этой тарелке все и происходит, никуда и ходить не надо!

Большая ошибка думать, будто бы для освоения школьных предметов важно только умение сосредотачиваться на учебной информации интеллектуального плана. Важен общий навык. Все дошкольные годы ребенок сам подсказывает нам пути развития умения концентрировать внимание — в самых различных делах и занятиях. Внимательно собирать модель из конструктора и сконцентрированно решать уравнение по физике — это, по сути, весьма похожие функции психики.

Постепенно мы подключаем к навыкам сосредоточенного действия и ту информацию, с которой ребенок столкнется в школьные годы. Буквы, цифры, геометрические фигуры, слова и словосочетания, простейшие примеры на сложение и вычитание, образ числовой оси — все это такие же объекты, как и остальные объекты окружающего мира. В дошкольном возрас-

те зона привычных игр и занятий постепенно расширяется и на сферу специфической интеллектуальной информации. Там мы тоже приучаем ребенка к сосредоточенности, к концентрации внимания.

Следует отметить, что для устойчивой учебы на хорошие оценки одних знаний по предмету мало. Необходимо еще и уметь собраться в момент ответа у доски, во время контрольной или экзамена. Иногда высокая и активная концентрация, «настрой на победу», полная внутренняя мобилизация заменяет ученику часть знаний (а бывает, и очень существенную часть знаний, как все мы знаем из нашего личного школьного и студенческого опыта).

Например, во время диктанта учитель всегда сначала внятно и отчетливо читает весь текст, а потом так же отчетливо диктует его по предложениям. Если ученик сосредоточен в этот момент, то он легко поймет, какие слова как пишутся, какие и где нужно поставить знаки препинания. Даже если он забыл многие правила, все равно существует шанс получить хорошую оценку.

Умение сосредоточенно работать над учебным материалом — это еще и радикальная экономия времени. Есть огромная разница: прочитать учебник один раз с полной концентрацией внимания или же несколько раз с малой степенью сосредоточенности. В первом случае, человек потратил пятнадцать минут — и все понял. А во втором случае, человек потратил час или два, устал, не смог полноценно погулять или поиграть.

Итак, навык сосредоточенности в работе — это один из важнейших элементов того общего фундамента, который надо заложить для получения качественного школьного образования. Ориентир вполне понятный. Для дошкольника более естественно вырабатывать умение концентрировать внимание в процессе различных видов сенсорного познания мира, разнообразных игр, наблюдения явлений природы. Имеет смысл охватить широкий спектр функций и объектов. И, конечно, не забыть про тренировку сосредоточенности в интеллектуальной сфере.

РАЗВИТИЕ ЛОГИКИ

С логикой все и понятно и не очень понятно. С одной стороны, все понимают, что развитие основ логического мышления — это необходимый элемент подготовки к школьному обучению. Существует множество специальных развивающих игр для дошкольников, интересных заданий, интерактивных пособий. Мы можем выбирать то, что нравится нашему ребенку, что удобно для использования, что эффективно работает конкретно в нашей ситуации. Все это здорово. И здесь все ясно: бери и занимайся с детьми. С другой стороны, одних лишь специальных заданий мало. Это как раз далеко не все родители осознают в должной мере. Чисто интеллектуальные тренировки в формате развивающих занятий обычно не могут быть слишком длинными, слишком насыщенными. Дети быстро устают, теряют интерес. Позанимались 15–20 минут, и уже хорошо, уже что-то отложилось. Поэтому необходимы целенаправленные усилия по развитию логического мышления через другие формы, а не только в специальных занятиях. Вот что важно.

Логика — ключ к цивилизации. Вокруг нас есть во множестве прекрасные примеры логических взаимосвязей, они существуют в формах, доступных для восприятия детей до-

школьного возраста. Цивилизация возникла благодаря логике и существует, опираясь на логику. Конечно, есть в устройстве человеческого общества и много нелогичного, иррационального, чисто эмоционального, хаотичного... Но все же логика пронизывает весь наш человеческий мир. А если мы приглядимся к природе, то и там увидим многие-многие логические закономерности.

Человек в дошкольном возрасте живет в основном движением и эмоциями. Что такое желание — это ясно любому ребенку. А вот, что такое связь между причиной и следствием, — это постигается гораздо медленнее. А уж длинные логические цепочки осознаются детьми вообще далеко не сразу. Разумеется, огромное количество взаимосвязей в окружающем мире ребенок познает просто в естественном процессе жизни. Налетели тучки — пошел дождик. Съели днем весь суп — поэтому папе на вечер не осталось. Мама дала пятьдесят рублей — купили мороженое. Ударил Васю в песочнице кулаком — а Вася дал сдачи ногой.

Но мы в состоянии показывать и объяснять детям и гораздо большее количество логических связей в том, с чем мы сталкиваемся каждый день. Мы можем знакомить детишек с устройством, с внутренней структурой вещей, с логикой их функционирования. Ненавязчиво, в коротких и простых фразах, в подходящий момент, без чрезмерности. Такие разговоры с дошкольниками, которым интересно все, которые не загружены обязательной учебой, для которых мы еще абсолютный авторитет, могут заложить основы логического мышления гораздо более фундаментально, чем специальные развивающие занятия.

Логика — универсальная функция интеллекта. Она приложима и к укладыванию рюкзака перед походом, и к правилам дорожного движения, и к варке супа, и к анализу математического уравнения. Вот почему мы сначала кипятим воду, а уже потом кидаем туда овощи? В какой последовательности мы кладем овощи в суп при его варке? Зачем мы предварительно обжариваем морковку и лук? Почему сначала делаем большой огонь, а потом его уменьшаем? Ребенок может сидеть с нами на кухне, наблюдать, как мы варим суп, и слушать наши разъяснения. Все происходит естественно, между делом. Да, дошколь-

ник далеко не все поймет в наших рассказах. Ну и что? Некие основы логического анализа и сопоставления будут заложены.

Я не призываю «давить» на логику. Все же в дошкольном возрасте очень важны и нелогические пути познания мира. Необходимо их полноценно прожить. Но если мы потихонечку закладываем и логические способы осмысления реальности, то это будет хорошей основой потом. И математика, и биология, и русский язык, и английский язык, и химия — логика присутствует везде, хотя и в различных вариантах.

Разным детям интересно разное. Скажем, мои сыновья с удовольствием вели со мной разговоры об устройстве машин, ракет и самолетов. А младшая дочка не любила слушать про все это, ей хотелось узнавать про психологию животных, про их повадки. Ну что ж, приходилось приспосабливаться.

Главное: логику всегда надо подавать в связи с реальной жизнью, в связи с понятными для детей ситуациями. Надо, чтобы все это постигалось не абстрактно, а наглядно. Вот идем по улице, увидели работающий насос, который воду из люка откачивает, — и сразу обсудим, как этот насос устроен, зачем он воду откачивает, почему необходимость такая возникла. Или дома после прогулки вспомним про насос, который увидели сегодня, и поговорим о нем, нарисует схему его конструкции.

Но здесь есть какой-то предел. Не всегда имеет смысл расчленять реальность на логически очевидные взаимосвязи. Логика — это еще далеко не все. Иногда нужно просто удивиться: цветку, закатному небу, пролетевшему самолету. Иногда надо просто почувствовать что-то душой.

РАЗВИТИЕ

ОТНОШЕНИЙ С АЛГОРИТМАМИ

Осваивая жизнь, ребенок осваивает и многочисленные алгоритмы: ходить, говорить, лазать по лесенке, пользоваться заедой ложкой, завязывать шнурки на ботинках, читать, пры-

ПОДГОТОВКА К ОБУЧЕНИЮ КАК СИСТЕМА

гать, кидать мячик в цель, платить за покупки в магазине и получать сдачу. В школьные годы к этому добавляется масса алгоритмов из математики, русского языка, чтения, природо-ведения.

Существует простая и довольно естественная иерархия отношений человека с алгоритмами в любой деятельности. Применима она и к изучению школьных предметов. Это достаточно условная схема, но она удобна для понимания и для практической ориентации.

Первый уровень — человек запоминает алгоритмы. В школе надо запомнить правила арифметических действий, правила решения задач разного типа, правила русского языка. Надо научиться вести себя во время занятий, писать, читать, отвечать на вопрос учителя. Первые школьные годы ребенок в основном запоминает все новые и новые алгоритмы действий. Не последнюю роль здесь играет многочисленное повторение одного и того же. Это один из краеугольных камней всей методики обучения в начальной школе.

Второй уровень — человек учится различать алгоритмы, выбирать нужные, комбинировать их. В школе этот этап начинается в основном в средних классах. И далее процесс идет уже преимущественно в данном ключе. Алгоритмов делается уже так много, они делаются уже такими разными, что ученик должен уверенно выбирать именно те, которые подходят к данной

конкретной ситуации (задаче, тексту, главе учебника). Это более сложный вид интеллектуальной деятельности (по сравнению с первым уровнем).

Третий уровень — человек изобретает новые алгоритмы. До этого обычно в массовой школе дело не доходит. Освоить бы второй уровень — и уже здорово. Конечно, существуют особые продвинутые школы, где детей учат творчески подходить к решению задач, написанию сочинений и подготовке докладов по биологии. Существуют такие талантливые учителя, которые ухитряются в рамках стандартной программы стимулировать самостоятельное мышление учеников, и дети, понятно, попадают такие исходно талантливые, что сами пытаются что-то изобретать.

Если мы подумаем, то практически в любой профессии увидим те же уровни. Для начала человек должен освоить алгоритмы, правила, стандарты работы. Он должен научиться действовать строго по инструкциям. Потом, по мере освоения профессии, человек учится уже более гибко подходить к выбору алгоритмов действий на основе всей конкретики текущей ситуации. Только таким образом он сможет стать хорошим специалистом. Ну а затем для него открыт путь для совершенствования мастерства, для улучшения старых алгоритмов и создания совершенно новых.

К примеру, чтобы освоить вождение автомобиля, необходимо выучить правила управления машиной и правила дорожного движения (первый уровень) и на практике научиться применять эти правила в текущей ситуации на дороге (второй уровень).

Чтобы стать врачом, надо сначала изучить многочисленные признаки различных болезней и всевозможные способы лечения, виды лекарств (первый уровень), а потом научиться адекватно разбираться в индивидуальной ситуации каждого больного и находить подходящий конкретно для него метод лечения (второй уровень).

В соответствии с ключевой концепцией, которую я предлагаю в данной книге, до школы важно заложить как основы умения хорошо запоминать алгоритмы в интеллектуальной сфере, так и основы умения их правильно комбинировать, правильно вы-

бирать подходящие к данной конкретной учебной задаче. И то, и другое легко сделать на основе доступных для дошкольников функций. Главная фишка — не забыть про второй уровень владения алгоритмами.

В этом состоит довольно частый парадокс дошкольной подготовки: родители чрезмерно увлекаются активизацией первого уровня отношений с алгоритмами. А потом в школе (но не сразу, а через несколько лет) всплывает то, что для второго уровня владения алгоритмами основы-то достаточные и не заложены. Вот тут и возникают «неожиданные» трудности с математикой, физикой, химией — там, где на одном запоминании материала далеко не уедешь. Да и во многих других предметах позиции ослабляются.

Скажем, мы учим ребенка счету. Он легко запоминает последовательность чисел от единицы до ста. Мы выучиваем его читать, решать простые примеры на сложение и вычитание, пересказывать текст. Это все, разумеется, очень хорошо. Но для второго уровня владения алгоритмами здесь пищи почти нет. То есть мы так подготовим ребенка к первым годам школьного обучения, но не зложим основ для последующего продвижения. Возможно, оно все разовьется как-то само собой. А возможно, и не разовьется.

Как я уже писал, в дошкольном возрасте мы не формируем навык в полном объеме. Мы лишь активизируем исходный природный потенциал. Мы кидаем в почву зерна. Поэтому важно хотя бы в какой-то мере дать опыт комбинирования алгоритмов, опыт выбора алгоритмов из некоторого набора. Важно, чтобы человек почувствовал: так можно делать.

Если вы поймете данный принцип, то сможете применять его различными способами. Собственно, вся эта книга посвящена второму уровню владения алгоритмами в сфере дошкольной интеллектуальной и психологической подготовки. Я не описываю многочисленные методики занятий с детьми, такие методики в изобилии есть на любой вкус. Я описываю принципы выбора и комбинирования этих методик. Хотя, с другой стороны, каждую такую методику можно использовать как на первом уровне (действия чисто по инструкции), так и на втором уровне (ваши личные «подгонки» исходной методики

под вашего конкретного ребенка, под ваш характер, под ваши возможности).

Итак, если простое запоминание алгоритмов деятельности в дошкольный период — явление вполне ясное и обычное, то освоение комбинирования алгоритмов нуждается в особом внимании. И это окупится сторицей!

Как конкретно подойти к данному направлению дошкольной подготовки? Как и всегда, есть два взаимодополняющих пути: в специальных развивающих занятиях и просто в обычных житейских делах и ситуациях.

Скажем, развивающие игры Б.П. Никитина прекрасно формируют основы умения выбирать нужные алгоритмы. И даже побуждают ребенка искать новые алгоритмы (то есть это еще более высокий третий уровень). Здесь тренируется не столько память, не столько запоминание правил и приемов, сколько то универсальное качество, которое в быту называется «умение думать». Лично я не очень большой поклонник игр Б.П. Никитина, но считаю, что какое-то время уделить им целесообразно.

Или такая древняя игра, как шахматы. Правила довольно элементарны. Но какое разнообразие вариантов ходов и комбинаций! Есть и более простые игры на шахматной доске: шашки, поддавки, уголки. И много других различных игр, пришедших из разных стран. В дошкольном возрасте вполне можно понемножку знакомиться с этими игровыми системами.

Но подойдем к делу с другой стороны. К примеру, я собрался строить в квартире стеллаж. Мои сыновья еще в дошкольном возрасте, но им, ясное дело, тоже очень хочется поучаствовать. Я использую данную ситуацию и как повод потренировать умение думать. Простые навыки обращения с инструментами сыновья уже освоили (забить гвоздь, завинтить шуруп, отпилить рейку, обработать напильником края доски). Теперь попробуем из этих простых алгоритмов построить весь процесс. Я предлагаю ребятам вместе поразмышлять: что и в какой последовательности будем делать. То есть я не просто даю им инструкции: «Забей гвоздь вот сюда» или «Отпили доску вот здесь», а учу их планировать всю работу, подбирать верную последовательность используемых алгоритмов.

А как заложить основы для умения изобретать новые алгоритмы? Ну, творчество, высокое мастерство в любой сфере — это такая тонкая штука. Однако начинается все с того, что малыш сам придумал новый для него способ укладывания узора из кубиков или новый способ решения головоломки. Чуть позже он изобретет самостоятельно способ решения задачи по математике. Важно поддерживать эти крупницы, эти искорки творчества в интеллектуальной деятельности. И весьма важно подбирать уровень сложности задач для ребенка — чтобы было не слишком сложно и не слишком просто.

Еще есть такой путь: рассказывать детям об изобретениях, научных открытиях, радикальных нововведениях в разных областях жизни. Здесь полезно показать, как происходил переход от старого к новому. Ребенок через сопереживание почувствует стиль и принцип мышления изобретателей, исследователей, первооткрывателей. И, разумеется, если это возможно, надо хоть в какой-то степени объяснять суть дела. Вот были пароходы с колесами по бокам гребными, а потом стали делать суда с винтом под кормой, вот переписывали книги от руки, а потом придумали книгопечатание.

Но вовсе не обязательно ставить планку так высоко. Изобретение — это далеко не всегда нечто глобальное. Все мы по жизни иногда что-то изобретаем. Ну и почему бы не рассказать нашим детишкам об этих светлых моментах? Ведь папа или мама — это очень близкие люди для малыша. Их опыт, их стиль мышления произведет на ребенка сильное впечатление. Мама изобрела новый рецепт торта? Отлично! Папа придумал приколотить в прихожей на пол рейку, отделяющую грязную уличную обувь от пространства остальной квартиры? Классно! Давайте же расскажем детишкам, как мы додумались до таких изобретений. Расскажем не спеша, подробно, со вкусом, с живыми эмоциями.

И вот что существенно: освоив владение алгоритмами на более высоких уровнях, человек уже гораздо легче оперирует с алгоритмами более простых уровней. В средних и в старших классах это становится особенно очевидно. Если ученик способен сам придумать способ решения задачи повышенной сложности, то уж формулы он запомнит. В крайнем случае, подсмотрит в шпаргалке.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Теперь давайте обсудим четвертый уровень владения алгоритмами — системный. Что имеется в виду? В жизни мы видим везде вокруг не отдельные изолированные процессы и явления, не отдельные объекты и правила. Мы видим системы разной степени сложности. Социальные системы, технические системы, научные системы, природные системы, педагогические системы, художественные системы, музыкальные системы. Именно так устроен мир. И именно так устроено школьное обучение.

Системный интеллект — это самый высокий уровень отношений с алгоритмами, это наиболее сложный тип мыслительной деятельности. На этом уровне человек видит всю систему целиком, он понимает ее структуру, понимает принципы взаимодействия ее частей между собой. И соответственно, умеет пользоваться данной системой, ориентироваться в ней, владеть всем ее потенциалом.

С другой стороны, системное мышление присутствует параллельно и со всеми тремя первыми уровнями владения алгоритмами. Хотим мы или не хотим, мы вынуждены взаимодействовать с окружающим миром, мы вынуждены строить отношения со всеми системами этого мира, изучать их в какой-то степени. Поэтому системный интеллект — это навык любого человека, ребенка или взрослого. Но степень владения данным навыком, умение его применять в конкретных ситуациях, осознание методов системного подхода — все это может быть различным у разных людей.

В школе человек сталкивается с системой знаний. Особенно, когда дело доходит до изучения основ наук (в средних, а потом в старших классах). Успешность учебы во многом определяется тем, способен ли ребенок, подросток понимать систему данной конкретной науки (физики, истории, географии, биологии), способен ли он уверенно ориентироваться в ней. И такая способность почему-то у кого-то есть, а у кого-то ее нет.

Что мы можем сделать до школы? Все элементарно до банальности. Надо понемногу знакомить ребенка с элементами системного подхода, используя подходящие случаи. Понятно, что в полной мере мы таким образом системный научный интеллект не сформируем. Но заложить некоторые основы, на которые ребенок потом будет опираться, вполне возможно.

Скажем, чадо интересуется устройством космической ракеты. Один вариант нашей реакции — как-нибудь попроще объяснить принцип реактивного движения. Разумеется, сие есть достойная задача. Но почему бы не пойти чуть дальше и не рассказать о ракете как о целостной системе? Из каких частей она состоит? Как эти части работают? Как связаны между собой? Что необходимо для жизнеобеспечения космонавтов? Каково соотношение масс горючего на старте и полезного груза, выводимого на орбиту. Не каждый взрослый тут специалист, но ведь и нет нужды особо подробно все расписывать. Достаточно общего обзорного представления.

Малыш интересуется животными? Очень хорошо. Он увидел по телевизору льва в Африке? Чудесно! Давайте расскажем ребенку о природном сообществе саванны, о взаимоотношениях в нем разных видов животных и растений. А в другой раз вспомним кроликов, которые жутко расплодились в Австралии в отсутствии хищников. А еще на прогулке по нашему обычному лесу поговорим о взаимосвязях животных и растений, почвы и воды.

Рисование — тоже прекрасный способ развить в малыше чувство системности. Если вы возьмете любой хороший самоучитель по живописи и графике, то одна из первых вещей, которую вы там прочитаете, будет: «Подходите к созданию рисунка или живописной композиции как к единому целому». Изображение любого объекта, любой комбинации объектов должно строиться с учетом их взаимоотношений — по цвету, по расположению, по освещенности, по размерам.

К примеру, нарисовал ребенок мышку в травке и хочет к ней в компанию добавить еще одну. Где на листе лучше расположить эту вторую мышь? А где сверху нарисовать прилетевшую к ним в гости бабочку? А какого цвета будет бабочка? Детский рисунок — это система, мы ее постепенно формируем из появляющихся частей.

Кстати, про бабочек. Тема взаимосвязанной эволюции насекомых и цветковых растений прекрасно годится для дошкольников как способ понять суть системного подхода. Ведь именно для насекомых растения стали такими красивыми, так приятно пахнут, вырабатывают такой вкусный нектар. А насекомые приспособились к цветам, пчелы даже мед научились из нектара делать.

Если в вашем доме есть паровое отопление, то вполне естественно обсудить с дошкольником, как устроена система парового отопления. Где-то есть огромный котел, в котором греется вода, потом она течет по толстым трубам, потом разветвляется на отдельные дома, потом подводится к каждой квартире, потом вода собирается и течет обратно. Степень детальности такого разговора выбирается с учетом интереса ребенка и ваших знаний.

Как устроено наше тело? Что такое нервная система, кровеносная система, дыхательная система, пищеварительная или опорно-двигательная системы?

Некая трудность таких разговоров с дошкольниками состоит в том, что объяснять нужно очень кратко, очень простыми словами, на самом элементарном уровне. Здесь от взрослого требуется определенный навык. Да, зачастую мы радикально упрощаем, где-то даже искажаем правду жизни. Но главное — мы учим детей видеть структуру в любом явлении, в любом техническом устройстве, в любом рабочем процессе.

И еще один пример очень хочется привести. Глобус и карта. Карта нашей страны или любой другой страны, карта той местности, в которой мы живем, карта нашего микрорайона. Ребенок сразу может увидеть всю систему расположения объектов, всю систему путей между точками на местности.

А как устроена армия? Это ведь тоже большая такая система. Дошкольник может думать, что армия просто состоит из дяденек с автоматами, которые бегают и стреляют... Но как устроено управление войсками? Что такое иерархия воинских чинов? Как обеспечивается питание, обеспечение горючим, подвоз боеприпасов? Ну и так далее. Для дошкольника вполне реально понять все эти вещи на самом общем уровне. И главное — с конкретными наглядными примерами.

А как устроен большой океанский корабль? Из каких главных частей он состоит? Как он управляется? Что предусмотрено на случай аварии? Как размещаются пассажиры и команда?

Итак, весь мир вокруг — идеальное место для развития у дошкольника некоторых основ системного мышления, системного подхода. До высокого научного системного интеллекта здесь еще далеко. Но всему свое время. Зерна прорастут при последующих благоприятных обстоятельствах, а пока мы работаем на опережение. И пускай даже дети забудут почти все те конкретные вещи, которые мы им рассказываем, упрощая и стараясь подать информацию поинтереснее. Базовые структуры умственной деятельности потихоньку формируются.

РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ

С высот системного интеллекта мы перейдем к такому ясному принципу, как развитие умения выполнять мелкие, точные движения руками, особенно пальцами. Ценность данного направления дошкольной подготовки общеизвестна. Все начинается с того, что малышу дают комкать и рвать бумагу, дают специальные игрушки с шероховатостями и небольшими неровностями поверхности, предлагают поиграть с мешочками, набитыми фасолью или мелкими камушками. Потом подключаются другие формы тренировки, специальные задания, особые формы занятий.

Я не буду здесь подробно расписывать весь огромный спектр способов развития мелкой моторики. Есть много источников информации на данный счет. Просто было бы странно не упомянуть эту тему в книге о системе подготовки к школьному обучению. И еще мне хочется немного рассказать о своих разработках, родившихся, что называется, прямо в процессе живой практики, фактически по просьбам моих детей.

Если родитель всерьез и постоянно озадачен тем, чтобы развивать у своего ребенка мелкую моторику, то он будет отслеживать данную линию. Это именно ориентир на все дошкольные

годы. Как и во всем остальном, заикливаться на нем не стоит. Но помнить и творчески использовать — смысл имеет.

Особенно удобно прямо по ходу жизни замечать такие ситуации, которые интересны ребенку и дают хороший повод потренировать мелкие движения пальцев. Скажем, мы гуляем с малышом в осеннем лесу или парке. Везде множество разноцветных опавших листьев. Почему бы не поразрывать их на мелкие кусочки? Особенно весело дело пойдет, если мама покажет пример, если по ее лицу и эмоциям будет видно, как ей самой интересно рвать желтые, красные, оранжевые опавшие листья.

Или вот купили ребенку раскраску. Чем ее лучше раскрашивать? Фломастерами или карандашами? Если мы нацелены на развитие мелкой моторики, то карандаши лучше. На карандаш надо давить, его надо по-разному поворачивать, когда раскрашиваешь.

Или, к примеру, папа ремонтирует что-то дома или полку на стену вешает. Вполне можно попросить малыша помочь завинтить гайку, поддержать в руках шурупы (подавая их папе по мере необходимости), поработать отверткой. Конечно, самому взрослому все это сделать и проще, и быстрее. Но стоит использовать такую замечательную ситуацию: и чтобы поразвивать мелкую моторику, и чтобы пообщаться с ребенком в процессе реального совместного дела, и чтобы обсудить по ходу принципы укрепления полки на стене.

Я одно время рисовал для своих детей много-много пунктирных картинок, чтобы они их обводили. Да, есть сколько угодно готовых таких картинок — и в книжных магазинах, и в интернете. Но здесь важен еще момент индивидуального интереса, конкретной текущей жизненной сцены. Например, увидели за окном в небе самолет — и я его тут же изобразил точечками или короткими штрихами среди облаков. А дети с удовольствием обведут все линии карандашом или ручкой. Параллельно можно и поговорить о самолетах. Рисуются такое развивающее задание мгновенно. И выполняют его дети быстро.

Другая идея: пунктирные пути, по которым движутся интересные объекты. Причем дети сами подскажут, что надо для них нарисовать. Вот кому-то хочется, чтобы бабочка перелетала с цветка на цветок. Рисуем простенько два цветка, взлетающую с

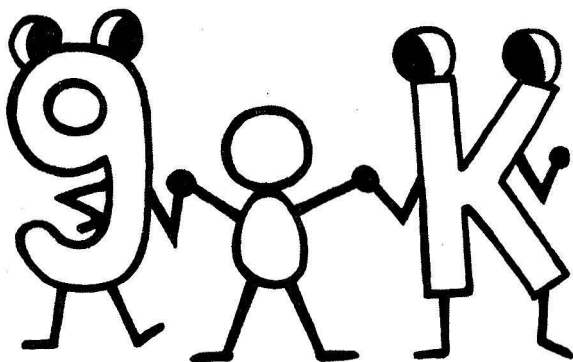
одного из них бабочку и далее — пунктиром лихо закрученную траекторию ее полета. Это уже интересная история, маленькая сказка. В зависимости от возраста ребенка степень сложности пунктирной траектории бабочки может варьироваться в широких пределах. Так же, как и длина пути с цветка на цветок.

Темы таких заданий могут быть самыми разными. Путешествие девочки по лесу за грибами среди елок (грибы и елки надо изобразить, конечно). Путь самолета в небе среди облаков (не забыть, что он в состоянии выполнять фигуры высшего пилотажа). Плывущий по морю корабль (он плывет среди островов из одного порта в другой, а в море могут быть и акулы, и киты, и осьминоги). Поездка велосипедиста или автомобиля среди домов и деревьев, путешествие подводной лодки в глубинах океана (там везде вокруг рыбы и кальмары), идущая среди травы и цветочков в гости к своей подруге мышка. Здесь вовсе не требуется, чтобы родитель умел рисовать сложные объекты. Достаточно использовать простейший детский стиль — кто как умеет. Дети верят своим неумелым рисункам, они поверят и нашим неумелым картинкам. На моем сайте «Папа Карп» есть небольшой набор таких развивающих пособий. Они предназначены как для непосредственного использования, так и для того, чтобы вы воодушевились и сами начали бы рисовать подобные штуки.

В школьные годы мелкая моторика тоже играет немалую роль. Причем не только в самом начале, в первых классах, но и далее до конца школьного обучения. Данный навык является базой, одной из основ функций письма, черчения, рисования. То есть используется в каждом предмете, во всех классах. И все это связано со свободой речи (особенно устной), с общим интеллектуальным развитием.

Это не всем очевидно, но факт состоит в том, что четкая картинка к задаче по геометрии с красиво подписанными латинскими буквами существенно облегчает процесс решения. Так и в физике, и в задачах по алгебре. Схемы по биологии, по истории, по географии, подчеркивания и значки при выполнении грамматических заданий по русскому языку — все это так или иначе использует более или менее развитые навыки мелкой моторики. Все это часть процесса освоения знаний.

ДАВАЙТЕ ПОДРУЖИМСЯ С БУКВАМИ И ЦИФРАМИ

Эмоции — мощнейшая вещь. Это огромная часть нашей психики, нашего восприятия. И в освоении интеллектуальной информации по школьным предметам роль эмоций просто трудно переоценить. От настроения ученика, от эмоционального контекста учебного процесса зависит очень многое. Довольно странно, что данный аспект почти полностью ускользает от внимания методистов, составителей школьных программ и руководителей системы образования. Наверное, дело в том, что его трудно нормировать, проверять и определять в форме инструкций. И вообще обычно считается, что школа должна, в первую очередь, формировать интеллект, а эмоции, чувства — это не так важно.

На самом деле большинство детей и подростков очень подвержено именно эмоциональной компоненте обучения. А уж для дошкольников это очевидно! Хорошие школьные учителя всегда стараются вести уроки в позитивном, жизнерадостном, психологически многогранном ключе. Они создают на уроке атмосферу активного эмоционального тонуса.

Давайте выделим такой аспект, как эмоциональное отношение к буквам и к числам. Это часть всего процесса школьного образования — во всех классах, во всех предметах. Как оценить тот эмоциональный (во многом подсознательный) фон, который вносится в учебный процесс чувствами ученика, возникающими при его контакте с любой текстовой или числовой информацией? Буквы, цифры — какие они? Доброжелательные? Или же они «буки» — злые, скучные, грубые? Вам смешно? Да, очень многим взрослым это кажется ерундой. Для дошкольника буквы — это не просто маленькие символы, которые он использует с огромной скоростью, чтобы прочитать или написать слова, фразы, тексты. Это для взрослых так, а для детишек буква — это живая сущность, это игрушка, это некий интересный и самостоятельный объект. Здесь связь с эмоциями гораздо сильнее. То же самое и цифра.

На начальном этапе знакомства с буквами и цифрами роль их эмоциональной насыщенности весьма велика. И куда-то в подсознание откладываются те чувства, которые при этом возникают. Если ребенок подружился с буквами и цифрами — это одна история. Если дружественного психологического контакта не произошло — это другая история. Данный исходный эмоциональный посыл скажется потом на уроках по разным школьным предметам.

Довольно часто люди думают, что главное — побыстрее научить ребенка читать, писать, считать. Взрослые больше нацелены на логическое содержание учебного процесса, на эффективное освоение конкретных функций. Это такой технологический подход. И в нем есть, разумеется, немалая правда, немалый смысл. Но малышу необходимо и просто поиграть с буквами и цифрами, почувствовать их душой, со вкусом окунуться в их таинственность и сказочность.

Взрослые забывают, как они были маленькими и как они воспринимали мир. И сразу же предлагают детям свои, взрослые, нормативы и темпы мироощущения. Ну и возникают всякие диссонансы. Но развитие психики требует последовательности шагов, естественной постепенности, глубокого проживания всех важных сторон в любой осваиваемой информации.

Из чего складывается эмоциональное отношение к буквам и цифрам? Что влияет на чувства ребенка? Факторов, конечно, много участвует. Выделим главные, очевидные.

Во-первых, общая психологическая атмосфера во время обучения. Ход нашего развивающего занятия должен быть оптимистичным, веселым, доброжелательным.

Во-вторых, само изображение букв и цифр должно быть радостным, эмоционально позитивным, по-настоящему художественным. На мой взгляд, здесь лучше отойти от стандартных шрифтов, от строгой равномерности, вообще от принятых канонов. Главное — живая энергия, детский стиль изображения, красота, резонансность для данного конкретного ребенка.

В-третьих, имеет смысл не просто изучать буквы и числа, а вводить их в интересные для ребенка сказочные, игровые, жизненные ситуации. Изучаемая логическая информация гораздо лучше воспринимается, когда знакомство происходит не в некотором абстрактном пространстве, а в конкретном пространстве, актуальном для малыша. Тогда логика естественным образом вплетается в ткань реальности детского мира — мира, в котором ребенок живет и чувствует, мыслит и действует.

Про позитивную психологическую атмосферу во время развивающих занятий, думаю, все и так ясно. А вот про второй и третий пункт хочу сказать подробнее. Как конкретно их реализовывать? Все предельно просто. Буквы и числа для детей на начальных этапах изучения нужно рисовать крупно и по-доброму. И есть прямой смысл рисовать рядом или вокруг всяких милых зверюшек, птичек, насекомых. Ведь буквы могут жить на поляне в лесу или возле болота, среди высокой травы или на берегу ручья. Или нам стоит перенестись в космос — в окружение звезд, планет и комет? Или мы опустимся в глубины моря и увидим там, как рыбы и крабы изучают числа от 1 до 100? Или мы попадем в волшебный мир огромных цветов и крошечных человечков?

Еще раз подчеркиваю: при таком подходе не стоит задача выучить буквы и числа как можно быстрее и перейти к чтению и к математике. Задача состоит в том, чтобы малыш глубоко и эмоционально-позитивно прожил данный этап, чтобы в его душе отложились хорошие, добрые чувства к буквам и цифрам.

До школы многие родители начинают учить детей читать, писать, решать простые арифметические примеры. И разумеется, эмоциональный фон все так же важен. Если учиться читать в процессе путешествия по космосу, то мы не только учимся читать, но еще и путешествуем по космосу — пусть и нарисованному мамой на листочке, пусть и чисто условному. Мы космонавты! Заодно и читать поучимся.

На моем сайте «Папа Карп» есть серия из пяти развивающих игр-лото, построенная целиком по описанной здесь идее. Я много лет разрабатывал ее на практике дошкольного развития своих детей, много раз перерисовывал ее, вносил изменения и уточнения. Дети оказывали существенную помощь: советовали, придумывали эскизы, раскрашивали пробные варианты. Получилась некая система, нацеленная именно на подготовку к освоению школьной программы, на эмоциональное, образное, сказочное проживание той учебной информации, с которой потом дети взаимодействуют в начальных классах и далее.

Есть на моем сайте и другие пособия для дошкольников, vyplненные с тщательной проработкой образной, эмоциональной стороны. Например, «Долетим на ракете», «Слоги», «Буквы». Их можно использовать как целиком, так и в качестве отправных точек для ваших собственных рисунков, ваших собственных творческих поисков.

Итак, система подготовки к освоению школьных предметов включает и формирование глубоких дружественных отношений с буквенной и числовой информацией. Помните ключевую концепцию? Мы закладываем камушки в фундамент, на котором потом вырастет система индивидуальных знаний, система адаптации к изучаемой в школе информации. Еще и еще раз: эмоции очень важны!

ЗНАНИЯ О МИРЕ ДО ШКОЛЫ

Вроде бы очевидно: в первые годы жизни человек должен многое узнать о мире вокруг, и на данной основе потом будет стро-

иться школьное обучение. Но на практике довольно часто родители упускают немало существенного, и поэтому в школьные годы ученики часто впадают в состояние неуверенности: им не на что опереться, у них есть некие принципиальные пробелы в знаниях о мире.

Отчасти такая проблема связана со стереотипом: будто бы в школе главное — осваивать непосредственно ту логическую информацию, которая входит в программу. И люди думают, что главная трудность заключается именно в самой логической информации. Но давайте скажем честно: программа начальной школы элементарна (если говорить о базовой государственной программе), сложности там никакой особой нет. Трудности обычно вызваны многими сопутствующими причинами, часть из которых я уже описал в предыдущих главах. Большинство учебных проблем школьников в начальных классах связано с недостаточной дошкольной подготовкой. И один из моментов здесь — ребенок мало знает о мире вообще.

К примеру, читает учитель в классе задачу: «Аквалангист проплыл под водой 350 метров...» А кто-то из детей не знает, кто такой аквалангист. Спросить он постесняется. Значит, пока все будут решать задачу, этот ученик потеряет сколько-то времени на размышления, к математике никакого отношения не имеющие. И таких ситуаций гораздо больше, чем обычно принято думать. Особенно на уроках русского языка и чтения, когда новые, незнакомые слова встречаются постоянно. Часть из них учитель объясняет. Но ведь есть некий базовый минимум, и подразумевается, что он всем известен.

При семейном обучении, конечно, ребенок может спросить родителя, что означает то или иное незнакомое слово. Но все равно гораздо удобнее, когда уже есть определенные базовый багаж. Фишка в том, что никто не в состоянии четко сформулировать, каков он этот базовый минимум. И я не знаю, как его описать. Конечно, всего не предусмотреть. Но ведь в школе и не требуется ничего такого уж сверхъестественного. Просто нужно отслеживать данную линию в дошкольном периоде.

Школьная программа подразумевает, что ученик опирается на определенный набор знаний о мире, на определенный личный опыт, на эмоциональные впечатления от событий и явле-

ний. Это явно не заявляется, но подразумевается всегда. Данный фактор малозаметен, он как бы работает «за кадром».

Например, я сталкивался с тем, что некоторые дети в начальной школе и даже в средних классах слабо ориентируются в основных породах деревьев. На уроках природоведения, а потом и на уроках ботаники такие ученики оказываются в странном положении. Ведь большинство ребят хорошо знают: вот это елка, а это сосна, такой лист у березы, такой — у клена, а вот дубовый лист. Обычно малыш просто гуляет с мамой или папой в лесу, в парке, и ему показывают разные деревья, их листья. Нет ничего хитрого в том, чтобы научить дошкольника различать породы основных встречающихся в вашей местности пород деревьев.

Общая методика проста: мы гуляем с ребенком и показываем ему всякие штуки вокруг, объясняем, рассказываем... И не по одному разу, а по много раз одно и то же. Ничего страшного, если дети забудут 80–90 % наших объяснений. Исходная активизация соответствующих информационных структур в психике произойдет. Да еще и отложится, запомнится что-то.

Я считаю, что детям надо много рассказывать о мире именно в дошкольном возрасте. В частности еще и потому, что во время школьного обучения у них мозг будет загружен другим. Да и слушают дети после 7–8 лет нас уже не столь охотно. Дошкольный период — самая подходящая пора.

Куда бы мы ни пришли, я всегда рассказывал своим детям обо всем вокруг. В поликлинике, на вокзале, в трамвае, в метро, на берегу озера, в гостях, в театре, на улице. Ведь может человек просто смотреть, а может разобраться в том, что перед ним. Дети в дошкольном возрасте очень любопытны. Они сами зададут множество вопросов — было бы желание отвечать.

Очень сильная вещь — истории из личного опыта. Помню, я подробно описывал своим детям все свои полеты на самолетах, плавания на кораблях, путешествия по горным тропинкам. Встреча в лесу с зайцем или с гадюкой, постройка плота из бревен на лесном озере, прозрачная вода Черного моря, переправа через пропасть по висящему мостику. Причем эти описания надо делать подробными, живыми, со множеством деталей. Детям интересно все. Передача знания о мире через личные переживания — прекрасный способ обучения.

Ясное дело, в школьные годы данный процесс можно и нужно продолжать. Как и практически все остальные направления развития, которые акцентируются в данной книге. Есть огромная разница между тем, когда ученик на уроке физики впервые в жизни слышит про закон Архимеда, и тем, когда он что-то (хотя бы чуть-чуть) слышал на данную тему в дошкольном возрасте или в начальных классах. Во втором случае сразу происходит естественное психологическое «узнавание» темы, и учебный процесс идет свободнее, легче, эффективнее.

Логика каждого школьного предмета не существует «сама по себе». Она берется из мира, из жизни. Разные науки описывают разные стороны окружающей нас реальности. И если ученик много знает об этой реальности, хорошо знаком с ней, то его шансы на успешную учебу сильно возрастают. И закладывать основы в дошкольный период очень удобно.

ОТНОШЕНИЕ К ОЦЕНКАМ И ОЦЕНИВАНИЮ

Теперь коснемся важного психологического момента. Он не входит в спектр непосредственно интеллектуального развития, но оказывает колоссальное влияние на учебу. И в период дошкольной подготовки имеет смысл отследить блок психологической информации, который касается таких вещей, как оценки, соревнование и престиж.

Довольно часто родители упускают такую существенную часть школьного учебного процесса, как неестественно высокая роль сравнения детей друг с другом по критериям академической успеваемости. Как правило, это весьма сложная, часто болезненная с психологической точки зрения ситуация почти для каждого ребенка. Фактически очень часто это шок. А затем — далеко идущие последствия в виде хронической неуспеваемости, полуневротических состояний и даже неврозов. Я бы сказал, что

ПОДГОТОВКА К ОБУЧЕНИЮ КАК СИСТЕМА

около тридцати процентов серьезных проблем в учебе связаны именно с данным аспектом школьного образа жизни.

До школы ребенок знает: его любят просто за то, что он есть. Его любят безусловно. Он хороший. Даже если его и ругают старшие, то все равно он чувствует их любовь. Это норма, это один из главных факторов правильного психологического развития.

Конечно, в каждой реальной семье своя специфика, идеально-го психологического климата нет нигде. Но все же нормальные родители дарят своим детям именно безусловную любовь — любовь вне зависимости от успехов ребенка в математике, чтении или правописании. Точно так же действуют и хорошие воспитатели в детских садах. Повторяю: реально все мы люди грешные, все мы так или иначе отклоняемся от идеала в отношениях с нашими детьми. Но общая линия в большинстве семей такова: дошкольник уверен, что он безусловно любим.

В первом классе все разом меняется. Вдруг появляются количественные критерии «хорошести» ребенка — школьные оценки. Дети как бы начинают подразделяться на «более хороших» и «менее хороших», то есть «более любимых» и «менее любимых». И учителя, и родители, и одноклассники, и знакомые, и дальние родственники — все интересуется школьными оценками ученика. И соответственно выносят свои суждения: одобрение или порицание.

Сама по себе система школьных оценок вполне логична и более-менее удобна. Она используется давно и, скорее всего, еще очень долго будет использоваться в образовании. Причины этого, на мой взгляд, в основном организационные. Так определяется уровень знаний учеников (не всегда объективно, но все же как-то понятно). Так оценивается эффективность работы преподавателей (весьма и весьма условный критерий, но пока без него не умеют обходиться). Так человек готовится к поступлению в вуз.

С точки зрения самого процесса освоения знаний, оценки — вещь совершенно не обязательная. Есть масса примеров успешного построения школьного образовательного процесса без использования количественных характеристик знаний. Я и сам в ходе нашего семейного обучения абсолютно не использовал оценки. Мои дети получали их только на аттестациях в школе. В ходе индивидуального домашнего преподавания реальные знания видны как на ладони, поэтому нет нужды как-то специально вводить в уроки «пятерки», «четверки» и все остальное.

Мне не хочется здесь подробно развивать данную тему, так как она более «школьная», чем «дошкольная». Сейчас разговор лишь о том, что ребенка надо еще до школы как-то подготовить к ситуации оценивания его знаний и умений, к ситуации сравнения с другими учениками. И здесь чрезвычайно важно, чтобы родители понимали второстепенность оценок по отношению к более существенным частям учебного процесса.

В чем суть проблемы? Основная трудность в том, что ребенок переносит оценивание его школьных успехов на оценивание его как личности. И вот здесь-то и таится серьезная опасность. Ученик может начать думать, что его любят только в том случае, если он получает хорошие оценки. Любовь из безусловной делается условной. Это известнейший в психологии феномен, который является корнем многих бед.

Первый вариант: ребенок получает не очень хорошие оценки. Он начинает разубвериваться в собственных силах. Формируется комплекс неполноценности — более сильный или менее сильный. Формируется подсознательная убежденность

ПОДГОТОВКА К ОБУЧЕНИЮ КАК СИСТЕМА

в некой ущербности собственной личности. Уменьшается оптимизм и самоуважение.

Второй вариант: ребенок получает хорошие оценки. На первый взгляд, все замечательно. Но возникает опасность развития высокомерия, неадекватного представления о себе как об особо ценной личности. Формируется отчуждение во взаимоотношениях со сверстниками. Возникает внутреннее напряжение, от которого недалеко и до невроза.

Конечно, я специально несколько сгустил краски. В большинстве случаев все не так грустно. Но факт состоит в том, что постепенно разрушается дошкольное чувство, известное всем нам: нас любят такими, какие мы есть, нас любят. А без этого чувства, без глубинной внутренней уверенности в ценности собственной личности все мы теряемся.

Основная идея: попав в школу или обучаясь школьным предметам дома, ребенок не должен потерять уверенность в том, что он любимый и хороший. Родители должны взять данный аспект под контроль, особо его отслеживать. И лучше начать заранее, еще до школы проводить подготовку к ситуации сравнения и соревнования по критериям академической успеваемости.

Как это сделать конкретно? Ну, например, можно так и объяснять детишкам: оценки, мол, надо бы стараться получать лучше, но мы, конечно, будем тебя любить с любыми оценками. Такие предваряющие разговоры настроят ребенка на верное понимание той ситуации, в которую он в школьные годы окунется с головой.

Кроме того, многие моменты можно в какой-то мере отслеживать и до школы. Скажем, во время развивающих занятий в группах, в кружках и секциях. Элемент соревнования, сравнения — существенная часть нашего социума. Важно, чтобы малыш привык видеть условность всех этих успехов и неудач, чтобы он воспринимал все это как игру. Истинная, настоящая ценность человеческой личности не зависит ни от каких оценок, она не определяется сравнением людей между собой. Каждый из нас просто ценен — и все. Данную позицию ребенок естественно воспримет от родителей и педагогов, если они отслеживают свои слова и действия.

Сами родители тоже должны как-то заранее продумать свою позицию при переходе ребенка в школьное обучение из достаточно мягкого и безусловно-любящего дошкольного состояния жизни ребенка. Как мы будем реагировать на плохие оценки нашего чада? Что мы ему скажем по поводу похвал со стороны учительницы? Будем ли мы хвастать перед всеми родственниками табелем с «пятерками», который наш ребенок заслуженно заработает? Как мыотреагируем на рассказ о том, как учительница при всем классе ругала и стыдила двоечника за его тупость и разгильдяйство? Действительно ли этот двоечник не достоин любви и уважения?

Я вполне понимаю, что вступаю на весьма зыбкую почву. Разные люди по-разному относятся к идее соревнования и сравнения, которой пропитан наш мир. Да и кто из нас в полной мере может быть свободен от идеологии престижа, от оценки нас окружающими? Плюс к тому, школьные оценки являются фактором, стимулирующим стремление ученика к хорошей учебе. Где здесь грань между допустимым уровнем сравнения ребят друг с другом и недопустимым нарушением чувства личной безусловной ценности?

На мой взгляд, уверенность в безусловной любви со стороны родителей — мощнейший фактор. И до школы, и в школьные годы. И на учебу он влияет весьма существенно. Да и на многие другие аспекты развития: отношения со сверстниками, общий уровень психологической уравновешенности, текущее настроение, отношения с учителями.

Подготовив дошкольника к началу этой нашей взрослой игры в соревнование и оценки, мы поможем ему более адекватно в нее вписаться. Очень многое зависит именно от позиции родителей, от их мировоззрения по данному вопросу. Чрезвычайно важно, чтобы до школы человек получил некую спокойную уверенность в собственных силах, в собственной ценности, чтобы в нем полноценно сформировались основы самоуважения и уважения к окружающим, вне зависимости от любых внешних успехов, неудач, оценок и всего такого прочего. И ориентир прост: что бы ни случилось, наши дети должны чувствовать нашу любовь, быть уверенными в нашей безусловной любви.

РАЗВИТИЕ ПРИВЫЧКИ К САМООРГАНИЗАЦИИ

Если говорить об успехе в учебе, то навык самоорганизации — один из главных. До школы вполне возможно что-то заложить в этом плане. Работает все тот же ключевой принцип: малыш должен хотя бы попробовать организовывать себя на какие-то дела, должен приобрести хотя бы минимальный опыт самоорганизации. Нужно на исходном этапе активизировать данный навык, чтобы потом ученик мог его полноценно развивать и использовать.

Школьная ситуация во многом парадоксальна. С одной стороны, она требует от ученика полного и безусловного послушания. Весь режим учебы строго организован учителями, методистами, администрацией. Школьник должен просто стараться как можно лучше выполнять те четкие инструкции, которые ему дают на каждом шагу. С другой стороны, для оптимальной адаптации ко всему учебному процессу, для успешной учебы школьник должен обладать высоким уровнем самоорганизации. Особенно это становится важным в средних и в старших классах. И особенно с учетом того, что школьная программа сильно перегружена, а потому ученики зачастую просто не в состоянии выполнить все предъявляемые им инструкции и задания.

Сие есть действительно парадокс и противоречие. Если ребенок в начальной школе просто занимает позицию послушного исполнителя, без какой-либо своей воли к победе, то он обычно постепенно, капля за каплей теряет самостоятельность в организации учебного процесса, даже в тех минимальных рамках, которые ему предоставлены строгим школьным распорядком. Поначалу взрослым это удобно, но весьма скоро возникают трудности в учебе.

Как распределить свое время при выполнении домашнего задания? Как построить свою подготовку к зачету? В каком порядке сегодня учить то, что задано на завтра? Как оценить

свой уровень готовности по данной теме? Как оптимально действовать на контрольной, чтобы успеть правильно решить как можно больше тестовых заданий за время урока? Как быстренько повторить материал на перемене перед уроком, чтобы суметь все правильно ответить, опираясь на кратковременную память? У кого и когда спросить совета по непонятной теме?

Самоорганизация нужна школьнику постоянно, каждый день. Но специально этому в школе никто не учит. Да и как этому учить? Сколько-то детей вырабатывают свой способ достаточно успешно организовывать себя на учебу. Таких, думаю, не более 10–15%.

Все это в полной мере относится и к ситуации семейного обучения. Ведь родитель в роли преподавателя может занимать различные позиции: от жесткого и пошагового руководства ребенком в учебе до планомерного и целеустремленного поощрения собственной активности и собственной организованности детей.

Каков наш план действий до школы по выработке навыков самоорганизации? Очень просто: надо предоставлять ребенку возможности самому планировать какие-то свои дела, самому что-то решать. Но не только по принципу «хочу-не хочу», а более разумно, с оценкой всех аспектов конкретной ситуации. Разумеется, малышу нужна наша помощь и поддержка, наше наблюдение за его первыми самостоятельными действиями.

На самом деле большинство детей достаточно инициативны. От нас требуется лишь не командовать сверх необходимо. На каждом этапе взросления малыша следует определить, в каком диапазоне функций можно предоставить ему право организовывать процесс самостоятельно. Нам нужно уважать решения детей, их право выбора. Большой ошибкой будет откладывание этого на потом, «когда станет взрослым и поумнеет».

Чаще всего родители сильно недооценивают умение дошкольников организовывать себя. И так зачастую продолжается до выпускного класса школы. При этом взрослые хотят, чтобы человек вырос инициативным и организованным! Вся

фишка в том, чтобы приучать к самостоятельности с первых лет жизни. Тогда данный навык будет формироваться естественно.

Если дошкольник с уже выработанными некоторыми навыками самоорганизации попадет в первый класс, он с гораздо большей вероятностью сможет адекватно вписаться в жесткий школьный режим и не потерять при этом самостоятельной позиции, ответственности за свои действия. Конечно, в реальности все равно возникнут те или иные трудности, но все же заблаговременная подготовка существенно улучшит позицию ученика. Ну а в условиях домашнего обучения уж тем более будут все шансы и далее развивать умение быть самостоятельным.

Ежедневно возникают моменты, когда малыш может потренировать свое умение принимать решения и отвечать за них, планировать свои действия и выполнять поставленные планы. Ребенок будет с удовольствием это делать, если мы отнесемся к такому положению вещей как к чему-то естественному. Например, семья собирается на дальнюю прогулку. Что взять с собой? Какие игрушки? Какую еду? Что из одежды (на случай холода или дождя)? Понадобится ли карта местности? Нужна ли нам небольшая аптечка на случай, если кто-нибудь поранится? Все данные вопросы можно обсудить вместе с ребенком. Пусть он сам подумает, сам что-то решит. А мы его подстрахуем, конечно.

Или у нас дома запланированы развивающие занятия. Дети вполне могут определить, в какие развивающие игры мы сегодня играем. У них есть выбор и возможность решить, есть возможность управлять процессом. Это важно.

Как мы распланируем день? Какой маршрут мы выберем, чтобы добраться до магазина? В какой очередности уберем раскиданные по комнате игрушки? По какой книжке будем сегодня учиться читать? Еще раз: важно не просто спросить малыша, чего он хочет, а как-то помочь ему выработать разумный подход (и с точки зрения организации процесса, и с точки зрения эффективности действий).

Особенно ценно, когда мы просто поддерживаем естественные импульсы ребенка, его естественное желание самостоя-

тельно и разумно решить ту или иную проблему. Нам надо быть очень внимательными, очень деликатными, чтобы не переборщить со своими советами и инструкциями. Гораздо лучше работают наводящие вопросы, наши «размышления вслух», наши рассказы или напоминания о подобных ситуациях.

Подготовка к школьному обучению — это и развитие умения управлять собой, своим временем, своими действиями в учебном процессе. Причем как на уроке, так и во время домашних занятий. Данный навык пригодится во всех классах, при изучении всех предметов. И его фундамент закладывается в дошкольный период.

РАЗВИТИЕ ПРИВЫЧКИ К УЧЕБНЫМ ЗАНЯТИЯМ

В общей описываемой здесь системе хочется выделить небольшой частный момент. Он кажется не очень существенным, однако и он играет свою роль в процессе входа ребенка в последовательное изучение интеллектуальной информации.

Начиная с 5-6 лет, на мой взгляд, имеет смысл постепенно приучать детей к форме школьных занятий. То есть не просто играть в разные развивающие игры, а сесть за стол, достать тетрадочки и аккуратно в них что-то поделать. Пусть не каждый день. Пусть всего по 15–20 минут. Пусть задания будут совсем простые. Главное — постепенно привыкнуть к такому занятию. Пусть оно станет чем-то естественным, обычным.

Зачем это делать? Чтобы переход к формату школьных уроков и заданий для самостоятельной работы не был столь резким, чтобы не вызывал сознательного или подсознательного отторжения у ребенка. И чтобы сам принцип «написать в тетрадке аккуратно» постепенно вошел в личную практику еще до школы.

В школьных тетрадках есть своя особая магия. Клеточки, линейчки, поля, обложка. А рядом существуют ручка, карандаш, линейка, угольник, циркуль. Мы можем помочь малышу заранее подружиться с данным пространством, почувствовать себя в нем уверенно. Мы можем позволить дошкольнику в тетради гораздо больше свободы, чем будет у него там в школьные годы. Главное — хорошее настроение во время занятий, интерес, психологическая комфортность.

По клеточкам в тетради очень удобно чертить геометрические фигуры: квадраты, прямоугольники, трапеции, ромбы. Также имеет смысл познакомиться с тем, что такое диагональ. Разумеется, надо объяснить малышу, что две клеточки — это сантиметр. Прямая линия, ломаная линия, кривая линия, отрезок, луч, окружность, фигуры с осью симметрии. Мы не ставим обязательной задачи изучить весь данный материал. Мы просто знакомимся с ним, привыкаем к нему.

Простенькие примеры, слова, написанные печатными буквами простейшие математические задачи с картинками. Да и вообще все, что придет в голову по ходу домашнего мини-урока. И нет ничего страшного в том, чтобы заодно нарисовать в тетрадке солнышко, человечков или божью коровку. И разумеется, совершенно не обязательно ограничивать размер цифр и букв по высоте одной клеточкой. Дошкольникам обычно удобнее сначала работать с более крупными цифрами и буквами. На первых порах мы не стремимся к обязательной аккуратности, она придет потом.

Ну и просто можно порисовать по клеточкам самые разные штуки. Да и всякие специальные развивающие задания можно делать в тетрадке. Например, папа рисует по клеточкам фигурку, а малыш рядом должен изобразить точно такую же. И кстати, аккуратно заштриховать фигурку карандашиком — это отдельная история.

Конечно, важно и то, чтобы детям нравились такие занятия. Мы должны продвигаться без принуждения, мягко предлагая ребятам новые задания, подбирая интересные для них формы. В школе и так будет достаточно строгости. Поэтому в дошкольный период целесообразно особенно сосредоточиться на психологической позитивности.

ФАКТОРЫ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ, СКРЫТОЕ НАКОПЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ

Завершая обзор системы подготовки к обучению, хочется предупредить: на самом деле все в достаточно высокой степени непредсказуемо. Это важно понимать и помнить, структурируя процесс дошкольного интеллектуального развития. Мы можем прилагать определенные усилия. Но как оно обернется в реальности, как дело пойдет потом, в школьные годы, мы точно никогда не знаем. В педагогике нет методик, обеспечивающих однозначное достижение поставленных целей. Всегда есть фактор непредсказуемости, фактор индивидуального пути развития, факторы внешних обстоятельств.

Но если мы не поставим себе конкретных целей, то рискуем упустить многое и важное. Двигаясь к поставленным целям, выстраивая осознанную систему и последовательность своих действий, мы будем гораздо более эффективно готовить ребенка к школе. Особенно, если при этом будем внимательно следить за тем, как процесс разворачивается в реальной жизни.

ни, и если будем корректировать свои представления по ходу дела.

Предложенная в данной книге система подготовки к обучению — это всего лишь набор логически достаточно ясных ориентиров. Не надо бояться, что они в вашей практике будут сильно скорректированы. Не надо ждать феноменальных результатов. Если предложенная здесь информация поможет вам хоть в чем-то — уже хорошо.

Мне всегда кажется, что самое сложное в педагогике — видеть скрытые процессы в развитии личности. Когда мы учим детей складывать числа или забивать гвозди молотком, все на виду, все очевидно (и логика обучения, и процесс, и его результаты). Но чаще всего мы не видим и десятой доли того, что происходит в душе ребенка, мы не видим глубинных процессов.

Реализуя систему подготовки к школьному образованию, не следует забывать о том, что вряд ли вообще возможно адекватно оценить все грани и все результаты того, что происходит. Такова правда жизни. И понимание ее предохранит нас и от лишних тревог, и от непомерных ожиданий, и от иллюзий, и от чрезмерной активности. Очень многое, очень-очень многое разворачивается совершенно незаметно для наших глаз — где-то во внутренних пространствах растущей личности.

Вот, к примеру, чадо год за годом с упоением малюет красками на бумаге всякие, условно говоря, композиции, и там нет ни красоты, ни выразительности, ни вообще никакого прогресса в течение нескольких лет. Что это? Зацикленность на примитивных формах и внутренняя несвобода (что требует вмешательства профессионального педагога или детского психолога)? Или же это естественный для человека процесс накопления некоего потенциала, личностно значимая проработка однотипных художественных образов, которая через сколько-то лет выплеснется в виде ярких творческих достижений?

Или малыш все время просит рассказать ему одну и ту же любимую сказку. Год за годом он слушает одну и ту же историю. Как понять такой личностный запрос? Возможно, ребенок через данную сказку изживает какие-то свои глубинные страхи? Или черпает актуальные для него ролевые модели поведения?

В сфере логического мышления все может быть точно так же. Случается, что год за годом мы словно бы топчемся на месте, выполняем развивающие задания одного и того же уровня сложности. И не видим никаких заметных результатов. Игроем, скажем, с буквами — учимся их различать. Год так играем, а продвинуться дальше к слогам малышу почему-то не хочется. Это нормально или нет? Трудно сказать однозначно. Бывает повсякому.

Скрытые процессы накопления результатов в развитии ребенка играют существенную роль. У каждого свой ритм. Вариантов нормы очень-очень много. Один ученик приходит в первый класс великолепно подготовленным и учится успешно. А другой ничего особо до школы не научился делать — и тоже учится хорошо. А бывает, что хорошо подготовленные до школы дети потом начинают отставать в учебе вместе с их неподготовленными к школе одноклассниками.

В педагогике всегда так: самые наши разумные и организованные действия не гарантируют успех на сто процентов, а лишь с какой-то вероятностью. Но наши грамотные усилия, безусловно, увеличивают эту вероятность.

Понимание психологии дошкольника и школьника тоже существенно увеличивает вероятность позитивных результатов. Чем лучше мы понимаем то, что происходит в душе ребенка, тем более точными будут наши действия, наши слова. Конечно, психология — это весьма туманная и весьма запутанная сфера. Но без нее никак нельзя обойтись.

Я сторонник изучения детской психологии в основном не по умным книгам, не по сложным теориям, а в обычной игре с ребенком, в обычном наблюдении за детьми — по ходу жизни. Главное — настроиться с малышом на одну волну. Его интерес должен проникнуть в нас и стать нашим интересом, только тогда мы почувствуем в каждой конкретной ситуации, как направить внимание ребенка (в том числе и на развивающие занятия). Если мы с детьми действуем на одной волне интереса, наши знания, наш опыт легко передаются им — без особых слов и специальных методик, просто в естественном общем деле.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, уважаемые читатели, я изложил то, что помню и что думаю про системную организацию подготовки ребенка к получению школьного образования. Я изложил свой подход. Он выдержал проверку временем и практикой. Подходит ли он вам и вашим детям? Удобен ли он вам для практической ориентации? Я не знаю.

Подготовка к обучению складывается из разных направлений. В данной книге упомянуты далеко не все. Безусловно, разнообразные формы и направления занятий взаимодействуют друг с другом, оказывают некое общее системное влияние. Я как бы разложил все по полочкам, но, на самом деле, описанные здесь направления дошкольной подготовки перемешиваются друг с другом, идут параллельно, соединяются в общий процесс.

Наверное, вам захочется узнать, насколько я сам качественно реализовал все, о чем написал столько умных слов. Ну, в какой-то степени реализовал. У меня получилось вполне нормально подготовить своих детей к школе. Мы не стремились к каким-то особым сверхдостижениям. Да ведь и кроме интеллектуального развития в дошкольный период у нас было много другого важного: поиграть, порисовать, послушать сказки, погулять в лесу подольше, полезать на спорткомплексе, тихо посидеть у окна и посмотреть на небо...

Я глубоко убежден, что с детьми, особенно в дошкольном возрасте, надо много заниматься. Подготовка к школьному обучению — далеко не единственный ориентир. Физическое развитие и развитие нравственных качеств, бытовые навыки и самые разные знания о мире, интеллектуальный тренинг и развитие творческих возможностей — все это грани одного целого. Что здесь главное, а что идет во вторую очередь, сказать весьма сложно, так как в растущей личности все взаимосвязано.

По-моему, есть большой смысл подойти к подготовке ребенка именно системно. Это не вопрос дополнительных нагрузок для детей и родителей. Это просто внутренняя позиция, общий способ ориентироваться в процессе. Даже если вы иногда всего

лишь перечитаете оглавление данной книги и сравните перечисленные там пункты со схемой ваших действий, то уже, может быть, вам станет легче увидеть общую ситуацию и скорректировать ее при необходимости, направить в нужное русло.

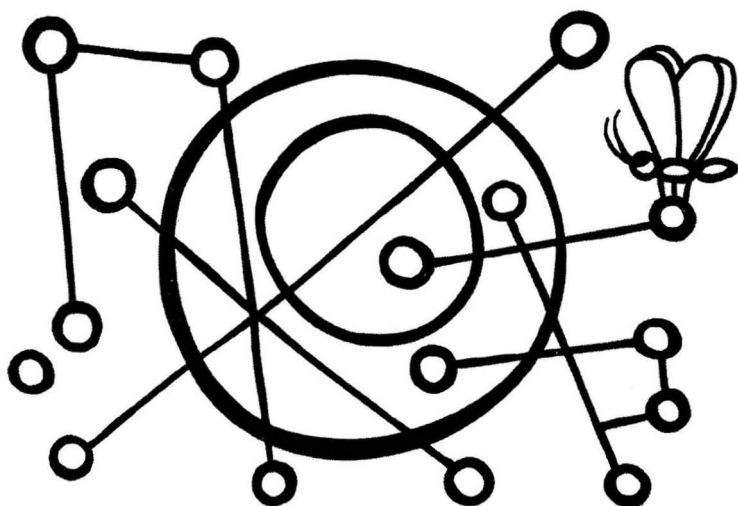
Мне нравится применять системный подход во всем. Нужны не просто отдельные хаотические и во многом случайные шаги, а единая стратегия всех шагов, всех сторон работы. Для этого надо видеть общую картину и общие задачи, а также понимать общую логику процесса. В проекте подготовки ребенка к получению школьного образования все точно так же, как и в любом другом проекте. Системное видение усиливает нашу позицию, увеличивает эффективность.

Конечно, каждый из нас понимает под словами «эффективная педагогика» разные вещи. Все мы по-разному видим цели в жизни — и для себя, и для наших детей. Поэтому я далек от мысли, что изложенный здесь мною подход вызовет одинаковый резонанс у всех читателей. Возможно, я во многом не прав. Зачем нам спорить из-за мнений? Гораздо лучше сосредоточиться на практических действиях: реальный опыт лучше любых концепций и теорий.

Я от всей души желаю вам успехов в воспитании и обучении ваших детей. Пусть дошкольные годы станут радостным приключением. Пусть они откроют вам новый мир.

Вперед, к успехам!

○
**СЕМЕЙНОЕ
ОБУЧЕНИЕ
КАК
СИСТЕМА** ○

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 году, когда была написана «Повесть о педагогической свободе» (в которой я очень подробно описал весь наш опыт семейного обучения), мне казалось, что больше книг на данную тему писать не надо. Я сочинял небольшие статьи, делал видеоролики, продолжал иногда давать интервью о семейном обучении, но считал, что основную информацию уже изложил в «Повести». Хотя после ее написания я и продолжал еще пять лет учить дома свою младшую дочку, но это уже было просто движение по накатанной колее, ничего особо нового изобретать не приходилось. Разве что оттачивался опыт и уточнялись некоторые моменты.

Но вот в 2013 году, когда моя младшая дочка сдала выпускные экзамены, а я немного отдохнул и поразмышлял о пройденном девятнадцатилетнем пути семейного обучения, у меня вдруг возникло желание написать еще одну книгу. За неделю рукопись была готова, хотя до того я и не предполагал сочинять ее, заранее не продумывал содержание.

«Повесть о педагогической свободе» я писал, когда еще был полон живых впечатлений от трудных путей в обучении сыновей, от всего сложного и многогранного процесса обучения троих детей дома. Тогда я был еще весь погружен в ситуацию, был внутри нее. Поэтому «Повесть о педагогической свободе» получилась очень конкретной книгой, с множеством примеров из нашей жизни, с описанием различных методических подходов. И главное, мне удалось передать настроение, воодушевление педагогического приключения, дух свободного творческого поиска.

Теперь я смотрю на всю нашу историю обучения детей дома уже отстраненно, это уже прошлое. Я уже не внутри этой ситуации, я вне ее — и могу взглянуть на все как-то по-новому. И могу попробовать обобщить данный опыт.

Мне хочется помочь родителям, которые учат своих детей сами или готовятся к этому. Прямые инструкции здесь, по моему, неуместны. В «Повести о педагогической свободе», в статьях и видеороликах я просто описываю свой опыт, свое понимание разных конкретных аспектов домашнего образования.

Теперь я решил изложить свою систему ориентиров в организации семейного обучения, свою систему координат, в которой девятнадцать лет оценивал все текущие ситуации и выбирал все конкретные стратегии действий.

Я вполне отдаю себе отчет, что это именно моя система педагогических координат. Для других людей все может выглядеть совершенно иначе. Фактически в книге описана моя личная внутренняя логика принятия решений. Это не образец для подражания, а информация для размышления и для определения ваших собственных, актуальных и понятных именно вам ориентиров.

«Семейное обучение как система» представляет собой весьма обобщенное изложение. Здесь я не старался упрощать, не старался на каждом шагу приводить примеры из наших многолетних мытарств. Да и эмоций тут немного — их вполне хватило в «Повести о педагогической свободе». «Семейное обучение как система» — книга достаточно логичная. Наверное, не везде она проста для восприятия, она требует некоторого интеллектуального усилия.

Описывая свои «педагогические ориентиры», я формулирую их достаточно кратко. Мне кажется, что более подробное изложение было бы утомительным, оно снижало бы концентрацию и четкость мысли. Поэтому книга получилась почти конспективной, сжатой. Вы всегда можете сами додумать предложенные идеи до их развернутого состояния и рассмотреть их с учетом ваших взглядов и ваших конкретных обстоятельств. Перед вами не подробный учебник, а краткое учебное пособие, своеобразный справочник.

Во многих местах вы, вероятно, заметите некоторую парадоксальность моих высказываний. Но я ведь и не пытаюсь в данной книге никого ни в чем убеждать. Да и вообще о педагогике трудно говорить без парадоксов. Если я говорю, что данная книга логична, то это еще не значит, что она безупречно логична. Как человек с физико-математическим образованием, я понимаю, что до строгой и ясной логики науки здесь как до Луны. Но практическая логика тут есть. И немалая.

Надеюсь, уважаемые читатели, что вы извлечете для себя какую-то пользу из этого моего неожиданно родившегося опуса. Даже если вы не согласитесь ни с одной строчкой, то все рав-

но некое движение мысли, некий обмен идеями произойдет. Слава Богу, все мы разные. В семейном обучении момент индивидуального подхода к ребенку так же важен, как и момент индивидуального стиля работы родителя-педагога. Ищите ваш собственный стиль, вашу личную систему преподавания, вашу авторскую концепцию домашнего школьного образования! Удачи вам и творческих открытий!

Автор

Санкт-Петербург, 2013

КАК УСТРОЕНА ДАННАЯ КНИГА

Как описать систему? Очевидно, что надо как-то разделить ее на части — и описать каждую из получившихся частей. И не забыть, что данное деление на части — штука довольно условная, своеобразный удобный прием. На самом деле, нет никаких отдельных частей, а есть непрерывный единый процесс.

Я выделил пункты моего изложения не давным-давно, а непосредственно при написании книги. Но осознавал перечисленные здесь моменты практически все девятнадцать лет, сколько учил своих детей дома.

Кое-где содержание глав слегка перекрывает друг друга. То есть в книге есть некоторые повторы одной и той же информации, но она подается в разных ракурсах. Действительно, «границы» между выделенными элементами в описываемой здесь «системе педагогических координат» не слишком точны. Ну, это же педагогика. Да и что плохого в повторении?

Те, кто читал «Повесть о педагогической свободе» и мои статьи о семейном обучении, местами заметят некоторые знакомые идеи и примеры. Но ракурс изложения здесь иной. И общая структура здесь особая — я описываю именно систему. Описываю так, как она видится мне сразу после завершения всего проекта. Это моя итоговая книга о семейном обучении.

Каждая глава содержит краткую формулировку какого-то одного из важнейших аспектов работы по организации домашнего образования. Я выделяю те идеи, на которые ориентировался, выбирая дорогу. Доказательство истинности данных идей и их подробное обсуждение не входит в задачи этой книги.

Должен сказать, что изложенная здесь система не является полной. Помимо описанного в данной книге, моя работа в качестве родителя-педагога включала еще и много других аспектов, других ориентиров. Я не стремился описать тут все существенные моменты, а выбрал лишь те, которые мог ясно и четко сформулировать. Плюс думал о целостности книги, об удобстве ее восприятия. Многие тонкие психологические ори-

ентиры, многие чисто интуитивные подходы остались за рамками текста. Я просто совершенно не знаю, как писать о том, что и сам для себя почти не умею выразить словами.

Но все же перечисленные здесь пункты, входящие в систему действий по организации семейного обучения, охватывают очень широкое пространство. И за каждым из этих пунктов — мой девятнадцатилетний практический опыт, трудные годы поисков, отчаяния, находок, удач, неудач.

Но не надо, разумеется, считать, что в своей родительско-педагогической работе я на сто процентов преуспел во всех излагаемых в этой книге принципах и методах. Я описал именно ориентиры, то есть некие идеальные направления и правила. В реальности все мы не столь совершенны. Но ради краткости книги я решил не описывать все свои блуждания, ошибки и недоработки, а сосредоточил внимание на том главном, что стало за эти годы для меня ясным и очевидным.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Я нигде про это не читал. Но мне всегда казалось очевидным, что у каждого человека в каждый период его жизни существует некий вектор развития. Именно личное направление — куда данный человек развивается. Это просто образ. Но очень удобный. Я так и ставил для себя вопрос: «Каков сейчас вектор развития моего ребенка?» И действовал соответственно.

Я имею в виду именно факторы естественного внутреннего роста, стремление личностных природных задатков проявить себя и найти свой путь в жизни. По-другому можно сформулировать так: «Куда толкает человека его естественная, данная ему Богом и природой энергия развития? Что конкретно в развитии для него актуально на данный момент?»

Наверное, не существует возможности объективно и на сто процентов достоверно ответить на данный вопрос. Но сама

постановка вопроса является очень-очень продуктивной. Это мощный ориентирующий фактор. Это именно позиция для привлечения нашего внимания. Это правильная формулировка задачи.

Потребности развития растущего человека далеко не всегда так уж туманны и непостижимы. Очень многое нам подсказывает сам ребенок. Вот он хочет прыгать, лазать, бегать; вот он с интересом разглядывает картинки в книжке; вот он увлеченно ковыряет песок и делает куличики...

Однако мы и сами можем ребенку что-то подсказать, что-то более или менее активно предложить. В сфере школьного обучения все не так естественно, как в сфере физического развития и в освоении обычных бытовых навыков. Кое в чем ребенок может вовсе и не рваться в бой, может отлынивать от учебы. Но понятие «индивидуальный вектор развития» работает и здесь. Что ребенку интересно? К чему тянется его душа? Что ему просто необходимо изучить (с точки зрения всей его дальнейшей жизни)? В каких занятиях он реально развивается?

Суть в том, что мы пытаемся понять внутренние тенденции растущей личности. Разумеется, среди них есть и не слишком позитивные. Но на то мы и родители, чтобы рулить разумно. Дети еще многого не понимают, они слабо ориентируются в своих желаниях, им трудно видеть стратегию и перспективу.

Я не могу предложить никакого конкретного алгоритма. Я

могу лишь сказать: почувствуйте своего ребенка, постарайтесь его понять. Может быть, это звучит несколько туманно. Но здесь важно попробовать. Постепенно начинаешь привыкать двигаться в педагогическом процессе, ориентируясь именно по вектору развития. Это как при езде на велосипеде: сначала не получается вообще, а потом, когда научишься, трудно понять, как можно не удержать равновесие.

Итак, нет никакого исходного разговора о том, что «ребенок должен вырасти таким-то и таким-то». Нет никаких жестких исходных определяющих идей об обязательном наборе учебной информации. Нет никаких заранее заданных схем педагогического процесса. Не правда ли, в этом есть некоторое отличие от традиционных канонов массовой школы?

Конечно, вы понимаете, я несколько утрирую. Просто хочу подчеркнуть свою мысль. Да, есть многие более-менее понятные усредненные нормы развития. Да, есть государственная базовая школьная программа, которую нам надо как-то изучать, по которой мы сдаем в школе зачеты и экзамены. Да, есть некие ограничения наших возможностей. Но это все как бы уже потом. А начинаем мы с нуля. И с наблюдения за ребенком.

Еще раз, я не ставлю задачи ребенку: «Развивайся так, как я сказал, как я придумал, как придумали другие умные взрослые дяди и тети». Наоборот, ребенок ставит задачи мне: «Моя судьба в том, чтобы мне развиваться в таких-то и таких-то направлениях, помоги мне, пожалуйста». Я помогаю ребенку реализовываться, поддерживаю процесс его личностного развития, который идет из самой сердцевины человека, изнутри.

В индивидуальном векторе развития можно выделить разные аспекты: физическое развитие, интеллектуальное развитие, развитие эмоций и чувств, развитие навыков общения, расширение знаний о бытовых ситуациях. Все это мы можем как-то отслеживать и оценивать.

Если основные требования личностного потенциала развития реализуются достаточно полноценно, то гораздо легче осваивать и не такую интересную, но все же необходимую по школьной программе информацию. Очень часто отлынивание детей и подростков от учебы связано именно с тем, что не реализуются их главные, сущностные потребности развития. А

ведь зачастую это не так уж сложно организовать! Нет никакого смысла спорить с искрой Божьей внутри ребенка, гораздо лучше с ней сотрудничать.

Допустим, ребенку необходимо много и активно двигаться, много петь и танцевать и много-много слушать, как бабушка читает ему вслух книжки. А его почти целый день жестко грузят школьной учебой. Налицо и парадокс, и конфликт. Заблокированная энергия развития «кипит» и, естественно, всячески мешает и школьной учебе, и адекватному поведению, и хорошему настроению. Природа требует свое. И обычно как раз природа в итоге оказывается сильнее — так или иначе.

А бывают, наоборот, чрезвычайно усидчивые дети. Им бы сидеть и сидеть с книжкой целый день, между делом и уроки бы школьные легко сделали. А их посылают в шумный класс, где они все время на виду, все время в гуще общения. Индивидуальный вектор развития не соблюден. Хорошо ли это?

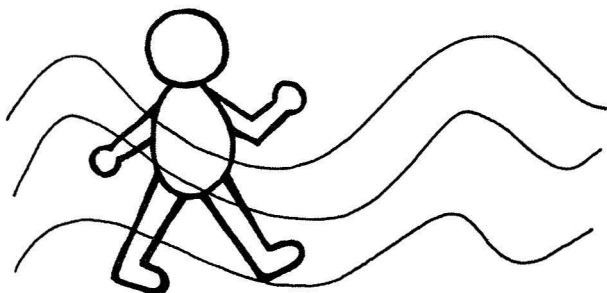
Среди школьных предметов можно выделить те, которые более резонансны душе растущего человека. Очевидно, что их следует реализовывать в первую очередь. Тогда и с другими, «второстепенными» (для данного ребенка), предметами будет легче разобраться. А может, их можно и вообще «на тормозах спустить» (сдать в школе лишь бы как, чтобы в следующий класс перейти).

Однако я все же сторонник той мысли, что все предметы в какой-то степени важны. Все они развивают те или иные стороны интеллекта. Каждый, пусть не в полном объеме, но надо освоить.

При семейном обучении другая — по сравнению со стандартным школьным подходом — точка отсчета. Личный внутренний запрос детей — вот с чего все начинается. Это один из главных системообразующих факторов во всем процессе. На него все нанизывается — как на главную стратегическую нить. Все действия так или иначе строятся с учетом данного фактора.

Я не знаю, будет ли вам удобен такой образ. Мне он очень удобен. Это как стрелка компаса. Понятно, что с течением времени индивидуальный вектор развития меняется. Необходимо отслеживать текущую ситуацию.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ

Бич массовой психологии и бич массовой школы — представление о равномерности в развитии детей и взрослых. Явно это далеко не всегда заявляется, но фактически присутствует весьма и весьма сильно. Программы и учебники, режим занятий и инструкции для учителей, критерии оценки знаний и темпы обучения — все одинаково для всех. Это въелось в мозг. Это повсюду.

С другой стороны, совсем уж без равномерно-упорядоченных представлений и инструкций никак не обойтись. Массовая система не может работать без них, иначе она просто рухнет.

Фишка в том, что мы можем повысить эффективность обучения в разы, просто отказавшись от этой навязшей в зубах идеи об обязательной для всех равномерности, одинаковости. Эту мысль можно просто выкинуть из головы навсегда. Да, все дети в чем-то похожи. Но в семейном обучении нет никакой нужды ходить строем.

Для начала отбросим странную идею, будто бы все предметы надо выучить одинаково хорошо. На самом деле, что-то можно осваивать на «пять с плюсом», а что-то — на более-менее уверенную «троечку». Это не лозунг, а именно позиция: мы можем так делать. И такая позиция сразу же радикально облегчает жизнь и показывает разумные пути.

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Все или почти все «пятерки» — это, конечно, хорошо (у нас так обычно и бывало), но это не обязательный ориентир. Это вообще не ориентир. У нас индивидуальный маршрут обучения. А там — как получится.

Второе, что мы отбрасываем, это идею о равномерном ритме занятий: в течение дня, в течение недели, в течение месяца, в течение всего учебного года. Это тоже чрезвычайно странная идея. Она просто абсолютно не соответствует природному устройству человека, не соответствует наблюдаемым каждый день реалиям жизни. У нас живой процесс. Если удобно — занимаемся достаточно равномерно. А если удобнее иначе — делаем иначе.

Следует понимать, что все мы в той или иной степени склонны к установлению какого-то ритма работы. Это повышает эффективность наших действий, уменьшает утомляемость, облегчает адаптацию. Но нельзя догматизировать такой подход. Нельзя делать его слишком жестким. И главное — надо подобрать для своего ребенка индивидуальный ритм учебного процесса, а не ориентироваться по неким усредненным стандартам.

Такая простая вещь, как подбор оптимальной для данного ребенка продолжительности урока, может радикально улучшить учебу. И для одного и того же ребенка в разные дни и по разным предметам время урока может быть разным.

Здесь еще вопрос о равномерности или неравномерности нагрузок. Иногда мы в течение длительного периода занимаемся понемногу, спокойно и постепенно проходим тему за темой. А иногда очень мощно включаемся — в несколько раз активнее! Тут, может, нагрузок даже не столько по времени больше, а по внутренней включенности, по концентрации, по психологической энергии.

Разумеется, есть и другие типы неравномерности: по стилю проведения занятий, по уровню самостоятельности ребенка в изучении разных тем, по выбору времени для урока в течение дня. Даже для одного и того же ребенка все это может существенно меняться от класса к классу или от месяца к месяцу. А уж если вы нескольких детей обучаете дома, то вы в полной мере можете почувствовать, как по-разному приходится их учить.

Нас окружает мир, который во многом избыточно упорядочен человеком, и часто он упорядочен негармонично. Мы понимаем, что эта упорядоченность дает нам массу преимуществ и в

науке, и в технике, и в строительстве, и в функционировании социальных структур, и даже в одежде. Но избыток равномерности блокирует развитие, тормозит поиск новых, более оптимальных форм и методов.

Мне кажется хороший пример — природные объекты вокруг нас, жизнь животных и растений. Везде мы замечаем ритмы, но они не являются жесткими. А еще есть гармоничные пропорции, гибкая адаптация, красота.

Итак, понимание естественности неравномерностей в домашнем учебном процессе — это важная степень свободы. Это один из ключевых ориентиров.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТАНДАРТЫ

Поговорили о неравномерности — теперь посмотрим на ситуацию с другой стороны. Я следую простому принципу: семейное обучение должно идти так, чтобы не возникало никаких проблем при аттестации по государственным стандартам — ни в каком классе. Это очевидный ориентир: вписываться в существующие нормативы.

Одновременно я хорошо понимаю, что все эти стандарты очень условны и часто берутся, что называется, «с потолка». Поэтому я их воспринимаю не как сущностные устои для организации учебного процесса, не как внутреннюю философию своей работы, а просто как «граничные условия». Их надо уважать, учитывать — и только.

Я сторонник той точки зрения, что педагогика — это живое и трепетное дело, что всякими разными нормами и стандартами его направлять бессмысленно. Но в то же время, наличие неких четких универсальных требований смысл имеет. Это во многом даже очень удобно.

Разумеется, в условиях семейного обучения можно следовать не всем государственным стандартам, разработанным в сфере образования, а только тем, которые необходимы для аттестации в школе. И в каких-то случаях вполне можно некоторые норма-

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

тивы как-то так обойти... Ну, если они не удобны и не нужны конкретно вам.

Например, эти странные стандарты оформления тетрадок по математике в начальных классах. Сие есть, по-моему, чисто чья-то фантазия: жестко требовать от всех детей и от всех учителей, чтобы там (в тетрадках) везде столько-то клеточек отступать, столько-то клеточек пропускать. Какое это может иметь отношение к пониманию ребенком математики? Так что данный стандарт нам нужен только для того, чтобы контрольные в школе написать, а в остальное время мы о нем и не вспоминаем.

Все стандарты в формах и методиках преподавания, конечно, тоже нам не нужны. Да и учебники можем выбрать сами.

Но многие стандартные нормативы весьма логичны. У меня, скажем, не вызывает в целом внутренних диссонансов последовательность тем в изучении алгебры и геометрии и основные критерии оценки знаний по этим предметам. Наверное, дело еще и в том, что математика — это логичная структура, а потому ее легче регламентировать, там это получается вполне естественно. Есть определенные темы, есть наборы заданий, которые надо освоить, есть возможность выбирать разные уровни сложности в изучении.

Итак, я спокойно отношусь к государственным стандартам в сфере образования. В основном они не вызывают у меня радикального отторжения. Ну, какие-то — лучше, а какие-то — хуже. Такова жизнь: хочешь вписываться в социум — выполняй определенные нормы. Но и нет резона особо заикливаться на этих постоянно меняющихся нормативах, которые часто очень далеки от реалий практической педагогики.

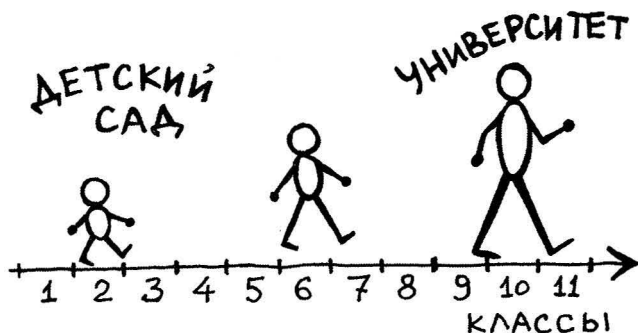
ИЗ ДЕТСКОГО САДА — В УНИВЕРСИТЕТ

Это чисто мой рабочий образ. Но, по-моему, он очень точно соответствует сути дела. И дает четкие ориентиры.

До школы я много занимался со своими детьми. Так получилось, что сыновей и младшую дочку я нянчил с самого раннего возраста. Мы играли, гуляли, читали, рисовали. В том числе мы потихоньку занимались и разными интеллектуальными тренировками: изучали буквы, учились читать, писать печатными буквами, осваивали простейшие вещи из геометрии. Фактически это уже было начало школьного обучения. Минут по 15–20 в день, без какого-либо плана или графика, чисто по настроению.

Когда мои дети достигли школьного возраста и стали осваивать школьные предметы (в режиме семейного обучения), то оказалось, что все это весьма похоже на дошкольный период. Мы много гуляли, много играли, много рисовали, много читали вслух (это всем всегда нравилось). И немного учились математике, русскому языку, чтению и природоведению. Наши уроки сделались подлиннее, учебная информация сделалась посложнее, но в целом образ жизни и стиль обучения оставались такими же, как были до школы.

Мои дети не ходили в детский сад. Но я так сформулировал название данной главы, чтобы подчеркнуть суть: до 4-5 класса домашнее обучение — это детский сад. Тут важно много играть, много гулять, много лазать на спорткомплексе. Тут нужны сказки и рисование. Здесь мало уместно многочасовое сидение за письменным столом. Это еще стихия детства. И учебная инфор-

мация в этот период — простая, базовая. Поэтому на учебу не нужно много сил.

Детям в начальных классах требуется очень существенное направляющее влияние взрослых. Конечно, что-то ребенок может делать самостоятельно. Но в основном с ним надо заниматься, сидя рядом. Слушаются дети в возрасте до 10-11 лет, как правило, достаточно хорошо, поэтому организация занятий — это лишь вопрос творческого, правильного подхода.

Перенесемся теперь сразу на другой полюс — к старшим классам. На мой взгляд, в этом возрасте речь идет уже о вполне взрослых людях. Хочешь — учись, не хочешь — не учись. Как в университете — там ведь никто студентов учиться не уговаривает и не заставляет. Лет с 14-15 человек уже может сам решать такие вопросы.

Естественно, наша поддержка может быть весьма уместна и на данном этапе. Но это уже совершенно иная история по сравнению с начальной школой. Мы помогаем мотивированному на учебу человеку, который обращается к нам за помощью. Или принимаем как факт, что этот человек на какие-то предметы «забивает» (а то и на учебу в целом).

В своей семье я реализовывал именно такой подход. И, поступив в вузы, мои сыновья уже были готовы относиться к учебе по-взрослому. Им не надо было перестраиваться с режима почти полной пассивности в обучении, характерного для массовой школы, на режим университета.

Итак, базовый образ для учебы в старших классах — это университет. Такой ориентир многое ставит на свои места, дает родителю правильное понимание структуры своих действий.

Ну а между «детским садом» и «университетом» — некий период перехода. Объемы и сложность учебной информации здесь уже намного выше, чем в начальных классах, а дети делаются уже не столь послушными. Но некое направляющее воздействие со стороны взрослых им еще необходимо почти на каждом шагу. Хотя уровень самостоятельности в учебе уже значительно выше. Ребенок должен научиться трудиться, напрягаться при изучении разных предметов.

Именно ориентация на образ «университета» в старших классах помогает пройти данный трудный переходный период, ведь

мы точно знаем, куда идем. Ориентир прост: к старшим классам необходимо выработать умение учиться практически полностью самостоятельно. Это совершенно реальная задача. Решая ее, мы задаем верную стратегию во всем образовательном процессе.

Итак, в начальных классах — больше игры и несерьезности, больше детства. А в старших классах — больше самостоятельности и взрослости.

БАЗОВЫЕ ОБЩЕФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ

Если мы возьмем хилого, нетренированного человека с плохой координацией и со слабыми мускулами и покажем ему несколько боевых «приемчиков», то толку от этого, скорее всего, не будет никакого. Как строится тренировка, например, в дзюдо? Общефизическая подготовка плюс техника. Изучение конкретных приемов борьбы происходит на основе развития базовых обще-

функциональных физических качеств — силы, выносливости, быстроты, координации движений.

Точно так же дело обстоит и в школьной учебе. Только там набор базовых общефункциональных качеств иной. Не разовьем эти качества — конкретным знаниям и навыкам по предметам школьной программы будет не за что «зацепиться». К сожалению, про это родители очень часто забывают. И, пытаясь подтянуть ребенка по математике или по русскому языку, не учитывают того простого факта, что трудно отремонтировать стену дома, если фундамент положен плохо. Надо сначала подправить фундамент.

Все это относится как к дошкольной подготовке, так и к школьному периоду. Я всегда уделял достаточно много внимания развитию общей интеллектуальной базы, общего фундамента психических качеств, используемых в различных видах конкретной учебной деятельности.

Речь — это, я бы сказал, первый общефункциональный навык. Сюда же относится умение и привычка читать. Школьник должен уверенно понимать тексты — самые разные. И должен уметь формулировать свои мысли — устно и письменно. Навыки речевого взаимодействия пронизывают всю нашу культуру, в том числе и школьное образование.

Как развивать речь? С детьми надо много общаться, много разговаривать. Надо читать им вслух хорошие книги и приучать их читать самостоятельно. Я вот еще сказки для своих детей сочинял — каждый день новые. Есть всякие речевые игры. Путей много. И все это пригодится при изучении практически всех школьных предметов во всех классах.

Образное мышление — это, на мой взгляд, второй важнейший общефункциональный навык. Именно скудость образного мышления, отсутствие привычки «думать образами» очень часто радикально ослабляет возможности ребят в освоении школьных предметов. Эта слабость не лежит на поверхности, не бросается в глаза. Казалось бы, в школе в основном нужна логика, память, внимательность. Причем здесь образное мышление?

Но вот хочет ученик решить задачку по физике или по геометрии — а никак. Поскольку не привык представлять себе образы соответствующие. И как понять органическую химию, если че-

ловек никак не может осознать объемную структуру молекулы? Да и учебник по географии будет сложно запоминаемым набором фактов, если не выработана привычка соотносить все написанное с картами земной поверхности, с картинками природы, с границами государств и их административных единиц. Ну а уж в начальной школе дети мыслят преимущественно образами, логика в чистом виде еще сложна для них.

Как развивать образное мышление? Простое наблюдение чехарды сменяющихся образов в телевизоре или в компьютере — это не то. Надо рисовать, чертить, разглядывать произведения искусства, играть во всякие специальные игры (мозаики, конструкторы, игры-раскраски), изобретать совершенно новые образы. И, конечно, делать все это с участием взрослых.

Привычка сосредоточенно работать — еще один базовый общефункциональный навык. Если он развит слабо — толку в учебе не будет. Причем важно уметь поддерживать состояние сосредоточенной работы достаточно длительно — от 10–15 минут (в начальной школе) до трех-четырех часов (в старших классах).

И когда ребенок собирает что-то из конструктора, и когда увлеченно лепит из пластилина, и когда учится владеть пилой и молотком, и когда собранно делает кувырок, и когда решает примеры по математике — везде надо тренировать сосредоточенность. Надо поддерживать выработку данного навыка. Функции разные, а навык концентрации внимания общий. И, как правило, его легче формировать не на изучении материала школьной программы, а на чем-то более интересном для ребенка.

Логическое мышление — это тоже нечто универсальное, тоже один из базовых общефункциональных навыков, важный не только при изучении точных наук, но и в гуманитарной сфере, а также в обычной жизни. Человек с неразвитой логикой — это хаос. Как ему совладать со школьной учебой?

Существует масса способов развивать логическое мышление. От разнообразнейших занимательных заданий для дошкольников до таких сложных игр, как шахматы, шашки, преферанс. Ситуации для анализа и обсуждения встречаются на каждом шагу: и при походе в магазин, и при чтении детективного рассказа про Шерлока Холмса, и в условиях затянувшейся полосы неудач в написании контрольных по алгебре. В самой школьной учебе важ-

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

но делать акцент на понимание, а не только на запоминание — это тоже общий принцип логики.

Ну и пятое, что хочется здесь назвать, — мелкая моторика. Понятно, что это важнее в начальных классах. Но на самом деле, и в средних, и в старших классах мелкая моторика играет свою роль — но уже подспудно, как бы незаметно. И при письме, и при рисовании чертежей и схем к задачам, и на уроках рисования, и на уроках черчения — везде задействована мелкая моторика. Да и сами по себе движения рук, как известно, тренируют мозг.

Способов развития мелкой моторики известно немало. Надо лишь озадачиться этим, и лучше — задолго до школы.

Наверное, список можно было бы продолжить. Но я здесь остановлюсь. Хотя бы перечисленные пять общефункциональных навыков развить — уже будет вполне хорошо. И это именно ориентиры, их надо постоянно иметь в виду.

ВИДЕТЬ ОБЪЕМ РАБОТЫ

Это и организационный, и сущностный момент, в семейном обучении он чрезвычайно важен. В школе есть поурочный план — там методисты весь объем учебного материала уже расписали по дням и по месяцам. А дома мы должны все это сами распределить — так, как нам удобнее. Но и чтобы в течение учебного года все успеть выучить и сдать.

Зная объем работы, мы можем представить себе примерный план. Важно все трезво оценить: и сроки, и наши возможности, и возможности ребенка, и выбранный уровень освоения программы, и какие-то обстоятельства жизни. Да еще желательно предусмотреть некоторый запас времени и сил на форс-мажор.

Все девятнадцать лет нашего семейного обучения я в сентябре, начиная учебу с детьми, оценивал предстоящие труды — на весь учебный год. И далее постоянно держал в голове примерные объемы и ориентировочные сроки — по каждому предмету с каждым из моих детей. Соблюдение данного правила давало

мне адекватную оценку текущей ситуации и помогало планировать дальнейшие действия.

Освоение годичного курса по каждому предмету тоже обычно происходит в несколько этапов. И на каждом этапе я оценивал объем нашей работы. Да еще ведь надо учесть нагрузки по сдаче зачетов и экзаменов.

Но и более глобальное планирование имеет смысл. Например, вся начальная школа — это некий определенный набор знаний и навыков, это взаимосвязанная система. Обучая своих детей дома, совершенно не обязательно строго придерживаться традиционного для школы деления материала по классам. Многие темы удобнее компоновать по-другому. Скажем, числа лучше учить сразу до 100, а не как в первом классе по стандартной программе (первое полугодие — счет от 1 до 10, а второе полугодие — до 20).

Как все это делать практически? Я просто проглядывал учебник — вот и виден сразу весь объем работы. Плюс что-то добавляется после собеседования с учителем по данному предмету — какие-то специфические требования, какие-то акценты в изучении материала, какие-то конкретные задания. Плюс можно считать программу (в начальной школе мне это очень помогало).

Как оценить темпы, с которыми ребенок будет усваивать учебные темы? Я делал это на основе прошлого опыта, на основе знания своих детей, знания их сильных и слабых сторон, их характеров. Конечно, часто жизнь вносила существенные коррективы в наши планы, но все равно исходное примерное планирование помогало очень сильно.

Разумеется, я и своих детей приучал планировать учебные труды. Сначала мы вместе обсуждали, что и когда будем учить и сдавать. А потом они уже самостоятельно рулили, а я лишь приглядывал за процессом и давал советы при необходимости.

Подчеркиваю: я не расписывал жестких планов. Это неудобно, это излишне. По ходу дела всегда выясняется много неожиданного. Например, одни темы ребенок усваивает легко и быстро, а в других вдруг — раз! — и «затык»! И планы, естественно, приходится менять. А то еще может выясниться, что материал, который хорошо сдали в прошлом учебном году, уже почти пол-

ностью забыт. Если это, скажем, история, то проблем особых нет. А если это математика, то приходится все заново разбирать — иначе новые темы понять не получится. Словом, гибкий примерный план — вот что является оптимальным.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАГРУЗОК

На мой взгляд, чем меньше нагрузок по школьной учебе — тем лучше. Эффективность обучения определяется не максимальными объемами знаний, а минимальным количеством времени на освоение того, что решили изучить. Мне близок именно такой подход.

Понятно, что все хорошо в меру. Какой-то объем нагрузок — это прекрасно, это фактор развития. Но перегрузки — это плохо. А современная массовая школа построена, к сожалению, с опорой именно на перегрузки. Значит, задача родителей — смягчать данную ситуацию по мере возможностей.

Давайте скажем честно: в среднем человек может продуктивно работать головой по четыре часа в день (имеется в виду интенсивная интеллектуальная работа или учеба), и то надо делать выходные. А вот шесть часов в день уроков в школе плюс несколько часов в день на домашние задания — это нонсенс. Да еще выходной всего один в неделю!

Я считаю, что в начальной школе надо ориентироваться на 1-2 часа полноценных учебных занятий в день. А в средних классах — на 2-3 часа в день. Разумеется, это должны быть интенсивные уроки, а не вялый, тягомотный процесс, который так часто имеет место в школе.

Некоторые виды учебной активности не так нагрузочны. Например, сделать чертеж по черчению или прочитать очередную книгу по литературе. А иногда, наоборот, для ребенка какой-то предмет труден — и он устает очень быстро.

Если одновременно ориентироваться и на снижение нагрузок, и на повышение качества каждого урока, то получается хорошо. А если научиться чувствовать ритмы умственной работоспособ-

ности ребенка, то получается еще лучше. И нельзя забывать про выходные и каникулы.

А что делать, если школьная программа слишком объемна для нас в каком-то классе, по каким-то предметам? Я поступал просто: безжалостно снижал учебные нагрузки. Дома с этим нет проблем. Пусть будут хуже оценки. Но факт и парадокс: таким путем мы улучшаем процесс учебы. Не перегруженный мозг работает лучше.

Комбинирование нагрузок разного типа — это тоже фактор, помогающий выжить в условиях основанной на избыточных нагрузках школьной программы. Например, сначала мы изучаем параллельно математику и природоведение, а потом, когда их сдадим за весь учебный год, мы приступаем к изучению русского языка и истории. В средних и старших классах я всегда старался так строить процесс, чтобы мои дети занимались параллельно всего двумя-тремя предметами (один из области точных наук, один из гуманитарной сферы и еще что-нибудь попроще, дополнительное, типа ОБЖ). То есть чтобы нагрузки по изучаемым одновременно предметам были разного типа и в какой-то степени балансировали друг друга.

Словом, родителю при семейном обучении имеет смысл серьезно задумываться о том, как распределять учебные нагрузки, каков их оптимальный ритм, какие нагрузки стоит отбросить. Силы надо беречь. И расходовать их надо стараться максимально целесообразно.

ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ

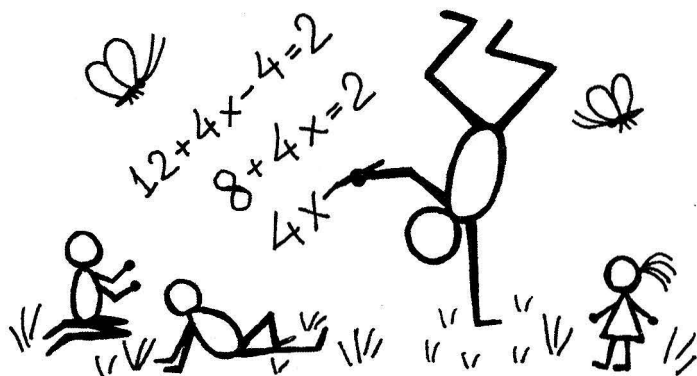
Это то, что традиционно ускользает почти во всех методиках, принятых в массовой школе. Да и многие создатели альтернативных методик преподавания существенно недооценивают соотношение вербального и невербального в человеческом восприятии. А ведь это фундаментальные основы психофизиологии и психологии!

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

В чем суть? Невербальное восприятие — это 90–95% нашего мироощущения. Именно так человек получает основное количество информации из среды. А вербальный канал — это всего лишь 5–10% восприятия. Через него трудно протолкнуть такой объем информации, какой требует современное образование. А ведь у детишек в начальной школе «невербальное» — это вообще 95–98% восприятия.

Довольно часто мы можем видеть: разные учителя работают по одной и той же методике, по одной и той же программе, а результаты их работы отличаются колоссально. Тогда говорят: «харизма», «талант», «душу вкладывает». А в чем конкретно проявляется эта самая «харизма преподавателя»? В жестах и в мимике, в умении красиво стоять и двигаться, в умении строить урок в гармоничном ритме, во владении приемами ораторского искусства. Плюс, конечно, очень важно умение чувствовать учеников, умение отслеживать динамику их психологического состояния, умение четко видеть степень понимания ими учебного материала. Важна и особая личная энергия учителя, его душевное состояние. Все это и есть невербальные аспекты преподавания.

Я совсем не против продуманной и четкой логической последовательности в изложении учебной информации. Я только за! Но одного этого мало. Чисто вербальный подход к преподаванию откровенно слаб, если говорить об абсолютном большинстве детей и подростков. Это взрослым так удобнее объяс-

нять — через сухие интеллектуальные формулировки. Да, они точны, к ним не придерешься. Но насколько ученики способны их воспринимать?

Конечно, некоторая правда есть в том, чтобы потихоньку приучать ребят к точным формулировкам, к языку науки. Без этого человек не сможет потом адекватно влиться во взрослые виды деятельности. Но обязательно нужна еще и мощная невербальная подача! Другими словами, важно не только что говорить и в какой последовательности, с какой логикой, но и как говорить. И свободный отход от сухих и строгих формулировок весьма уместен, особенно в младших классах.

Обучая своих детей дома, мы можем учитывать и невербальную сторону преподавания. Как? Вот я только что перечислил: ритм, тонус, мимика, шуточки, драматизм в речи, жестикуляция. И, конечно, рисунки! Всем этим вполне можно постепенно овладевать — и эффективность вас как педагога будет возрастать.

Зацикленность на чисто логических объяснениях просто-напросто блокирует те 90–95% восприятия нашего ученика, которые могут быть подключены к уроку! Не бойтесь быть эмоциональным, смешным, веселым, разным в разные дни. Не бойтесь использовать весь этот «детский диапазон» — и тогда ваш контакт с детьми будет гораздо лучше.

Родитель-педагог здесь значительно свободнее, чем учитель в школе. Как хочу — так и преподаю.

Мы можем, например, решать задачи не в тетрадке, а на отдельных больших листах, писать там все крупно и не шибко аккуратно. А потом, решив все, возьмем этот лист — и скомкаем его! Да еще можно кинуть его куда-то в сторону! И пусть эти бумажные шарики так и валяются по комнате до конца нашего урока. Или можно лист с решением разорвать на мелкие кусочки, и их тоже разбросать вокруг! Это эмоции, это весело! И это дает прекрасное переключение внимания, небольшой отдых, создает неформальную, даже в чем-то волшебную атмосферу на уроке.

Или, скажем, использование сказок-задачек при изучении математики. Это сильный ход. Сказка содержит волшебство, приключение, переход вообще в другую реальность. Та же самая ло-

гическая цепочка рассуждений и вычислений, но находящаяся «внутри» сказки, будет воспринята ребенком значительно сильнее, чем абстрактное и нудное изложение во «взрослом стиле». Разумеется, данный метод надо освоить — чтобы сбалансированно сочетать и линию учебы, и линию интересного сюжета.

А может, мне надо сделать хорошую зарядку перед уроком? Может, иначе я буду вялым, неэнергичным, скучным? Энергия ведущего урок преподавателя должна увлекать учеников, вести их за собой.

Мой опыт говорит о том, что более крупное, более четкое и более красивое написание примеров, уравнений и формул дает фундаментальные подвижки в понимании данного материала, в умении решать задания. А если еще и симпатичного, забавного человечка или, скажем, ежика подрисовать в углу листка — то вообще будет отлично!

То, что я здесь обозначил как «невербальное», — огромная сфера. И именно в ней находятся, на мой взгляд, основные резервы развития педагогики. Потому что совершенствование вербальных, логических аспектов подачи учебной информации уже практически достигло своего естественного предела, здесь уже и так придумано столько, что дальше уже просто некуда. Хотя до массовой школы многое из этого все равно не дошло.

Итак, уважаемые родители и педагоги, я призываю вас максимально серьезно относиться к активному подключению всего арсенала невербальных средств в обучении. Возможности для этого открываются на каждом шагу.

Правильно ли я подобрал тон разговора с ребенком, с подростком? Не слишком ли я возбужденно и быстро говорю? Или, наоборот, я говорю слишком медленно и тем самым торможу естественную динамику мышления своего ученика? Интересны ли примеры, которые я привожу, объясняя материал? Улыбаюсь ли я или же хмур, как туча?

Я максимально широко использовал в своей девятнадцатилетней практике домашнего преподавания различные невербальные подходы. Насчет логики я вообще не беспокоился. Ну, например, берем учебник — там всю логику подачи знаний из этой области до нас уже давно придумали. Или вот еще разными талантливыми педагогами придуманы дополнительные, аль-

тернативные схемы и методики. Просто используем то, что нам нравится, что реально дает эффект. Главная моя задача — «накрутить» вокруг исходной логическо-методической последовательности что-то такое интересное, магическое, веселое и динамичное. Преподавание — это вообще во многом цирк!

И даже в старших классах, когда ребята делают уже достаточно взрослыми (и уже привыкают ко взрослым сухим формам интеллектуальной деятельности), учет невербальных аспектов остается весьма важным. Одно настроение урока чего стоит! Да и формат общения с подростком в переходном возрасте требует не только логики, но и непринужденности, естественности, спонтанности.

Возможно, здесь все это так красиво прозвучало... Я не могу сказать про себя, что так уж мастерски овладел всем перечисленным в данной главе. Ну, что-то освоил, к чему-то лишь прикоснулся, до чего-то руки не дошли. Но понимание огромной важности невербального аспекта в построении школьного обучения у меня возникло четкое. Это именно путь дальнейшей эволюции педагогики.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ОБЩЕНИЯ

Известный факт (статистика): успех в жизни на 85% зависит от умения строить отношения с людьми и лишь на 15% зависит от конкретных профессиональных знаний и навыков. Ясное дело, данные статистики можно по-разному интерпретировать, но сама идея вполне очевидна. И спорить с ней трудно — достаточно поглядеть на мир вокруг.

Но есть и иллюзия: будто бы качественные навыки общения формируются сами собой, просто от постоянного пребывания ребенка или подростка в коллективе сверстников. Это странная и довольно спорная, ничем не доказанная идея. Это просто почему-то такой стереотип мышления. Да, конечно, некоторые навыки общения ребенок или подросток получает в детском саду, в школе. Но насколько эти навыки являются фундамен-

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

тальными и существенными? И насколько такой путь подходит для всех?

Вот если мы дадим ребенку столярные инструменты — и пусть он сам, играя с ними и что-то делая, научится ими хорошо владеть. Что будет? Или дадим ребенку пианино — и пусть он сам научится на нем хорошо играть, тыкая пальцами по клавишам... Чего не хватает? Правильно, не хватает старшего опытного наставника.

Разумеется, все мы так или иначе научаемся общаться, научаемся строить с людьми профессиональные отношения, научаемся в какой-то степени понимать окружающих. Кто-то естественным образом в этом более успешен, кто-то даже талантлив. А у кого-то не очень получается, тогда можно ходить на всякие специальные тренинги или в драматический кружок, можно читать книги по психологии успешного общения, можно советоваться с хорошими психотерапевтами, можно работать над собой.

Лично для меня общение — это, прежде всего, любовь и уважение к людям, стремление их понимать в каждой текущей ситуации. Плюс моя постоянная личная внутренняя работа.

Совершенно очевидно, что детей и подростков нужно учить общаться. Это очень-очень важно. И не только для последующего успеха в социуме, но и просто для поддержания нормального душевного состояния, для создания гармоничной семьи, для построения всех ежедневных обычных контактов с людьми. Но

мне основой видится не столько простое погружение растущего человека в коллектив сверстников или в некий разновозрастный коллектив, сколько направляющее и обучающее воздействие со стороны компетентных взрослых.

Чтобы учить детей и подростков гармоничным навыкам общения, взрослому человеку надо быть в контакте с ребятами, надо быть плотно погруженным в реалии их текущих дел, быть в курсе их интересов. Тогда возникают самые разные возможности постепенного обучения общению на более фундаментальном уровне, с пониманием законов психологии и высоких нравственных норм. Но такая ситуация — это всегда еще и вызов для самого воспитателя. Кто из нас, взрослых, так уж здорово умеет строить гармоничные отношения с самым широким кругом людей? Это качество, которое тренируется всю жизнь...

Я много обсуждал со своими детьми их текущие ситуации в отношениях со сверстниками, с ребятами во дворе, с родственниками, со школьными учителями, которым мы сдавали зачеты. Разумеется, я не навязывал своих взглядов, а старался вести такие разговоры деликатно, и только если мои дети хотели обсуждать данный конкретный вопрос. Я старался прояснить возникавшие ситуации, показать в них действие общих законов психологии — настолько, насколько сам мог во всем разобраться.

Очень хорошо, когда взрослые и дети, подростки что-то делают вместе. А если это не просто работа или игра, а некое более серьезное совместное приключение — то совсем здорово. Преодоление трудностей в коллективе поддерживающих друг друга людей учит общаться на гораздо более высоком уровне, чем простые разговоры о новостях или об общих интересах, простое обычное выстраивание отношений лидерства в классе или стандартная выработка поведения по отстаиванию своих личных интересов.

Скажем, мы много лет участвовали в туристической работе с подростками, ведущейся в сотрудничестве с МЧС. Вот это было дело! Когда ребята после длительного перехода на байдарках вынуждены под дождем ставить лагерь, рубить дрова, готовить ужин... — это четко ставит все на свои места. Подростки в таких условиях буквально в считанные дни становятся взрослее и от-

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

ветственное, начинают понимать значение взаимной поддержки, перестраивают модели поведения.

Также растущему человеку много дает разнообразное и желательно неформальное взаимодействие с людьми различных типов, различных интересов, с различным жизненным опытом. Я целенаправленно поддерживал все такие ситуации, которые были нам доступны по жизни. Вот, к примеру, пришел ко мне в гости старый приятель — а я разговор стараюсь вести так, чтобы и моим детям было интересно. Я совершенно конкретно гнул эту линию — и в общении с родственниками, и со всякими гостями, и когда мы болтали с соседями.

Скажем, можно прийти в гости к знакомой и вместе с ней наварить много-много варенья, параллельно ведя разговоры обо всем на свете. Или, гуляя по набережной Невы, попросить разрешения зайти на пришвартованный корабль и на нем поговорить с матросом. Или попросить опытного геолога и путешественника рассказать о том, как тот едва не погиб от селя в горах, и о том, как тот жил в тайге во время экспедиции. Каждый взрослый может очень много поведать такого, что для детей, для подростков представляет живой интерес, что для них чрезвычайно актуально и полезно. И в таких разговорах люди открываются глубже, мы видим их внутренний мир, мы видим их глазами сложные жизненные ситуации.

Ясное дело, в условиях семейного обучения необходимо предоставлять детям возможность побыть и в коллективе сверстников без особого контроля со стороны взрослых. Футбол во дворе, кружки и спортивные секции, игры с соседскими ребятами на даче. Важно осознавать, что у разных людей бывает очень разная естественная норма общения. Отличия могут быть в сотни раз! И все это варианты нормы. Не все рождаются гениями общения, миру нужны и тихие кабинетные исследователи, и спокойные художники, и водители троллейбусов.

Отдельным пунктом стоят при семейном обучении навыки общения с учителями в школе. Мы можем многое подсказать ребенку, чтобы он понял, как правильно построить диалог на зачете или экзамене, как грамотно поставить вопросы по заданному реферату или сочинению, как вежливо договориться с педагогом о времени встречи. Это все мелочи, но из них складывается

процесс. И это прекрасные поводы на практике поизучать законы конструктивного взаимодействия с людьми.

Итак, развитие навыков общения — это отдельный предмет в нашей домашней школе. И один из самых важных!

УРОВЕНЬ АМБИЦИЙ

Мой принцип такой: никаких амбиций. Что я имею в виду? Я не был нацелен на высокую академическую успеваемость. Мы вообще не имели никаких претензий к оценкам, которые учителя в школе ставили моим детям. Я не планировал вырастить суперменов, вундеркиндов и вообще тех, «кем можно гордиться».

Разумеется, я радовался успехам своих детей в школьной учебе. Но все это не было особой целью, все это получалось само собой. А если случались неудачные сдачи зачетов и экзаменов — то я не переживал. Желание получить хорошую оценку — это нормально. А страх плохой оценки — это плохо. Получение недостаточно высокой оценки — это ничего страшного, абсолютно ничего страшного.

Я не хочу сказать, что мы не старались получать хорошие оценки. Старались, конечно. Получить пять баллов — это кра-

сивый и достойный результат проделанной дома работы. Сдача зачетов и экзаменов — это часть учебы. Нужно не только знать материал, но и уметь предъявить свои знания.

Но если нам предлагали пересдать что-то или выполнить дома какие-то дополнительные задания (чтобы повысить оценку по данному предмету с «четверки» на «пятерку»), то мы всегда отказывались. Зачем пересдавать? Ведь это лишняя трата времени и сил. Мы ведь уже выучили предмет в той степени, в которой считали нужным.

Такая концепция отсутствия амбиций удобна и эффективна. Когда мы приходили договариваться к учителям об аттестации, я говорил: «У нас нет никаких претензий к оценкам». Результат? Учитель сразу расслабляется и успокаивается. Мы ни на что особо не претендуем — такова позиция. И потому у учителя не возникает желания доказывать нам несовершенство наших знаний. Спорить не о чем.

За девятнадцать лет семейного обучения у нас не было ни одного конфликта в школе — ни с учителями, ни с администрацией. Удобно? А что мы бы выиграли, если бы действовали с амбициями?

МОЯ КОНЦЕПЦИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мне кажется, что родитель, затевающий семейное обучение, должен для себя в достаточной степени определить, что он подразумевает под словами «хорошее образование». Каковы критерии нашей работы?

Здесь я отвечаю так, как думается лично мне. Я постараюсь суммировать те взгляды, которые исповедовал девятнадцать лет, которые были ориентирами для меня в нашем учебном процессе.

Что такое «хорошее начальное образование»? Очевидно, что суть начальной школы состоит в том, чтобы научить ребенка читать, писать и считать. Без этих навыков в социуме практи-

чески не прожить. И надо сказать, абсолютное большинство детей в школе данные навыки осваивает. Ну, соответственно, и дома мы должны все это аккуратно проделать — тщательно и с разных сторон отработать до полностью устойчивых умений.

Обращаю ваше внимание: навыки должны лечь глубоко и навсегда. А значит, их надо прокрутить сотни раз и тысячи раз — в разных вариациях и комбинациях. Недоработки здесь недопустимы. Ну что значит — «ребенок не очень уверенно помнит таблицу умножения»?! А как же тогда он будет учиться дальше? Вся математика начальных классов представляет собой обязательный базовый минимум.

Читать в начальной школе надо научиться до уровня умения среднего взрослого человека. И в какой-то степени овладеть такими функциями, как пересказ, изложение, заучивание наизусть, ответы на вопросы к прочитанному.

С программой по русскому языку не так однозначно дело обстоит, но все же самые простые и базовые вещи надо запомнить хорошо. Ну и просто писать надо научиться — достаточно быстро, достаточно разборчивым почерком. Что еще важно в начальной школе? Для меня было очевидно: минимизировать учебные нагрузки, продлить детям период детства.

Что можно считать «хорошим образованием» в средних классах? Думаю так: это устойчивое освоение базовых знаний в основных областях человеческой деятельности, в науках. Плюс много «внешкольных» занятий (кружки, секции, прогулки, чтение) и дополнительные личные занятия по тем предметам, которые более интересны.

В средних классах закладывается потенциал для дальнейших возможностей выбора профессиональной деятельности. Поэтому хорошо бы весь спектр школьных предметов охватить хотя бы на каком-то приемлемом уровне. Ведь кто знает, как сложится потом личный выбор человека.

В то же время, здесь уже обычно возникает естественная неравномерность в изучении разных предметов. Примерно половину информации мы уже «спускаем на тормозах». Даже если мы сдаем эти предметы достаточно хорошо, то все же особо на них не запариваемся. А что-то учим гораздо более прицельно.

«Учить более прицельно» — это вовсе не обязательно решать задания повышенной трудности или стремиться изучать программу вперед, забегая в следующие классы. Вполне достаточно просто досконально, с полным осознанием прорабатывать материал — чтобы он уложился в сознании фундаментально. Мы так с моими сыновьями проходили математику и физику. А с младшей дочкой — английский язык.

Ну а что такое «хорошее образование» в старших классах? Я бы сказал так: это освоение некоторых выбранных предметов до уровня, достаточного для поступления в профильный вуз. Плюс освоение других предметов до уровня грамотных общих представлений.

Важно помнить: в старших классах еще возможна «смена курса» — представления о будущей профессии могут радикально измениться. Иногда это происходит быстро, скачком. А иногда — медленно, постепенно.

Мой старший сын как всю школу шел по пути математики, физики и техники, так и шел, не меняя направления. А вот второй сын в равной степени осваивал и точные, и гуманитарные предметы — и только в одиннадцатом классе сделал выбор — учиться на программиста. А младшая дочка много лет колебалась между ветеринарией и рисованием, более серьезно учила биологию и химию, но потом все же поняла, что ветеринария — это не ее.

И опять же: экономия времени и сил в старших классах очень и очень важна. Режим семейного обучения позволяет сосредоточить больше сил на выбранных предметах, поскольку на остальные уходит меньше энергии.

УМЕНИЕ ДЕЛАТЬ РЕАЛЬНЫЕ ДЕЛА

Насколько человек, окончив школу, будет готов решать практические жизненные задачи? Будет ли он уметь быстро адаптироваться — к новой работе, к новому коллективу, к новым ситуациям? Умеет ли человек учиться новому?

Я бы не сказал, что структура и содержание государственной школьной программы нацелены на решение данных задач. Здесь ведь дело не столько в самих теоретических знаниях, сколько в навыках психологического типа и в опыте, далеко выходящем за рамки традиционных школьных предметов.

Я помню, как пришел работать на кафедру в Политехническом институте после его окончания. Надо сказать, что учился я в вузе очень хорошо, почти на одни «пятерки». И вот мне непосредственный руководитель в первый день работы дает большой трансформатор и предлагает его починить. Я, естественно, абсолютно не представляю, как это сделать, о чем и сообщаю. И слышу совершенно резонный вопрос: «Чему же тебя учили шесть лет?!» А надо было сказать не «шесть лет», а «шестнадцать лет» (включая и школьные годы, когда я тоже почти всегда был отличником).

В школе на уроках труда мы много работали на станках (токарном, фрезерном и других), и это было единственное реальное, чему меня научили за шестнадцать лет получения образования. И, кстати, в работе на кафедре в Политехе мне сие очень пригодилось — российская экспериментальная физика так устроена, что очень многое приходится делать своими руками. Но я проработал на кафедре всего один год, а потом занялся педагогикой.

Я считаю, что в период школьного образования надо учить ребенка, подростка не только абстрактным знаниям, но и вполне конкретным вещам. Преимущественно абстрактное образование, которое сейчас ребята получают в школе, плохо готовит человека к реалиям дальнейшей жизни. Причем важны не только разнообразные прикладные практические навыки. Важна и общая психологическая привычка выполнять «настоящую» работу — ту, которая действительно кому-то необходима, которая приносит пользу людям, которая вписана в ткань жизни.

Я придавал очень большое значение тому, чтобы мои дети учились делать реальные дела — и самостоятельно, и вместе со мной. Не игрушки, не тренировочные поделки, не учебные задания, а именно настоящие, нужные вещи.

Сыновей я, естественно, учил пользоваться инструментами — в различных текущих делах по дому и на даче, учил планировать и конструировать, учил работать с разными материалами (дере-

во, пластик, металл, резина). Причем это были не абстрактные задания (типа «сделай коробочку размером 5 x 10 x 15 см»), а насущные дела: настелить пол на втором этаже нашего дачного дома, сконструировать и сделать новый стеллаж для вещей в квартире, повесить полку на стену, починить крышу дачного туалета.

Постепенно ребята стали многое делать сами, а я только приглядывал и морально поддерживал, иногда давал какие-то советы. А потом сыновья уже лучше меня научились все делать. Ну, так и должно быть.

Многое дали занятия туризмом. Ребята учились валить сухие деревья и распиливать их вручную, а потом рубить на дрова. Учились ставить палатки (в том числе ночью и под дождем). Учились грести на лодках и на байдарках (в том числе в условиях сильного ветра и высоких волн, в ночных условиях, в условиях узких и мелких протоков, в условиях преодоления порогов). Да и приготовление пищи на костре на отряд 30–50 человек — это особый уровень умения готовить.

Кстати, сам я во всех этих туристических приключениях участвовал мало — мои дети ходили в походы без меня. Только несколько раз в стационарном лагере я был с ними (да и то держался в стороне). Там были другие руководители, компетентные в такой работе с подростками.

Я вовлекал своих детей в художественные поиски. Это было создание картин и развивающих игр-лото, иллюстрирование моих книг и оформление интерьера в нашей квартире. Мы делали настоящие вещи, которыми потом пользовались (и до сих пор пользуются) многие дети и взрослые, сотни и тысячи людей.

Скажем, сделать выставку наших картин в престижной питерской художественной галерее «Борей» — это интересное дело. Причем нами руководил профессиональный дизайнер. Мы обсуждали, какие картины где именно разместить, пробовали разные варианты, крепили картины на стены. А детям моим в то время было 13, 11 и 6 лет. Такое обучение — самое сильное.

Даже такую вполне обыденную вещь, как поездку на дачу, можно сделать обучающим процессом. Я приучал детей самостоятельно собирать свою одежду и обувь, мы вместе продумывали набор необходимых продуктов и общих вещей, мы сообща решали, как распределить груз по рюкзакам.

В изучение школьных предметов я старался тоже вводить элементы, характерные для «настоящих» проектов. Выучить годовой курс по истории, написать сочинение по литературе, сделать чертеж, сдать экзамен — ко всему этому уместно подходить как к тренировке в выполнении некой работы. Здесь формируется профессиональный и ответственный подход. Не «выучил-сдал-забыл», а именно подход профессионального работника.

Семейное обучение позволяет вводить полномасштабные, неформальные циклы освоения практических навыков, позволяет уже в школьные годы приобрести немалый опыт реальной работы в различных областях.

ТРЕНИРОВКА ИНТЕЛЛЕКТА

После сказанного в предыдущей главе хочется сформулировать, как я вижу то наиболее ценное, что есть в современном массовом школьном образовании. Потому что, конечно, не все в нем плохо. В существенной степени оно все же готовит человека ко взрослой жизни.

На мой взгляд, самое ценное в стандартном школьном образовании — это то, что оно представляет собой многовариантный интеллектуальный тренинг. Не столько конкретные знания (которые, конечно, быстро забываются), а именно формирование базовых качеств развитого интеллекта.

Интеллект ученика, прошедшего через все эти разнообразные виды тренировок (в виде разных предметов школьной программы), — этот интеллект уже будет существенно более развит, чем если бы школьного обучения не было вообще. Да, педагогический процесс может быть организован более оптимально или менее оптимально. Но и в самых неудачных вариантах все же что-то с интеллектом за школьные годы происходит, хотя бы чуть-чуть.

Для меня это основная модель того, зачем вообще мы учимся в школе. Каждый предмет тренирует какие-то стороны интеллекта, какие-то интеллектуальные качества. Каждый тип заданий

отрабатывает какие-то свои типы мышления, формы умственной деятельности.

Математика тренирует логику. Литература — анализ текстов и владение речью. Черчение — пространственное мышление. Физика и химия — точный научный подход к пониманию окружающей реальности. Иностранный язык — это и практически полезная вещь, и экскурс в психологию других наций. География и история дают взгляд на большие пространства (на Земле и во времени). Биология дает не столь точный взгляд на природу, как физика, но зато описывает структуры и процессы потрясающей сложности. Русский язык учит грамотности — этому универсальному эталону, принятому в обществе для удобства взаимодействия.

Из такого подхода ясно, что важна не только (и не столько) конкретная программа обучения по тому или иному предмету, сколько само построение занятий, их качество. А материал для интеллектуального тренинга можно использовать почти любой. Понятно, что какая-то программа более удобна, а какая-то менее удобна, но это уже в общем-то второстепенные факторы.

Именно поэтому я совершенно спокойно наблюдал, как мои сыновья почти не занимались в средних классах русским языком. Ведь интеллект мы все равно неплохо тренировали — на других, более любимых предметах. Да, русский и математика тренируют не одни и те же стороны мышления, но кое-что общее все же есть. Что характерно, сыновья ухитрились более-менее достойно сдавать диктанты с сопутствующими грамматическими заданиями. Сказывалась их общая интеллектуальная подготовка, умение мобилизоваться перед экзаменом, умение интуитивно угадать правильное написание слов.

Иногда мне приходилось и притормаживать активность моих детей в учебе, чтобы не было перегрузок. Например, в 10 и 11 классах я целенаправленно вел с младшей дочкой разговоры о том, чтобы она не слишком много занималась подготовкой к ЕГЭ по русскому языку. Просто она по натуре человек старательный, но ведь все хорошо в меру. И моя линия оказалась полностью верной. Дочка и так сдала этот ЕГЭ на 98 баллов. А если бы она занималась существенно больше, то переутомилась бы. Может, в результате переутомления и результаты ЕГЭ были бы хуже.

Совершенно очевидно, что процесс тренировки интеллекта может осуществляться и не на материале школьной программы. Скажем, научно-популярная или хорошая художественная литература (интересная детям, подросткам) или освоение полезных программ на компьютере. Или «умные разговоры» (под настроение). Или настольные игры с сильной интеллектуальной компонентой.

Для меня очень удобно сравнение школьной учебы с тем, как человек тренируется в каком-то виде спорта. Разные упражнения, разные виды нагрузок, разные спортивные снаряды. Далеко не каждый станет олимпийским чемпионом. Но уровень общего физического развития нужен практически каждому. Так и в сфере умственной деятельности. Развитый интеллект — это просто естественный багаж человека.

РЕЖИМ И СТИЛЬ ЖИЗНИ

Продолжая описывать семейное обучение, следует сказать, что здесь расклад по распорядку дня совсем другой, чем в школе. Дома учебно-педагогический процесс осуществляется круглосуточно и непрерывно. Мы не только изучаем школьные предметы, но и строим вообще весь режим жизни.

Казалось бы, данный аспект совершенно очевиден. Но важно его как следует осознать — чтобы использовать в полной мере.

При семейном обучении мы планируем все вместе: и учебу, и все иные дела, и весь режим и распорядок. И кстати, с учетом погоды (то есть длительности прогулок и поездок). Тут ведь все не как в школе. Если погода хорошая — мы много гуляем или даже занимаемся уроками на улице. Если погода плохая — мы сидим дома и можем учиться больше времени. И даже так: с утра встали и погуляли, пока солнышко и небо ясное, а после обеда дождик пошел — и мы учебой занялись. А завтра может быть наоборот.

То есть я рассматриваю за день (да и за более длительный срок) всю систему нагрузок у детей. Уроки по школьным предметам, спортивные тренировки дома и в секциях, прогулки, сильные

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

эмоциональные переживания (например, поход в театр, празднование дня рождения, грандиозный скандал). А еще активная работа по дому (мои дети не любили помогать по хозяйству, но временами затевали глобально печь оладьи, блины, плюшки, пироги), поездки на дачу, чтение, просмотр кино, сдача зачетов в школе, личное музыкально-песенное творчество детей, рисование, свободные игры — все это элементы, которые должны быть сбалансированы. И я следил, чтобы последовательность дел была построена по возможности разумно, удобно для всех нас.

Стиль жизни школьника, который ходит в школу, — это одно. А стиль жизни при семейном обучении — это совсем другое. Фокус в том, что мы совершенно свободно можем отойти от традиционной массовой парадигмы школьных лет жизни. Разумеется, что-то позитивное будет упущено. Но и каким-то положительным возможностям откроется дорога.

В домашних условиях легко реализовать одну из фундаментальных потребностей растущего человека — необходимость сколько-то времени проводить в одиночестве, в спокойных личных делах, в состоянии «ничегонеделания». Это не только хороший отдых. Это еще и особый режим функционирования — когда формируется и раскрывается личностный потенциал, когда копятся важные внутренние изменения.

Если в школе уроки физкультуры и спортивные секции обычно представляют собой лишь некоторое дополнение к обязательным занятиям русским языком, математикой и прочими интеллектуальными предметами, то в условиях семейного обучения мы вольны сделать больше акцент на физическом развитии. А после хорошей физической нагрузки, кстати, и мозг работает лучше, учеба движется веселее.

Мы с моими детьми много рисовали. Это тоже нагрузка, но уже совершенно иного свойства, чем школьные предметы. Занятия рисованием прекрасно балансируют умственную активность по школьной учебе. Да и просто дело хорошее и полезное.

Я вообще не сторонник строгого режима — ну ни в чем. Я творческий работник. Время подъема утром и время укладывания спать вечером, время завтрака, обеда и ужина, время и продолжительность всех занятий — все это у нас было далеко от строгого режима.

Разумеется, в каждой семье есть и дела, не связанные с развитием и обучением детей. Например, папа может ощутить сильнейший поток вдохновения и отложить на сегодня все уроки, с головой погрузившись в занятия живописью или в написание книги. Или кто-то из членов семьи может заболеть — и тогда весь распорядок меняется. А бывает, неожиданно предложат хорошую надомную работу и попросят сделать побыстрее — и вот уже учеба откладывается на неделю-другую, все работают, деньги зарабатывают.

Итак, постоянное отслеживание всего набора жизненных занятий детей, постоянное разумное регулирование — это одна из основных функций родителя при семейном обучении. Я подходил к этому во многом чисто интуитивно, спонтанно, ориентировался по текущей ситуации. Но и про общий системный взгляд не забывал никогда.

НЕИДЕАЛЬНОСТЬ

На мой взгляд, очень важно при семейном обучении осознавать, что мы никогда не осуществим идеальный процесс. Всегда что-то будет лучше, а что-то хуже. Всегда будут ошибки, упущения и недоработки. Многое будет плохо. Кое в чем будет просто позор. Но что-то будет и хорошо, разумеется.

Начиная каждый учебный год очередной виток нашего семейного обучения, я всегда помнил: наверняка появятся неожиданные трудности, наверняка все пойдет не очень гладко. Дети будут (больше или меньше) отлынивать от учебы. Вести себя они будут по-разному, иногда весьма плохо. Могут проявиться и их индивидуальные сложности в освоении того или иного материала. Возможно, возникнут некоторые трудности в отношениях с учителями в школе. Просто по жизни что-то сложится не очень удобно.

Занимая такую позицию, мы успокаиваемся. Мы несколько снижаем уровень наших устремлений — до реально выполнимого. И мы бережем нервы — и свои собственные, и наших детей.

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Я скажу так: я дал своим детям примерно 30–40% того образования, которое считал бы идеальным. И уже неплохо получилось — на фоне обычной массовой школы. А с учетом той сложной жизненной ситуации, в которой мы находились, так успех наш выглядит просто фантастическим. Я совсем не ожидал, что все получится так, в целом, удачно. Но я помню про те недоделанные 60–70% — и не шибко горжусь достигнутым. Ну, лучше я не сумел.

Например, мне очень жаль, что английский язык я дал своим детям на довольно слабом уровне. Да и другие гуманитарные предметы.

Четкое осознание того, что очень-очень многое в школьном образовании моих детей будет упущено, что многое не получится из того, что хотелось бы им дать, дало мне возможность сосредоточиться на том, чтобы сделать хорошо хотя бы что-то. Я исходил из имевшихся у меня сил и умений, трезво оценивал их. И выделял главное.

Идеальной педагогики не бывает. Никто даже толком не знает, какая педагогика «хорошая», а какая «плохая». Да и мы не знаем на 100%, что именно и в каких пропорциях пригодится нашему ребенку после школы. Мир станет другим, люди станут другими.

КОНСЕРВАТИЗМ И НОВАТОРСТВО

Я психологически сформирован как человек науки. В Политехническом институте нас учили на физиков-экспериментаторов, и после окончания вуза мы должны были влиться в ряды тех, кто разрабатывает физические основы полупроводниковых и оптических технологий, управляемого термоядерного синтеза и всего такого прочего. Учили нас очень хорошо — давали вовсю почувствовать высокий интеллектуальный дух настоящей науки. И мы вполне впитали в себя его, сформировались ментально как исследователи всяких сложных реальных процессов, как разработчики новых эффективных технологий.

Когда я занялся педагогикой, то естественно применил данный подход науки. Что для него характерно? Смотреть на дело объективно и непредвзято, сомневаться в сложившихся представлениях и моделях, искать новые факты и новые методы. То есть это такой обычный новаторский, исследовательский подход. Но, с другой стороны, наука развивается всегда на основе уже имеющегося опыта — накопленного за столетия и даже за тысячелетия. Поэтому новаторство и консерватизм прекрасно уживаются вместе — как две грани одного целого. Ну, конечно, временами конфликтуют, спорят, борются друг с другом. Но и дополняют друг друга, балансируют общий процесс развития науки.

В педагогике, по-моему, должно быть примерно так же. Но в реальности консерватизм гораздо более проявлен, он сильно доминирует. Далеко не во всех конкретных ситуациях это плохо. Но все-таки часто это плохо и грустно.

Дело в том, что в педагогике, в отличие от физики, критерии эффективности сильно размыты, а зачастую их вообще сложно определить. В каждом обществе в одно и то же время существуют различные взгляды на то, каким должно быть школьное образование. А в физике все гораздо проще: вот он прибор и вот он работает или не работает, или же он работает лучше старого прибора. Кому придет в голову десятилетиями выпускать компьютеры, чья эффективность в сотни раз ниже, чем у вновь разработанных?! А в школьном образовании малоэффективные методы живут десятилетиями и даже веками.

Сколько я занимаюсь педагогикой, столько стараюсь философски подходить к данной ситуации. Да, я практикую более эффективные технологии обучения, чем это сейчас принято в массовой школе. Что-то я придумал сам (просто на ходу, в практике), что-то где-то прочитал, что-то мне посоветовал кто-то из знакомых (возможно, даже из числа школьных учителей), что-то предложили сами дети. Я в жизни скорее новатор, но стараюсь понимать и уважать и позицию консерваторов.

Мне кажется, что для родителя, решившегося на путь семейного обучения, важно осознавать свою позицию в системе координат «новаторство — консерватизм». Школьные педаго-

ги — люди подневольные. Многие из них с радостью применяли бы новые методы, просто им запрещено так поступать. Поэтому спорить нам с ними не о чем. И мы можем доброжелательно и конструктивно взаимодействовать, полностью уважая друг друга.

Мне ближе новаторство не радикальное, а «понемногу», «почуть-чуть». Взять и создать полностью свою систему обучения — это не для меня. Я бы сказал, что 80–90% методов, которые я использую, полностью консервативны. В науке как раз так и происходит: ученый развивает новые идеи, опираясь на огромную общую систему знаний.

То новое, что я применяю в практике учебного процесса дома, просто бросается в глаза — как существенное отличие от широко принятого на данный момент в школе. Но в то же время я в основном использую традиционные базовые учебники, объясняя материал в целом без особых каких-то продвинутых методик, применяю в оценке знаний своих детей вполне обычные школьные каноны.

В моей практике так: если консервативный метод работает достаточно хорошо — ну и пользуюсь им. А если он работает плохо — стараюсь найти новые пути.

А если консервативный метод работает плохо, но я не могу в данный период жизни ничего радикально иного реализовать? Ну что ж, бывает. Иногда приходится работать плохими инструментами, по несовершенным, устаревшим технологиям. Стараюсь уж тогда хоть как-то облегчить ситуацию для детей, смягчить ее.

Словом, в семейном обучении всегда есть некое соотношение, некая пропорция между устаревшими или устаревающими методами, между методами вполне современными и между методами радикально новаторскими. Философски поразмыслив, я прихожу к выводу: если новаторских методов будет слишком уж много в общем процессе, то он, скорее всего, потеряет стабильность и развалится.

Дома мы можем всю внедрять удобные для нас новые методы обучения, новые радикальные подходы к школьному образованию. Но при этом без проблем можем приспосабливаться и к весьма консервативным формам аттестации в школе, к консер-

вативным критериям оценки успеваемости, к консервативным требованиям. Да, это некоторая дополнительная сложность в нашей работе. Но зато это и фактор социальной адаптации.

СВОБОДА ВМЕСТО СТРАХА

В педагогике (как и в жизни) страх — это палка о двух концах. Управление через страх широко используется в обществе с древнейших времен, и школу сия чаша не миновала. Споры о том, целесообразно ли использовать страх для воспитания и обучения детей и подростков, идут постоянно. Многие школьные педагоги убеждены, что без того, чтобы ученики боялись учителей, просто не обойтись. Да и очень многие родители используют страх как способ воздействия на поведение ребенка.

Я не хочу вести философских споров. Но в моем восприятии педагогического процесса страх — это плохо. Дети не должны нас бояться. Боже упаси! Управление должно происходить как-то иначе.

Страх наказания, страх плохих оценок, страх неодобрения со стороны родителей и учителей, страх не выполнить задание вовремя, страх насмешек со стороны сверстников, страх непредсказуемых агрессивных импульсов со стороны взрослых, страх потерять себя под воздействием более сильных людей... Все эти страхи преследуют каждого из нас с детства. Да и потом по жизни нам не скоро удастся с ними расстаться (если вообще удастся). И мне кажется, не стоит становиться для своих детей фактором, усугубляющим их страхи.

Словом, я стараюсь детей в процессе учебы не пугать. Наоборот, стараюсь их подбодрить, воодушевить. Хотя, конечно, любой из нас, взрослых, так или иначе передает детям частично свои подсознательные и осознанные страхи. Наша культура настолько пропитана страхами, что трудно представить себе педагогический процесс, который полностью свободен от этой древней стихии ужасов, стереотипных боязливостей и мелких локальных испугов.

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Я присоединяюсь к тем педагогам, которые считают, что свобода гораздо-гораздо лучше страха. Это стратегический принцип. Хотя от него иногда приходится отступать в каких-то конкретных случаях. Свобода — это ориентир, универсальный и оптимистичный.

В воспитании своих детей я всегда вел линию на предоставление свободы выбора. В том числе и во всех аспектах учебного процесса. В том числе и в вопросе, учиться ли им дома или же ходить в школу. На каждом шагу я предлагал им самим решать, как поступать. Разумеется, с учетом того, что дети еще многого не знают и зачастую склонны вести себя очень неразумно.

Иногда я все же что-то жестко требовал. И выставлял какие-то границы, за которые выходить запрещалось. Здесь есть парадокс. Какая-то доля давления со стороны взрослых ребенку нужна. Это даже успокаивает и снимает страх: ребенок ощущает себя защищенным, любимым, он чувствует, что взрослые о нем заботятся и держат общую ситуацию под контролем.

Словом, на каждом этапе нужно искать оптимальный баланс между предоставлением свободы выбора и некоторым волевым давлением. Жесткие требования в целом блокируют личностные формы развития, но без жесткости часто не обойтись. То есть принцип состоит в том, чтобы применять принуждение и страх так редко, как только возможно.

А главная линия — это фундаментальное уважение к внутренней свободе каждого ребенка, каждого подростка. По мере взросления человек должен все больше и больше решать в своей жизни сам. Он должен привыкать пользоваться свободой выбора, учиться принимать на себя ответственность за свои решения. А наша функция как воспитателей и преподавателей — помогать ему научиться быть свободным.

Вопрос развития своей внутренней свободы — ключевой для каждого человека, в том числе, разумеется, и для каждого взрослого. То, в какой степени я освобождаюсь от своих личностных страхов и заменяю их мотивами свободы, определяет и мои возможности способствовать аналогичным процессам и у моих детей. Но многое они реализуют и без оглядки на родителей — таковы законы эволюции.

ДОГОВОР ВНУТРИ СЕМЬИ

Я всегда считал: перед началом учебного года мы с моими детьми должны четко договориться о том, как мы учимся. С первого класса я придерживался именно такой позиции. Если ребенок принимает решение, что он учится дома, то одновременно мы договариваемся, что он слушается меня в ходе учебы, он выполняет мои предписания. Это именно договоренность.

Я не претендую, что я самым лучшим образом объясню материал и построю весь учебный процесс. Если ты можешь — учись сам по учебникам, сам думай, как и что сдавать. А если тебе нужна моя помощь — следуй моим инструкциям. А вот если ты хочешь рулить сам, а я чтобы тебе при этом активно помогал и за все отвечал, — так не получится.

Если не хочешь воспринимать меня как авторитет в учебе и как руководителя — иди в школу. Нет проблем. Семейное обучение — это не мое личное желание, не моя прихоть. Мне-то как раз много проще не ломать голову обо всем этом. Ты хочешь учиться дома? Я готов тебе помогать. Но условия таковы, что ты меня уважаешь и прислушиваешься к моему мнению. А я, конечно, готов слушать и принимать во внимание твои соображения.

Реально, разумеется, все сие легко сказать, но сложно вы-

полнить. Дети склонны забывать то, что они пообещали месяц назад. Ну, напоминаю. В школу ведь можно пойти и в середине учебного года. И я постепенно приучаю детей отвечать за свои решения. Да, часто через определенную нервотрепку. Но стоит того.

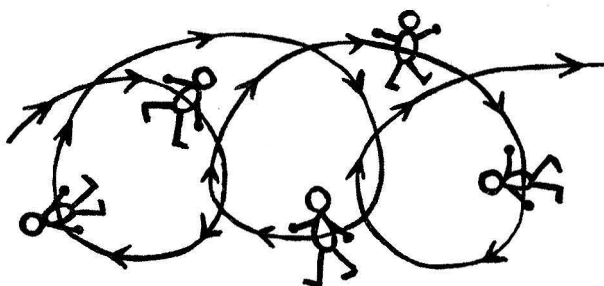
Во время семейного обучения уровень ответственности ученика за весь учебный процесс намного выше, чем при обычном школьном режиме. И давайте без иллюзий: ребятам дома такой подход по силам уже с начальных классов. Привычка считать детей (и подростков) маленькими и глупыми, неспособными принимать серьезные решения — это прошлый век педагогики. Это противоречит ежедневному опыту миллионов людей. Мы можем конструктивно и логично договориться со школьником обо всех особенностях его учебы.

ПОВТОРЕНИЕ

Я выделил данный пункт как существенный, потому что он часто ускользает из сферы нашего внимания. Нам хочется думать, что процесс освоения нового учебного материала развивается как неуклонная прямая линия. Но обычно он скорее напоминает хождение по кругу — с небольшими продвижениями в нужном направлении.

На самом деле, повторение — часть учебного процесса, один из его фундаментальных принципов. К повторению надо относиться абсолютно нормально. Дети очень быстро забывают пройденное, через год могут вообще не вспомнить. Но на них не надо злиться, не надо думать, что они халтурят или плохо соображают. Даром все равно ничего не прошло. При необходимости вспомнить гораздо проще, чем выучить в первый раз.

Планируя домашний учебный процесс, необходимо выделять время и душевные силы на повторение. Как конкретно повторять (обзорно или подробно, быстренько или развернуть-ся на месяц) — это уж надо решать по ситуации.

Кроме того, по ходу всей учебы нам приходится раз за разом возвращаться к каким-то моментам из прошлых учебных курсов. И при решении различных практических заданий, и при объяснении нового материала, и при подготовке к итоговым экзаменам — везде бывает необходимо кратко вспомнить что-то давно пройденное, но слегка подзабытое. Мы не только движемся вперед, но и постоянно что-то вспоминаем, повторяем, освежаем в памяти.

На мой взгляд, 10–20%, а то и все 30% учебной работы в школе — это в той или иной форме повторение пройденного ранее. И не потому, что ученики лениятся (или мы не умеем их учить), а просто таковы уж свойства человеческой психики. Ходим, ходим по кругу, но все же куда-то движемся и поступательно.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ САМОГО ВАЖНОГО

Существует огромное число книжек для деловых людей и для тех, кто хочет таковыми стать. И в данных книжках говорится: сформулируйте для себя главные цели и задачи — в любом проекте, над которым вы работаете. Думаю, это применимо и к сфере педагогики.

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Что для вас самое главное в той модели школьного образования, которую вы реализуете у себя дома? Что является самым важным на текущий учебный год? Что, с вашей точки зрения, самое главное при изучении данного учебного курса? А что наиболее принципиально в ваших взаимоотношениях со школой?

Именно выделение основных, ключевых задач дает нам возможность строить всю систему наших действий — логично и грациозно. Сосредоточение на главных целях — мощнейший фактор успеха.

После того, как выделены основные направления приложения усилий, возникнут другие естественные вопросы, на которые тоже стоит ответить. Чем мы можем пренебречь? Что из учебного материала не является для нас важным? Что можно пройти поверхностно? Какие аспекты школьного учебного процесса мы оставим на периферии нашего внимания?

Да, научить детей хочется многому. Надо бы позаниматься и тем, и тем, и еще вон тем. Надо бы взять побольше учебников. Надо бы записаться в как можно большее число кружков. И «пятерок» нам надо как можно больше! Но ресурсы и время ограничены. Да и дети наши обладают ограниченным уровнем работоспособности. И мы как педагоги не всегда бываем на высоте. Кроме того, нас ждут на пути непредвиденные трудности. И потрясающие позитивные неожиданные возможности нас тоже ждут, конечно!

Что считать главным — это зависит от вас и от вашего ребенка. Здесь, думаю, не может быть никаких общих рекомендаций.

Например, для моей младшей дочки школьная учеба в старших классах вообще не была главным делом. Я ей четко говорил: «Сдай все побыстрее как-нибудь. По возможности без «троек». И не перегружайся». Это был сознательный акцент. Все равно, правда, получалось у нее почти все сдавать на «пятерки», но так уж как-то получалось, стремления к этому особого уже не было. Просто за много лет сформировалась привычка хорошо учиться.

Для моих сыновей в старших классах главным было — поступить в вузы. Поскольку они выбрали технические специальности, то и акцент был на физике и на математике. Плюс очень се-

ррезное отношение к занятиям на подготовительных курсах. Причем важны были не столько школьные оценки по физике, алгебре и геометрии, сколько конкретные знания и навыки — ведь надо было на вступительных экзаменах решать очень сложные задания. А школьные оценки на поступление не влияли.

Как только вы сформулировали для себя самое главное, так сразу же ваше сознание и ваше подсознание начинают выстраивать оптимальную траекторию движения к поставленным целям. Ясная логика действий дает энергию. Концентрация на правильно поставленной задаче делает успех гораздо более вероятным.

ВСЕ БУДЕТ ИНАЧЕ

Когда мы планируем процесс, необходимо осознавать: на самом деле все пойдет по-другому, а вовсе не точно так, как мы запланировали. Мы не знаем будущего — поэтому наши планы верны лишь относительно. Готовность к неожиданным корректировкам планов (небольшим или существенным) — часть нашей устойчивости в движении вперед.

Если я заранее морально готов к поворотам судьбы, то они с гораздо меньшей вероятностью вышибут меня из колеи. Именно готовность и возможность гибко реагировать на все текущие изменения ситуации в учебном процессе и вокруг него — это огромное преимущество семейного обучения по сравнению со строго регламентированной и абсолютно негибкой массовой школой.

В жизни всегда что-то меняется. Иногда в лучшую сторону, иногда в худшую. Или просто — не лучше и не хуже, а совершенно по-другому.

Знал ли я, когда мы начинали наш процесс семейного обучения, что останусь один воспитывать троих своих младших детей? Знал ли я, обучаясь в школе, а потом в Политехническом институте, что не буду делать карьеру в науке, что мы будем жить практи-

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

чески в другой стране, что мои интересы сместятся в сферу педагогики? Знал ли я, воюя со своими непослушными сыновьями в младших и в средних классах, что к концу школы они вдруг возьмутся за ум и достигнут весьма впечатляющих успехов?

Подумать только: девятнадцать лет назад, когда началось наше семейное обучение, мы знать не знали про интернет! Да и десять лет назад у нас еще не было компьютера. А сейчас просто началась другая жизнь. Но и не так глобально, а и в каждом уроке реальность вносит свои коррективы, а нам надо адекватно реагировать.

Вот, к примеру, во втором классе пишем дома свой тренировочный диктант, работаем хорошо, все идет по плану. И вдруг за окном проехала пожарная машина! Промчалась, завывая сиреной и мигая мигалкой! Вы представляете?! Диктант, разумеется, приходится прерывать — пока машина не скроется вдаль, пока мы не убедимся, что дыма от пожара из нашего окна не видно, пока мы не обсудим всю данную ситуацию. А еще ведь потом успокоиться надо, снова настроиться на диктант.

И еще: гибко перестраивая учебный процесс в соответствии с меняющимися обстоятельствами, мы тем самым и детей приучаем быть гибкими, уметь адаптироваться к изменениям окружающей реальности. В жизни им это обязательно пригодится.

МЫ НЕ КРУЧЕ ВСЕХ

Я бы хотел подчеркнуть еще раз: чрезмерные амбиции неуместны, когда мы реализуем домашний обучающий проект. Сколько людей споткнулось на данном пункте! Нет, мы не настаиваем, что мы круче всех, что мы дома выучимся лучше всех, что дети наши вырастут умнее всех.

Ох уж эти вечные сравнения в нашем обществе! Ну зачем сравнивать себя с кем-то?! По-моему, достаточно просто быть самим собой, достаточно идти своим путем. Мой путь — это мой путь. И все. Он может по массе параметров и показателей оказаться далеко не столь удачным, как многие другие пути, ну и ладно.

Мы не участвуем в соревновании, мы не стремимся оказаться успешнее всех.

Семейное обучение — это нормальный способ получения школьного образования. В нем есть свои достоинства (коих немало!) и свои недостатки. Данный путь непривычен, но сие всего лишь инерция общества. Когда-нибудь семейное образование станет абсолютно привычным. Думаю, довольно скоро будет так. Нам нет никакой нужды доказывать кому-то, что при семейном обучении эффективность образования значительно выше. Достаточно, что она не ниже, чем при стандартном школьном варианте.

Когда человек претендует на то, что он круче всех, то окружающие начинают естественным образом испытывать по отношению к нему раздражение, желание «опустить» его по полной программе, желание спорить с ним и ругаться. Высокомерие отталкивает людей. Зачем же так? Приняв разумную позицию, что мы не хуже и не лучше окружающих, мы делаемся добрее — и мир вокруг делается добрее к нам. И все становится существенно проще.

И давайте не забудем: очень-очень многие ученики получают прекрасное образование и в условиях обычного посещения школы. И потом поступают в хорошие вузы, успешно там учатся, после этого успешно работают. Собственно, всегда так было. Да, в массовой школе нас сейчас многое не удовлетворяет. Но надо видеть и ее достижения.

По-моему, очень-очень важно, реализуя семейное обучение, помнить о принципе ценности каждого человека — вне зависимости от его успехов в школьной учебе и вне зависимости от всех прочих факторов. Это и есть индивидуальный подход. Мы помогаем нашему ребенку двигаться в соответствии с его судьбой. А успехи, оценки и таланты — дело десятое.

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ

Домашнее образование — это не просто набор каких-то более или менее удачных разрозненных действий по изучению школьных предметов. Домашнее образование — это именно система, то есть

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

взаимосвязанная структура действий, где каждое действие связано с остальными, где все выстроено в целостном ритме.

Я не знаю, как сказать об этом проще. И мне не хочется слишком заумно формулировать свои мысли. Я просто хочу указать на данный пункт.

Силу системного подхода мы начинаем осознавать не сразу. Нужно достаточно времени, чтобы увидеть, как важно действовать, постоянно сочетая две вещи: сосредоточение на текущей практической задаче и общий взгляд на весь процесс. Когда части системы поддерживают друг друга, тогда общая эффективность возрастает радикальным образом.

Энергия, достигнутая в изучении одного предмета, легко перекидывается на другой предмет. Хорошие оценки за несколько лет формируют привычку и у учеников, и у педагогов из школы. Освоение методов успешной учебы дает сразу продвижение по многим направлениям. Баланс умственных, физических и эмоциональных нагрузок позволяет двигаться вперед без чрезмерного утомления. Все это проявления системного подхода в домашнем обучении.

Мне повезло: меня научили системному мышлению в вузе. Ну и потом я его уже сам развивал в практике. Я увидел, как это эффективно, удобно и интересно. Без четкого системного подхода я, думаю, завалил бы весь наш процесс. А так мне удалось пробиться, хотя и было трудно. Суть системного подхода в любом деле — целостный подход. И некие универсальные ориентиры и принципы действий, которые конкретизируются в каждой текущей ситуации.

Так что, учитесь системному подходу! При осуществлении семейного обучения он очень важен! Вы сэкономите силы и время и достигнете более серьезных результатов. И вы на практике покажете вашим детям, как действовать в сложном проекте, как двигаться по нехоженным дорогам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Семейное обучение — веление времени. В тех или иных формах оно активно развивается во всем мире. И будет развиваться все интенсивнее и интенсивнее. Здесь не может быть никаких сомнений.

Реальное качество образования, полученного в условиях семейного учебного процесса, может быть весьма разным — от очень высокого до очень посредственного. Но данный путь выбирают не только за возможности оптимизации знаний школьника. Речь идет об ином образе жизни человека в школьные годы, об открытии многих дополнительных, развивающих и обогащающих факторов.

Каждая семья, выбравшая такую дорогу, такую историю, вырабатывает свою систему действий, свой уникальный подход. Это непривычно для тех, кто мыслит категориями массовой, одинаковой для всех школьной педагогики. Но вообще-то, с глобально-исторической точки зрения, а также с точки зрения традиций индивидуальной помощи школьникам ничего необычного тут нет. И никакого противоречия с общими законами педагогики и психологии тут нет. Просто родитель выполняет функции гувернера, репетитора, учителя в маленькой сельской школе (в которой всего несколько учеников), психолога, методиста.

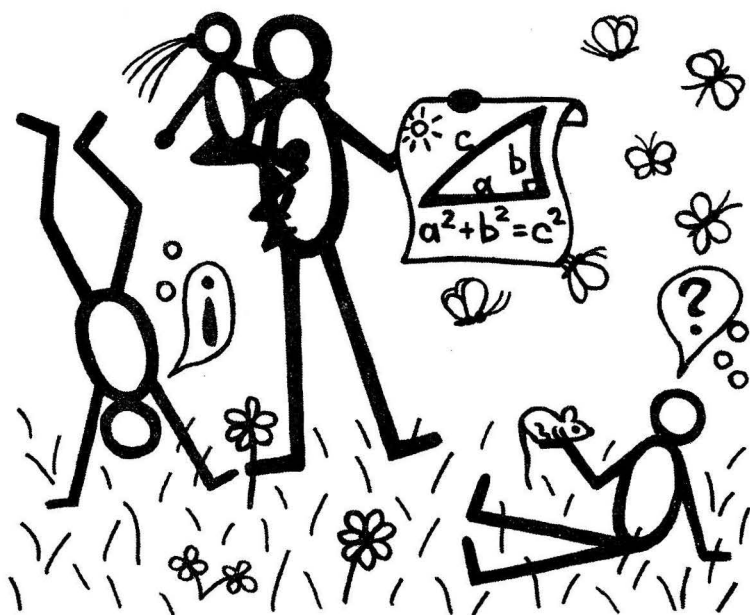
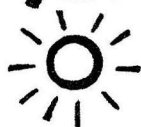
Мне кажется, что огромное число родителей, ранее далеких от сферы школьного образования, прекрасно могут обучать своих детей дома сами. Главное при этом — решимость, организованность, готовность по ходу дела осваивать эффективные методы преподавания. Практика учит много быстрее, чем лекции в педагогических вузах. И важно трезво оценивать происходящий дома учебный процесс, вовремя корректировать его, осознавать свои ошибки.

Как мог, я описал свою систему действий, свою систему ориентиров в организации семейного обучения. Я не претендую на то, чтобы вы принимали все написанное здесь как истину. Возможно, я очень во многом ошибался и ошибаюсь до сих пор. А возможно, и не ошибаюсь. Но книга эта родилась по вдохнове-

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

нию — значит, что-то нужное в ней есть. Наверное, системный подход к организации домашнего образования — это лучший вариант рабочей стратегии.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятнадцать лет я учу своих четверых детей дома сам. В школе они только сдают зачеты и экзамены. Трое старших уже окончили школу. Старшая дочь Алена работает, сыновья Тимофей и Николай учатся в университетах. Младшая дочка Маша — в восьмом классе.

Результаты учебы у нас хорошие — в основном «пятерки». Коля даже окончил школу с золотой медалью. В вузах сыновья учатся также очень успешно.

Ко мне обращаются с вопросами многие родители и педагоги, я даю интервью для газет, журналов, радио и телевидения, провожу семинары в Педагогическом университете, участвую в конференциях по индивидуальному образованию. Это и понятно: в условиях пробуксовывания реформы массовой школы интерес родителей и педагогов к такому радикальному пути, как семейное обучение, неуклонно возрастает.

Фактически, за эти годы у меня сформировалась довольно целостная педагогическая система, охватывающая преподавание основных школьных предметов силами одного родителя-учителя. Освоив обучение своих детей, я понемногу стал помогать решать учебные проблемы и другим ребятам, а также консультировать их родителей. Попытки ответить на вопросы, которые ставили передо мной разные люди, помогли мне осмыслить свой педагогический поиск. Но с самого начала я действовал достаточно продуманно, развивал свои рабочие концепции, искал свои эффективные методические подходы.

Из всего этого опыта и родилась данная книга. Причем она ориентирована не только на тех, кто готов или почти готов полностью взять на себя обучение своих детей, но и на всех родителей, педагогов, психологов, других взрослых, которых интересует индивидуальный, одновременно более мягкий и более системный подход к школьному образованию.

Хочу подчеркнуть, что я ориентируюсь не на воспитание вундеркиндов и не на какое-то особо высокое качество знаний, а на реальный эффективный удобный путь школьного обуче-

ния, на создание индивидуальных условий для тех детей и подростков, кто по тем или иным причинам нуждается в этом. А причины могут быть самые разные: трудности психологической адаптации в конкретном коллективе, индивидуальные трудности в изучении конкретных предметов, сложный характер, повышенная утомляемость, высокий личный творческий потенциал (который требует особого образа жизни), большие внешкольные нагрузки (спорт, кружки и т.п.), специфика семейной ситуации. Да и просто кому-то удобнее, радостнее жить, обучаясь в семье.

И школьные педагоги, и детские психологи, и преподаватели Педагогического университета — все говорили мне о том, что в учебном процессе очень важно активное участие и школы, и учащихся, и родителей. А родители очень часто думают, что отдал ребенка в школу — и все, «специалисты его там научат». Весь мой опыт убеждает, что такой взгляд в большинстве случаев является ошибочным. А когда родители спохватываются, то обычно уже очень трудно что-то исправить.

Позиция, описанная в данной книге, — это позиция активного родителя, по необходимости постепенно ставшего педагогом широкого профиля. Ну и мой склад характера, конечно, тоже повлиял на наш выбор. Мне очень интересно учиться вместе с детьми. Для меня это ключ к тому, чтобы эффективно учить их.

Я не призываю никого резко бросать школу и браться за семейное обучение. Дело это непростое, ответственное и требующее определенных исходных способностей (хотя наличие педагогического образования не является обязательным). Ну а если уж кто решился, то, как говорится, Бог в помощь. Но вот что главное: практически каждый родитель может овладеть элементами семейного обучения, может стать активным участником образовательного процесса.

По моим оценкам, а также по прогнозам многих аналитиков, семейное обучение в обозримом будущем может стать весьма распространенным — до 10-15% детей будут учиться индивидуально или в небольших семейных группах. Это мировая тенденция образования — в США, в Европе, в других странах семейное обучение развивается весьма интенсивно. Бурное развитие ком-

пьютерных технологий создает дополнительные возможности для такого подхода.

У каждого педагога свои методы. Каждый родитель, берущийся за самостоятельное обучение своих детей, создает свою систему. В моей книге я описываю ту систему, которая сформировалась у меня. Практически все изложение построено по принципу «с одной стороны, с другой стороны». В одних местах я излагаю все четко и логично, а в других — более абстрактно и более эмоционально. Таков уж мой стиль. И, по-моему, он полностью соответствует внутренней и внешней логике семейного обучения. Надеюсь, уважаемые читатели, что каждый из вас почерпнет здесь нечто полезное для себя. Моя ситуация во многом уникальна, но мне кажется, в ней можно увидеть и много общезначимого.

В других своих книгах я описываю другие стороны своего родительско-педагогического опыта: как мы с детьми занимались (и занимаемся) живописью, как создавали книжк-раскраски и развивающие игры, как сочинялись сказки и истории-фэнтези про Древнюю Русь, как мы играли и путешествовали... Данная книга посвящена в основном проблемам школьной учебы. Но, читая ее, наверное, стоит иметь в виду, что в нашем семейном процессе были и другие стороны. Я бы сказал даже так: усвоение школьных дисциплин стояло у нас вовсе не на первом месте (хотя этому и уделялось постоянное должное внимание).

Мне хотелось передать главное — состояние педагогической свободы. Именно на него я опирался и опираюсь, строя учебный процесс для своих детей. Свобода и ответственность — две грани одного и того же. И в школьной педагогике это точно так же, как и во всем другом.

Дабы разговор был более конкретным, изложение построено так, что различные аспекты организации семейного учебного процесса описаны по отдельности. Но, конечно, разделение, предпринятое для удобства изложения, весьма условно. В реальности все это было одним целостным процессом, одним захватывающим приключением.

Стиль книги выбран максимально простой — от жизни, от обычных наших возможностей и проблем, от естественного

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

стремления родителей и педагогов помочь ребятам учиться эффективно и радостно. Я старался писать так, чтобы интересно было читать и специалистам, и неспециалистам.

Итак, в путь — по дороге педагогической свободы.

Автор

Санкт-Петербург, 2009

Часть 1

Зачем учить детей дома?

ПЕРВЫЙ ВОПРОС У ВСЕХ

Когда я рассказываю кому-нибудь, что сам учу своих детей не в школе, а дома, то у 95% слушателей почти сразу возникает вопрос: «А как же дети научатся общаться?!» Иногда спрашивают немного по-другому: «А вы не боитесь, что ваши дети вырастут асоциальными?!» А иногда вообще восклицают: «Ну как же можно изолировать детей от общества?!»

Конечно, растущей личности необходимы разнообразные контакты с людьми: со сверстниками, со взрослыми, с более младшими ребятами... Но кто сказал, что школа — единственное место, где такие контакты могут осуществляться?! У ребенка, подростка существует и масса других возможностей приобрести опыт общения, научиться ладить с людьми и строить с ними отношения.

Посещение детского садика или школы — это еще не залог того, что человек будет уметь общаться. Лично я знаю немало людей, которые ходили и в детский сад, и в школу, но нормально взаимодействовать с людьми так и не выучились. Любой психолог знает: важно не количество общения, а качество формирования психологических механизмов, обеспечивающих коммуникативные навыки. Это весьма тонкий и очень индивидуальный процесс.

Да, коллективное воспитание — мощная вещь. Но всегда ли оно реально осуществляется в школе? От того, что дети находятся рядом, чем-то обмениваются и как-то взаимодействуют, далеко не всегда формируется умение понять другого человека, уме-

ние работать в команде, умение решать спорные вопросы. Всему этому нужно учить, уделять специальное внимание, причем не только в виде словесных объяснений, но и всем ходом разрешения ежедневных ситуаций.

Отвечая на стандартный вопрос о возможной асоциальности детей, которые учатся дома, я всегда говорю, что уделял самое серьезное внимание развитию у своих детей навыков общения. Они посещали кружки и спортивные секции, занимались туризмом, ходили в церковь и в воскресную школу, гуляли с ребятами во дворе, гостили в других семьях, общались с самыми разными людьми. Да к тому же, и дома у нас уже небольшой коллектив.

Я не могу сказать, что у нас эти годы не было проблемы дефицита общения. Временами такая трудность возникала. Да и сейчас, когда Маша учится дома одна, мне частенько приходится ломать голову над тем, как создать ей на данном этапе адекватные возможности для общения со сверстниками. Но это рабочая трудность, а не фатальная неразрешимость ситуации.

Всегда можно что-то изобрести. А иногда и сама жизнь подсказывает. Вот недавно приехали на машине друзья из Подмосковья и предложили взять Машу с собой — погостить у них летом. Она моментально собралась и поехала. А у них там, кроме нее, еще восемь детей отдыхают, большущий дом, три собаки, две кошки... Вот и опыт общения в незнакомом коллективе, в чужой семье, в непривычном укладе жизни. Маше очень понравилось, она сразу же вписалась во все процессы, подружилась с мальчишками и девчонками, даже стала авторитетом для малышей.

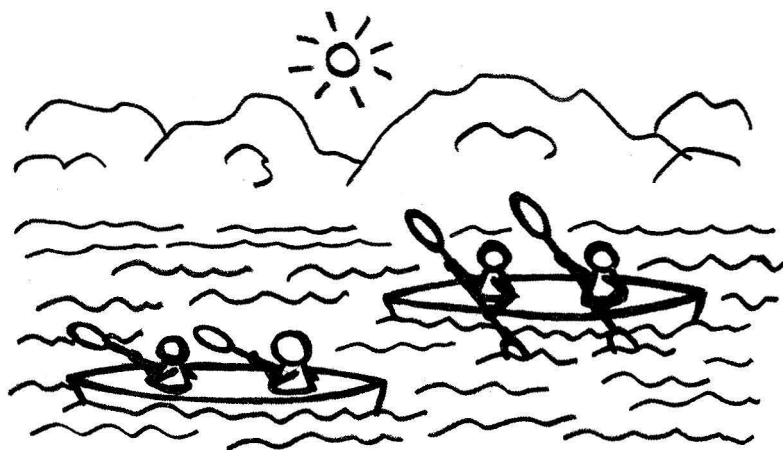
Ну а когда мы занялись туризмом, то вообще опыт получился максимально концентрированный. Меня с ребятами пригласили в подростковый туристический лагерь в Орехово. Жизнь в палатках на большой поляне среди леса. Подростки все делают сами, взрослые только руководят и присматривают. Я там вел художественную студию.

Тимоше тогда было 14 лет, а Коле — 12 лет. И они с первого же дня включились в работы по хозяйству, во все спортивные и культурные мероприятия наравне со старшими ребятами. Ну а Маша (ей тогда было 7 лет) находилась под опекой старших девочек. В конце смены руководительница отряда (очень опытный педагог), когда узнала от меня, что сыновья никогда не хо-

дили в школу, очень удивилась и сказала, что ничего такого не заметила.

В то же лето Тима и Коля ушли с той же командой в тяжелый трехнедельный лодочный поход (уже без нас с Машей). И за эти три недели возмужали и повзрослели так, что я просто поразился.

Вообще оказалось, что туризм — прекрасное средство развития навыков взаимодействия в коллективе, навыков работы в команде. Да еще в тяжелых условиях, временами даже в экстремальных обстоятельствах (например, шторм на Вуоксе). Все это учит так, как обычная школьная тусовка не научит и за годы.

С тех пор Тима и Коля активно занялись туризмом. А Коля даже решил в девятом классе пойти учиться в школу в обычном режиме — в ту самую, на базе которой и ведется круглый год вся эта туристическая работа с подростками. Он быстро подружился с ребятами, хотя первый год ему частенько приходилось кое с кем выяснять отношения с помощью кулаков. Учиться Коля сразу стал на одни «пятерки», отношения с учителями выстроились нормальные. Он сказал буквально следующее: «В школе, конечно, бардак, но веселее, чем дома». По его оценкам, на адаптацию ему понадобилось всего две недели.

Старшая дочка Алена захотела ходить в школу уже в седьмом классе — она была очень общительной с самого раннего возраста. Учиться стала так себе, но ее это не смущало.

Ну а Тима отучился дома всю школу. И когда поступил в университет, так активно включился в ритм студенческой жизни, что дома мы его одно время почти не видели. Потом постепенно привык, вошел в более спокойный режим, но и сейчас активно общается со сверстниками — у него очень много друзей и знакомых.

Словом, за социальную адаптацию своих детей я спокоен. Я бы даже сказал, что они в целом более общительные, чем я, и во многом лучше ориентируются в реалиях современной жизни.

Что я делал для формирования правильных навыков общения у своих детей? Во-первых, конечно, создавал условия для взаимодействия с различными людьми в разных ситуациях. А кроме того, я детально обсуждал и обсуждаю с детьми все их ситуации общения. Не навязчиво, но вдумчиво. Делюсь своим опытом. Объясняю, если необходимо, структуру конкретной ситуации, конфликта, непонимания. Причем часто делаю это одновременно.

О специфике того, как строить подобные разговоры с детьми и подростками, более подробно написано в моей книге «Мудрые зайцы, или Как разговаривать с детьми и сочинять для них сказки». Суть заключается в том, чтобы ребенок, подросток учился понимать психологические законы общения, учился применять их практически.

Вспоминая свое детство, я могу сказать, что изрядное время, проводимое мною в школе, в санаториях, в лагерях, не очень-то учило меня искусству общения. Гораздо лучше я стал понимать людей, когда сознательно занялся работой над собой, когда стал изучать психологию, когда стал делать что-то важное и нужное вместе с другими людьми.

А какие же это законы общения, которым нужно научить детей? Неплохо, чтобы дети с ранних лет понимали хотя бы главное:

- Каждый человек хочет, чтобы его уважали (это минимум), а желательно еще и любили.
- Люди не любят тех, кто «выпендривается», в коллективе их стараются «опустить».

- Надо быть самостоятельным, надо уметь отстаивать свою позицию (при этом уважая и позиции других).
- Все люди разные, поэтому и общаться с каждым нужно по-разному.
- В каждом сложившемся коллективе есть свой уклад, свои лидеры, свой стиль. Поэтому, если ты человек новый, то сначала познакомься со всем этим, не пытайся стать лидером сразу. Возможно, потом это произойдет естественно.
- Умение постоять за себя физически весьма полезно, особенно для мальчишек.
- Во всех ситуациях общения нужно стараться понять другого человека — тогда любое взаимодействие будет идти лучше.
- Разумная пропорция индивидуального и коллективного воспитания — вот что нужно для каждого конкретного ребенка, подростка. А какова должна быть эта пропорция, следует решать, исходя из жизненных возможностей, исходя из соображений целостности всего процесса развития личности.
- Для одних детей необходим постоянный активный ритм общения в школьном коллективе, а для других предпочтительнее более спокойный домашний режим с периодическими «выходами в общество». Кстати, именно второй вариант был очень распространен в России до революции в дворянских семьях да и в других слоях общества (купечество, интеллигенция). И асоциальными такие дети не вырастали.

КАК У НАС ВСЕ НАЧАЛОСЬ?

Второй вопрос, который обычно задают: «С чего вы вдруг решили учить детей дома?!» И я всегда рассказываю одну и ту же историю.

Старшая дочь Алена первый класс отучилась в обычной школе в обычном режиме. И что мы увидели? К концу учебного года она заработала сильное нервное переутомление, а знаний реальных практически не прибавилось. Зато научилась ругаться и хамить. И это при том, что классная руководительница была очень опытным педагогом и хорошим человеком. Да и мы с женой изрядно устали: собирать ребенка в школу, провожать, встречать, ходить на собрания, помогать с кучей непонятных заданий... А школу мы, кстати, выбрали одну из самых престижных в нашей округе.

И мы с женой подумали, что вполне можем сами научить дочку программе начальных классов. Ведь что там по сути? Читать, писать, считать. У меня высшее образование. Жена по профессии — музыкальный педагог. Да еще моя мама подключалась, которая школу когда-то с золотой медалью закончила.

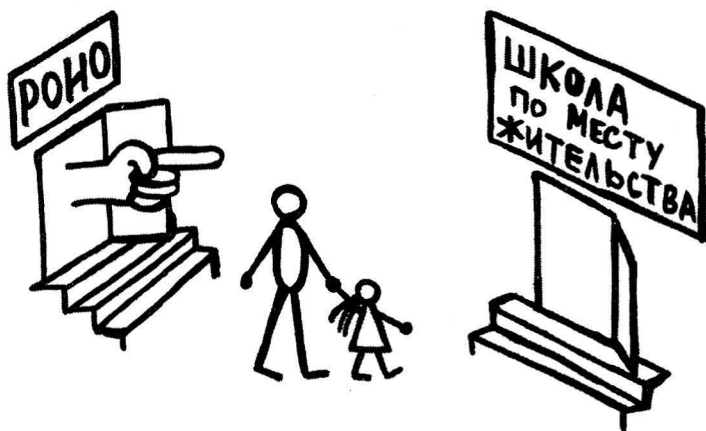
И мы, действительно, справились очень легко. Тем более, что и до школы много занимались с дочкой — интеллектуально она была хорошо подготовлена. Оформив семейное обучение, мы приводили Аленушку на зачеты и контрольные. Оценки она получала нормальные — «четверки» и «пятерки». Единственное, что нас не удовлетворяло — не очень одобряющее отношение администрации школы и учителей. Из-за этого временами возникали небольшие неувязки и трудности с аттестацией по некоторым предметам.

Так мы проучили дочку два года — до конца начальной школы. И увидели, как это удобно! Да-да-да! Первое и главное, что мы оценили в семейном обучении, — удобство! Ребенок мог выспаться. Мы могли не дергаться со школьным режимом, а заниматься в удобное время. У Алены появилось время и силы для посещения хора, художественной студии, воскресной школы в церкви, для хождения в гости, в театр, для прогулок и чтения.

Потом пришло время записывать в первый класс Тимошу. В той школе, где училась Алена, завуч доходчиво намекнула нам, что вся наша возня с семейным обучением им не нужна. Поэтому мы забрали дочкины документы и стали искать другой вариант.

Моя мама сходила проконсультироваться в РОНО, и нас направили в ту школу, к которой мы относимся по месту жительства. Директор восприняла нашу идею настороженно, но в целом до-

брожелательно. А потом, увидев, что мы все сдаем успешно и вовремя, что не создаем школе проблем, стала нам доверять. С тех пор мы так и учимся в этой школе. За 13 лет сменился директор, сменились несколько завучей, мы провзаимодействовали с очень многими учителями — и все время к нам относились очень по-доброму.

Увидев преимущество семейного обучения, мы уже не сомневались относительно того, как учить Тиму и Колю. Да и по поводу Маши потом сомнений тоже не было. И в школе уже не удивлялись, когда я приводил еще одного ребенка и говорил, что мы будем учить его дома сами.

В определенной степени переломным стал 1999 год. Умерла моя мама, которая очень во многом помогала нам. А моя жена и старшая дочка переехали жить в далекий другой город (к матери жены). Я остался один с тремя детьми (Тиме тогда было 10 лет, Коле 8 лет, Маше исполнилось 4 года).

Я решил продолжать учить детей дома. По причине развивавшегося много лет тяжелого заболевания жены я уже вполне освоился с ролью «и папы, и мамы». А обучение сыновей с самого

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

начала лежало полностью на мне, так что перестраиваться особо не пришлось.

Постепенно, кроме потрясающего удобства семейного обучения и радикального облегчения нагрузок по школьной учебе для детей и для всей семьи, я увидел и массу других преимуществ, массу дополнительных возможностей в таком образе жизни. Сыновья окончили начальную школу, пошли другие предметы, стало больше разных учителей, усложнялись задания... Но все это были вполне преодолимые рабочие трудности.

Поначалу я, разумеется, вовсе не задумывался о том, что создаю собственную уникальную систему семейного обучения. Я не думал, что со временем люди станут проявлять такой интерес к моему опыту. Я просто действовал — исходя из жизненной ситуации.

СВОБОДА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Когда я взялся за обучение сыновей, то смог в полной мере оценить преимущества семейного обучения с точки зрения возможности индивидуального подхода. Причем не только в плане непосредственно школьной учебы, но и в плане ее места в жизни ребенка вообще.

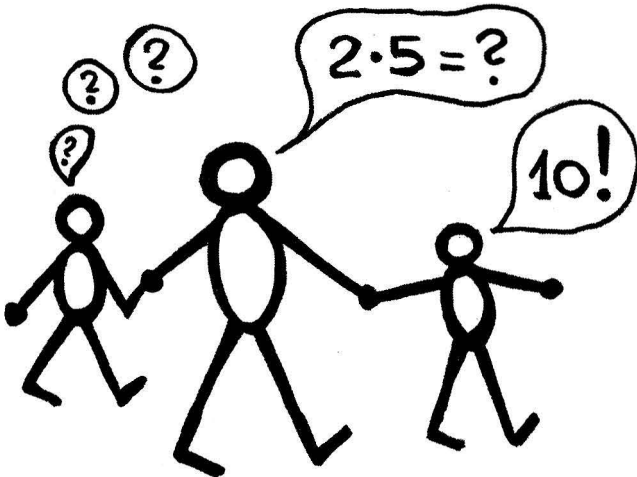
Мой старший сын в детстве был жутко упрямым и учиться не хотел абсолютно. Он устраивал бурные скандалы, рвал тетради и учебники, швырял их на пол и в стенку, в ярости ломал карандаши, ручки и линейки. Или молча и мрачно отсиживался в каком-нибудь углу, игнорируя все мои призывы, увещевания и угрозы.

При этом он рос любознательным, любил читать, любил мастерить. Да и вообще рос добрым и чутким. У него с раннего возраста проявилась особая внутренняя потребность в свободе. Для него все, что было «надо», что несло хоть какой-то отпечаток формального подхода, обязательной дисциплины или надуманных требований — все это действовало как красная тряпка на быка. Протест, негодование, стремление во что бы то ни стало отстоять свое право на свободу индивидуальности...

Важно то, что я с самого начала правильно интуитивно понял своего сына и не пытался его «ломать», не пытался втискивать в жесткие рамки школьного распорядка. Я стал искать индивидуальный путь. И год за годом ухитрялся его находить. Для Тимоши режим семейного обучения был единственной возможностью получить нормальное образование. И этот выбор полностью себя оправдал.

Как я действовал? По сути, основной принцип был прост: приспосабливался к настроению сына. Я в течение всего дня буквально ловил моменты, когда Тимоша был в благодушном настроении, и старался мягко с ним пройти кусочек какого-то материала. Довольно часто это происходило в игре, в свободном разговоре на какие-то другие темы, во время прогулки, в ходе параллельного обучения Коли.

Мне очень запомнилось, как мы освоили с Тимой таблицу умножения (которую он наотрез отказывался изучать). Просто я стал учить ей Колю, который с раннего возраста отличался целеустремленностью, разумностью и склонностью к дисциплине. Мы шли по улице вдвоем и повторяли с Колей таблицу умножения вслух. А Тима вынужден был слушать и волей-неволей все запомнил.

Я рисовал специальные листки с линейками и с картинками в верхнем углу — чтобы Тимоше было веселее заниматься русским языком. Я сочинял сказки-задачи и записывал их крупно и красиво печатными буквами на отдельных листах, сопровождая иллюстрациями. Я рисовал самые разные развивающие задания по чтению и по математике. Для диктантов я использовал тексты любимых сыновьями книг и моих сказок.

Еще я обнаружил такую простую вещь. Оказалось, что если ребенок полноценно реализует свои жизненные интересы (поиграть, погулять, активно подвигаться, почитать, пообщаться, попутешествовать, послушать музыку), то на учебу его организовать гораздо легче. Конечно, если не пускать процесс на самотек. А то ведь чадо с удовольствием и не вспомнит про учебу.

Позже, пытаясь помогать решать проблемы с учебой детям из других семей, я полностью убедился в справедливости данного наблюдения. Родители хотят, чтобы их ребенок хорошо учился, но не волнуются по поводу огромной нереализованности его индивидуальных потребностей развития. А нереализованная энергия начинает сотворять хаос в душе и в жизни ребенка или подростка. Тут ему уже не до учебы.

Воспитывая Тимошу, я делал акцент именно на реализацию его разнообразных интересов. В них как-то естественно происходило общее развитие личности, в том числе и интеллектуальное. И уже не так много оставалось нужным «втиснуть» в наш домашний организованный урок. И энергию сына направить на планомерные занятия по школьной программе было много легче.

Я не воспринимал такую ситуацию как «дурь» со стороны Тимоши. Я видел, чувствовал, что в ней есть своя правда. Растущая индивидуальность требовала своей дороги. Конечно, ребенок не мог этого сформулировать словами, не умел приспосабливаться к реалиям внешнего мира. Пришлось мне посодействовать. И получилось в результате хорошо.

Для Коли и Маши наш режим семейного образования тоже открыл массу возможностей в плане индивидуальной самореализации. Каких? Распределение времени между учебой и другими делами. Индивидуальный стиль преподавания для каждого. Индивидуальные задания. Общая ситуация индивидуального жизненного пути.

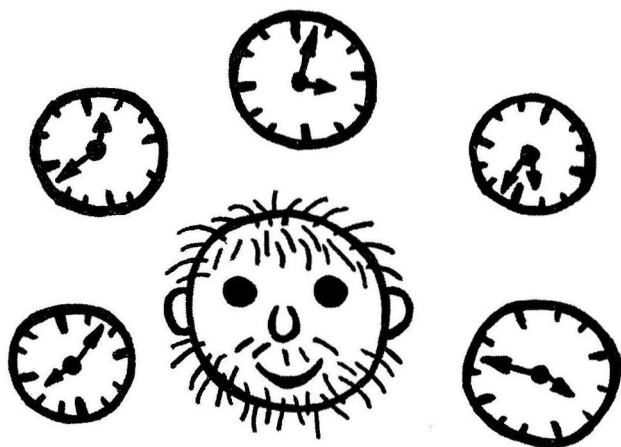
Я не знаю, где точная грань между потаканием разгильдяйству и уважением к внутренней свободе учащегося. Я искал все эти годы данную грань, но до сих пор не уверен, что правильно ее провожу в каждом конкретном случае.

Возможно, не все согласится со мной. Но мне близок именно тот подход, который я описал в данной главе. Свобода индивидуальности в моем понимании — ценность огромной важности.

СВОБОДА РЕЖИМА И РАСПИСАНИЯ

Школа не может работать без четкого режима занятий, без расписания уроков. Иначе будет хаос. Вообще любая структура, где людей много, должна иметь упорядоченный режим функционирования.

А дома все иначе. Режим и расписание как таковые просто не нужны. То есть они в целом совершенно не обязательны.

Конечно, я обычно придерживался какого-то удобного расписания занятий. Обычно мы делали 2-3 урока в первой половине дня. То есть мы высыпались, спокойно завтракали, немного «болтались», чтобы войти в подходящее настроение (я, правда, в это время обычно не болтался, а делал что-то по хозяйству), а потом уже садились учиться.

Иногда мы в перерыве между уроками шли гулять. А иногда отправлялись на прогулку уже после занятий.

Продолжительность одного урока у нас варьировалась от 20-30 минут до часа. Я ориентировался на усвоение материала, на текущее состояние детей, на их усталость, на их настроение. И, конечно, на погоду — погулять ведь тоже очень важно!

Решая, когда окончить урок, я старался, чтобы за одно занятие был пройден какой-то логически завершенный кусок материала, чтобы в занятии была некая внутренняя успешность, законченность, целостность. Я мог для этого затянуть урок или (если видел, что дети устали) сделать коротенький перерыв — минут на пять-десять. За короткий перерыв мы не успевали «выйти из режима» и потом могли продолжить ту же тему, «добить» ее до конца. А уж затем отдыхали как следует.

Может, кто-то удивится, почему мы делали всего 2-3 урока? Дело в том, что при индивидуальных занятиях этого более чем достаточно для полноценного усвоения школьной программы. А в начальных классах достаточно одного-двух уроков в день.

В любой момент мы могли изменить сложившийся обычный распорядок. Отличная погода? Занятия отменяются! Мы едем за город. Там лес, озеро, поезда, неизведанные тропы... Там деревья, птицы, жучки, цветы... Между делом можно и природоведение поизучать — прямо в лесу.

Хмурая погода, и у всех какая-то апатия и вялость, нежелание заниматься? Ну и ладно! Давайте книжки читать или кино смотреть. А может, ребята построят из мебели и всяких палок «корабль» и «поплывут» на нем куда-нибудь? А может, напроситься к кому-нибудь в гости?

Тимоха буянит и ломает весь учебный процесс? Ничего не поделаешь. Потратив некоторое время на эмоциональные разборки, а потом — на то, чтобы успокоиться, я решаю: ну их всех! И «отключаюсь»: берусь за художественное или литератур-

ное творчество (на кухне). Параллельно и еду можно приготовить. А дети занимаются чем-то сами. А то и мне придут помочь порисовать.

Нас позвали в гости или в театр? (Многие годы моя знакомая, которая работает в хорошем детском театре, организует нам бесплатное посещение прекрасных спектаклей.) Все планы перестраиваются! Надо ведь успеть и позаниматься, и доехать вовремя, и не «перегреться» от нагрузок.

А бывает, вдруг «покатило» учиться! Редко, но бывает. Вдохновение какое-то у детей и у меня. И уж тогда мы врубаемся в учебу, как шахтеры в угольный пласт. Часы идут за часами... Такое иногда случается в близком преддверии экзаменов или контрольных в школе. Но и в другой момент я постараюсь не упустить такую ситуацию и использовать ее на все 100%.

Но вот я вдруг заболел и просто не в состоянии думать. Даю детям самостоятельное задание: читать учебник, решать примеры. Чтобы хоть что-то двигалось. А уж потом наверстаем.

Воскресенье не обязательно должно быть выходным днем. С другой стороны, выходные от учебы можно распределять как угодно — исходя из потребностей и логики обучения, исходя из настроения, исходя из различных жизненных обстоятельств.

Как-то так сложилось, что у нас сентябрь — традиционно «малоучебный» месяц. Можно ведь много гулять, ездить за грибами или на дачу. Зато осенних и весенних каникул обычно не делаем. Но уж в новогодние каникулы отдыхаем подольше. А май я каждый год стараюсь от учебы освободить — тоже ведь тепло делается, и гулять хочется. Но получается далеко не всегда. Многое зависит не только от наших семейных настроений и действий, но и от того режима сдачи зачетов, контрольных и экзаменов, которые нам устанавливают школьные учителя. Мы всегда приспосабливаемся к удобному для учителя режиму и соответственно строим и режим наших учебных занятий и других дел.

Но я обязательно учитываю интересы детей и тот ритм, в котором удобно работать мне. И сразу договариваюсь со школьными педагогами, ориентируясь на наши реальные процессы.

Мы изучаем одновременно не все предметы сразу, а по два-три параллельно. Например, математику и биологию. Или русский

язык и географию. Выучили предмет за год или часть годового курса — и сдаем. Потом переходим к следующим предметам. Так удобнее и мне, и детям. Очередность изучения разных предметов мы определяем сами. А уж когда готовы, договариваемся о сдаче с учителями — как удобно им.

С моей точки зрения, возможность существенной гибкости режима и расписания занятий — это огромное преимущество семейного обучения. Преимущество и с учебной точки зрения, и с психологической, и с точки зрения всего уклада жизни семьи. Для меня, как для одинокого многодетного отца, возможность гибко варьировать семейные дела очень здорово облегчала и облегчает ситуацию. У меня есть дополнительные степени свободы — по времени, по распорядку, по нагрузкам. Да и с учетом того, что я занимаюсь литературным и художественным творчеством, тоже удобно. Ведь если нахлынет вдохновение, то тут уже не до преподавания географии или чего-то другого.

Для ребят свобода режима нашей учебы открыла массу возможностей. Вот, например, Коля с девяти лет сам довольно регулярно ходил в церковь на службы (и в выходные, и в будни). И мы могли строить учебу с учетом этого.

А Тима, когда подрос, увлекся игрой на гитаре, сочинением песен. И очень часто я ждал по утрам по 2-3 часа, пока он сочинял новую песню. Ведь, если вдохновение нахлынет... Это я хорошо понимаю по себе.

Для Маши основное благо в гибкости режима наших занятий — возможность поспать подольше. Ведь ложится она поздно, вместе с братьями, а индивидуальная потребность во сне у нее большая. И никаких проблем — пусть ребенок отсыпается хоть до двенадцати часов. Зато потом она учится легко и эффективно.

Хочу обратить внимание, что обычный режим занятий (2-3 урока в первой половине дня) мог радикально меняться и по другим соображениям, исходя из логики учебного процесса. Например, мы занимались литературой. Что это значит? Надо прочитать художественное произведение и по нему написать сочинение. Читать — это не над задачами по математике голову ломать. Читать можно и по вечерам, и на даче, и даже в транс-

порте. А бывает, книга захватывает и в нее человек погружается радикально — с утра до вечера.

Написание сочинения — процесс творческий. Нужно ведь все обдумать, обсудить. Нужно созреть. А потом уже писать. Тут тоже заранее трудно выстраивать какой-то режим или регламент.

И со многими другими предметами похожая ситуация. Например, учебники по природоведению, географии, биологии, истории я просто даю ребятам читать в том режиме, в котором им удобно.

К старшим классам Тима и Коля уже сами определяли режим своих занятий. Интересно, что Тима полюбил заниматься по много часов подряд в неспешном ритме — в полную противоположность тому, как мы с ним занимались в начальной и средней школе. А Коля, пойдя в школу в девятом классе, сказал мне, что ему очень даже нравится ходить на занятия каждый день в одно и то же время. Наша вечная домашняя интуитивно-ситуационная неразбериха в режиме импульсов вдохновения и банальных скандалов ему порядком надоела. Но это он сказал, когда вырос. А маленький-то он отнюдь не всегда рвался к учебе.

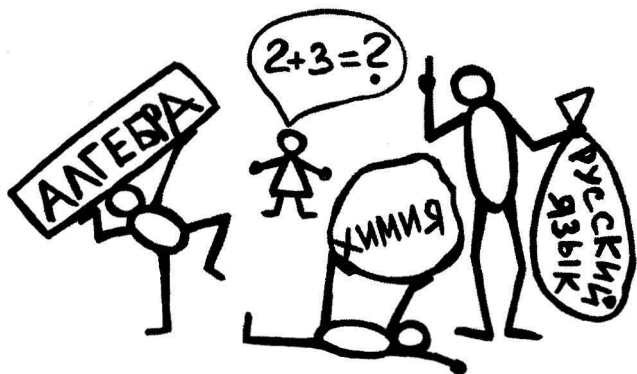
И завершить данную главу мне хочется одной зарисовкой. Помню, мучили мы с Тимошей несколько месяцев математику. Он занимался безалаберно, все время отлынивал. Соответственно, и качество усвоения материала было низким. Но сроки уже поджимали. И я договорился с учителем о сдаче экзамена через две недели. Сообщил Тиме. Бурный протест. Скандал. Крики: «Как ты мог без моего согласия договариваться?!» Я молча ждал. Неделю он пыхтел и совсем не занимался математикой. Еще дня три-четыре я мягко и ненавязчиво его уговаривал. За три дня до экзамена Тимоша вдруг собрался учиться. И попер, как трактор! Он за три дня доучил все недоученное за несколько месяцев (конечно, при моей активной помощи), причем разобрался в материале очень хорошо.

Результат? Он блестяще написал объемную отчетную контрольную работу. А я сидел на задней парте и тихо переживал. Учительница поставила Тимоше «пятерку» и очень хвалила. И меня тоже. Домой мы оба шли гордые и довольные. Разумеется, у меня было чувство, что я тоже сдал экзамен.

СВОБОДА ПРОГРАММЫ

Мы все эти годы ориентируемся на самую обычную базовую государственную программу. Учебники берем в школе.

В то же время я весьма свободно меняю нагрузки по разным предметам и степень глубины изучения материала. Какие тут ориентиры?

Во-первых, дети не ко всему, мягко говоря, склонны. Например, ни Тима, ни Коля не любили изучать русский язык. У Тимы было просто отвращение ко всей системе правил. Он писал весьма безграмотно. И я не особо напрягал его. Старался, чтобы он хотя бы несколько элементарных правил усвоил четко (типа «ЖИ-ШИ пиши через И», «НЕ с глаголами пишется отдельно» и т.п.). То есть я осознанно сильно сократил программу — исходя из реальных учебных возможностей сына.

Самое интересное, что обычно Тима ухитрялся неплохо сдавать отчетные диктанты и всякие прилагающиеся к ним грамматические задания — во многом за счет интуиции. А еще я его «натаскивал» перед экзаменом. Один раз он все же написал годовой диктант на «двойку» — пришлось переписывать. В один-

надцатом классе Тима, готовясь к ЕГЭ, быстро изучил все основные правила русского языка по учебнику и уверенно сдал ЕГЭ на твердую «четверку».

Вторая причина вариаций программы — мои профессиональные знания и мои педагогические возможности в той или иной области. Физику и математику я знаю хорошо. Их я могу преподавать более развернуто. Химию и географию — похуже. Английский — средне, тут справиться бы с базовым минимумом требований. А тот же русский язык я (хотя и пишу грамотно) преподавать умею плохо — соответственно и занимаемся мы им меньше.

Третий ориентир — интерес детей, их индивидуальные склонности. Так удачно получилось, что Тиме нравились физика и математика — и я делал на них акцент. Коля ко всем предметам относился ровно. Маша явно тяготеет к гуманитарной сфере — и мы с ней делаем акцент на английском языке.

То есть я могу свободно увеличивать или уменьшать глубину и интенсивность изучения материала, в целом ориентируясь на государственную программу. Я сам решаю, что и в каком объеме целесообразно изучать моему ребенку в данный конкретный период его роста и развития. Я, конечно, учитываю, что решили по данному поводу в Министерстве образования. Но они-то — там, далеко где-то. А я — тут, рядом. Поэтому, полагаю, мне виднее, как действовать.

В целом я с уважением отношусь к государственным программам. Они, безусловно, нужны — в качестве нормы и общего для всех ориентира. Я не хотел бы ломать голову и придумывать свои программы. Мне проще подстроиться под ту систему требований, которая на данный момент принята в массовом образовании.

С другой стороны, школьные программы очень перегружены, эклектичны. И учителя, и ученики, и родители — все понимают, что выучить все, что туда «запихано», нереально. Даже для самых старательных «ботаников» с огромными умственными способностями и отсутствием других интересов, кроме учебных.

Поэтому я ощущаю полное свое право в ряде случаев избыточно перегруженные программы сокращать. Максимум неприятностей, который нам грозит — это «тройка» за год (ведь уж какой-то минимум мы усвоим железно). Ну, и бог с ним. Но реально такое случилось лишь один раз (у Тимы по русскому

языку). Все-таки режим семейного обучения позволяет изучать материал глубоко и в большом объеме.

Иногда существует и возможность некоторого выбора программы. Например, разрешается сдавать предмет по тому или по другому учебнику. Или предлагается написать сочинение по любой прочитанной книге. В таких ситуациях я, конечно, подхожу максимально вдумчиво к выбору варианта действий, стараюсь реализовать открывающиеся благоприятные возможности.

Программы разных курсов можно не только углублять или сокращать, но и «переставлять». То есть что-то можно начать изучать гораздо раньше, чем положено по программе, а что-то — существенно позже. В ряде случаев это целесообразно.

Например, мы с сыновьями уже давно рассказали Маше про устройство атомов и молекул и про механизмы химических связей и химических реакций. Просто как-то ей стало интересно. Ну, мы и не упустили момент. А в школе к изучению химии она еще не приступала.

Другая ситуация. Так получилось, что в классе, к которому приписана Маша, английский язык начали изучать со второго класса. Но в тот период я был очень загружен заботами с учебой сыновей. У меня не было времени и сил на то, чтобы серьезно и планомерно заниматься с Машей английским. И я договорился в школе с завучем, что мы английский не сдаем в начальной школе (ведь по закону мы имеем право учиться по базовой программе — когда иностранный язык изучается с пятого класса). И мы им почти не занимались. Но в пятом классе мы налегли на это дело и за один год одолели программы второго, третьего, четвертого и пятого классов. К этому времени Тима уже учился в университете, а Коля — в выпускном классе школы, проблем с учебой у них не было, я был гораздо более свободен. Заодно и сам английский вспомнил.

Ну а уж переставить местами последовательность преподавания разделов курса за один класс совсем просто. Так я традиционно делаю с химией. Почему-то в учебниках обычно изложено все непоследовательно. Я начинаю с устройства атомов и с Периодической системы Д.И. Менделеева, а уж на основе понимания этих вещей объясняю принципы объединения атомов в молеку-

лы и механизмы химических реакций. Так детям сразу все делается ясно.

Во многих случаях я полностью придерживаюсь программы — во всем до мелочей. Так обстоит дело у нас с изучением математики. Ведь там все очень взаимосвязано. Если упустить что-то, то потом возникнут трудности.

Словом, для меня школьная программа — это не догма, а некий общий ориентир и некий принятый на данный момент государственный стандарт. И я стараюсь качественно преподавать своим детям принятую программу в разумно полном объеме.

Я строю все обучение так, чтобы любой из моих детей мог пойти в школу в соответствующий класс — если по жизни возникнет вдруг такая необходимость. Или если ребенок сам захочет учиться в обычном школьном режиме. Собственно, с Аленой и с Колей так и получилось. Поскольку я учил их по стандартной государственной программе, у них не возникало учебных трудностей, когда они стали ходить в школу.

Но если честно, то мне иногда хочется поменять все школьные программы весьма радикально. Ну, прямо очень хочется! Уж я бы... Но меня, конечно, вряд ли когда-нибудь об этом спросят.

СВОБОДА МЕТОДОВ

Когда я тринадцать лет назад устраивал Алену и Тиму в нашу школу, тогда директор довольно долго беседовала со мной и отговаривала. Присутствовала и завуч младших классов. Мне говорили и то, и другое, и третье... И в частности: «Как же вы будете учить детей, не зная никаких методик?! У нас ведь педагоги получили специальное образование!»

Я помню, тогда ответил, что думал: «Ну что вы так переживаете?! Ведь если у нас не абсолютно все будут «пятерки», то ведь тоже ничего страшного!» На меня посмотрели с некоторым недоумением. Наверное, подумали, что я странный мужик.

Почему-то среди «непосвященных» родителей очень часто существует некое благоговение перед «педагогами-специалистами,

владеющими методиками преподавания». И даже не перед педагогами, а перед самими методиками. А методика ведь — штука абсолютно служебная, весьма условная и всегда временная. Изменилось время — меняются методики. А дети и пятьдесят лет назад учились, и сейчас учатся... А через пятьдесят лет все методики изменятся...

Мое глубокое убеждение заключается в том, что мы должны свободно выбирать или отбрасывать, изобретать или копировать, вспоминать или модернизировать всякие разные методики — исходя из конкретной учебно-психологической ситуации. Собственно, все хорошие школьные педагоги так и делают — в рамках, допущенных инструкциями и начальством. А меня никто не инструктирует, и нет надо мной ни завуча, ни директора, ни РОНО... Я сам и решаю, какие методы обучения использовать. Я сам себе начальник.

С другой стороны, мы занимаемся по обычным школьным учебникам. А ведь в основе построения каждого из них лежат серьезные методические разработки. Учебники бывают более удачные и менее удачные. Встречаются учебники просто ужасные. Но в основном — вполне сносные. То есть так или иначе мы используем заданную методическую основу курса.

Но кроме учебников преподаватель использует массу разнообразных методических приемов. И тут я, честно говоря, совсем почти не ориентировался на какие-то разработки других людей. Мне они почти не нужны. Я педагог интуитивного типа. Для меня все идет от текущей ситуации. Диапазон моих методов максимально широк. Я даже урок никогда не готовлю, не продумываю — это всегда импровизация.

Сие вовсе не означает, что мое преподавание всегда максимально эффективное. Далеко не всегда. Тем более что опыт-то я приобретал «на ходу». Но это всегда именно мое преподавание — я чувствую себя в этом процессе самим собой, я свободен. И абсолютно точно, что лично я не мог бы преподавать лучше, если бы стал пользоваться какими-то методическими стандартами. Мне было бы тошно и скучно. Такова уж специфика моей личности.

Но временами, конечно, я расспрашиваю школьных учителей — и они советуют что-то. Я не то чтобы слепо следуя их

советам, но как-то осмысляю их рекомендации и во многом использую, особенно если что-то получается «в тему».

Более подробно о методах преподавания, которые я использовал в практике нашего семейного обучения, написано в соответствующем разделе книги. А здесь я приведу лишь несколько ярких иллюстраций.

Вот, например, в начальных классах преподавание математики включает в себя массу усилий по «правильному» оформлению задач — «как положено», «в соответствии с требованиями». Я полностью отложил аспект оформления как абсолютно несущественный. Просто не тратил на это время. Мы почти все решали «начерно» — для быстроты и интереса. За полчаса при «аккуратном» оформлении можно решить одну-две задачи, а при работе на черновике мы успевали за то же время разобрать 10-12 задач. Есть разница? Да еще не надо преодолевать сопротивление упрямой мужской психологии сыновей. То есть тоже получается экономия сил, времени и настроения.

Другой пример: возможность заниматься не за партой, не за письменным столом, а прямо в уютной постели, или лежа на диване, или лазая по спорткомплексу, или шагая по парку... Детям веселее, настроение лучше, учеба идет эффективнее и быстрее.

А вот как Машу научили счету в пределах тысячи (включая сложение и вычитание). Братя просто играли с ней в какую-то настольную игру, где нужно было считать очки. И Машу взяли играть. Она и научилась по ходу дела. Я к этому даже не притрагивался. И обнаружил сие чудо только очень нескоро — когда наконец собрался позаниматься с доченькой счетом в пределах двадцати.

Дело в том, что, когда Маша училась в начальных классах, я весьма мало времени уделял ее учебе, так как в основном занимался с Тимой и Колей. И вот, помню, взял я дочку на руки и стал задавать ей примеры типа $7 + 5$. Считает легко. Начал посложнее: типа $18 - 9$. Тоже без проблем. Поехали считать в пределах сотни: $25 + 16$, $37 - 24$ и т.д. Все считает без ошибок. Потом и до примеров типа $360 + 170$ добрались. И тоже все нормально. Я даже не помню, какой это был класс.

Ну и напоследок такой пример свободного изобретения методик «на ходу». Как я уже писал, Тима и Коля очень не любили заниматься русским языком. Задания из учебника были для

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

мальчишек очень скучны. Я посоветовался со школьной учительницей, которая вела у них русский. Опытная и творчески ориентированная женщина порекомендовала мне давать сыновьям набор слов и словосочетаний и предлагать составлять на их основе интересный рассказик.

Идея мне понравилась. Но я решил ее радикально творчески развить — для пущей активизации интереса Тимы и Коли. Набор слов я им предлагал «на грани приличного» — без мата, но в основном из сленга и всяких достаточно безобидных ругательств. Ну, конечно, и другие обороты изобретал — повеселее. Типа: «огромный негр в белых трусах», «мрачный общественный туалет», «злой-презлой негодяй» и т.п. (разумеется, сейчас я не помню тех конкретных выражений).

Результат? Море энтузиазма и хохота. Сочиняли, писали, читали вслух, исправляли ошибки... Занятия двинулись весьма интенсивно. Кто-то, может, меня осудит. Но тогда мы таким образом нашли выход из очередного тупика. Да и веселее стало.

Еще раз хочу подчеркнуть, что далеко не всегда мое «незнание методик» работало положительно. Скажем, и у Тимы, и у Коли, и у Маши я не сумел выработать в начальной школе хороший

почерк. Собственно я не очень к этому и стремился. Считал, что лишь бы в общем научились писать. Сейчас думаю, что был не совсем прав тогда.

Но все же в целом свобода выбора методов обучения — это огромный-преогромный плюс, это окрыляющий простор возможностей, это просто чудесно! Выбрать тот метод обучения, который максимально подходит для данного конкретного ученика — что может быть более воодушевляющим в педагогике?!

Другое дело, что любой свободой нужно уметь пользоваться. Возможно, для кого-то гораздо практичнее оказывается пользоваться разработанными стандартными приемами. Да и я сам именно так довольно часто и поступаю. Например, английский язык мы всегда учим исключительно по учебникам — сам я тут ничего изобретать не умею.

Я очень уважаю людей, разрабатывающих педагогические методики. Особенно меня впечатляют глобальные разработки (типа курса на несколько лет обучения). Я пока таких штук делать не научился. Хотя тоже уже разработал всяких методических средств немало. И я в любой момент готов отбросить все, что разрабатывал много лет в практике решения учебных задач, — ведь жизнь все время ставит новые задачи. Машу вот я учу совсем по-другому, нежели сыновей.

Мне кажется, что само ощущение, что ты свободен в выборе методов преподавания, дает очень много. Это уже некий уровень ответственности, это некий вызов, который ты принимаешь. И волей-неволей приходится собираться и искать разумный путь действий.

Такая вот благодать!

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И УМЕНИЕ УЧИТЬСЯ

Несмотря на все мои разглагольствования и восторги по поводу индивидуального подхода, свободного режима и творческого

подбора методик, здравомыслящие люди задают очень резонный вопрос: «А как же вы один ухитряетесь преподавать столько разных предметов да еще и в разных классах одновременно?!»

Ответ очень простой. Я вовсе и не пытаюсь преподавать своим детям все предметы. Я учу их работать самостоятельно — по учебникам. А преподаю только то, что дети не могут освоить сами. И только до тех пор, пока они в данном предмете не перейдут в режим самостоятельной учебы.

В детстве я много болел и поэтому, бывало, месяцами не ходил в школу. Но я был очень организованным ребенком. Да и мама моя помогала. С первого класса я привык к режиму самостоятельной работы. Для меня это было совершенно естественно. Потом, в старших классах, я пропускал по болезни меньше, но умение учиться самому сослужило мне и тогда отличную службу. Я не просто окончил школу на все «пятерки» (золотую медаль, правда, не получил из-за случайной и досадной ошибки), но и, по отзывам многих учителей, был лучшим учеником в школе за много лет. И в основе моих успехов лежало именно умение заниматься самостоятельно и желание учиться.

Разумеется, я с первых же классов стал внедрять такой эффективный и разумный подход в нашей семейной школьной учебе. Обычная схема проста. Условно можно выделить пять этапов:

За год-два-три, а то и больше до того, как данный материал будет изучаться по программе, я понемногу готовлю ребенка к нему — чтобы он привыкал заранее, чтобы хоть немного отложилось в памяти, чтобы пробудить интерес, не обусловленный дисциплинарной необходимостью планомерных занятий. Например, задолго до изучения таблицы умножения можно на простеньких примерах (2×3 или 3×3) показать ребенку, что это за действие такое — умножение.

Но вот пришло время, когда по школьной программе нам нужно изучать материал. Я обычно начинаю с того, что развернуто и подробно все объясняю, даю задания, которые тут же проверяю. Это может быть довольно долгий этап (годы) или относительно короткий (месяцы, недели).

Постепенно я начинаю все больше устраняться от активной роли преподавателя и все больше работы перекладываю на ребенка. Сначала можно предложить прочитать параграф из учеб-

ника и попробовать все понять самому. Если не получится, то я объясню (причем объясню не все, а именно те моменты, которые ребенку не понятны). Затем я могу предложить самостоятельно прочитать целый раздел учебника, а потом проверю понимание и усвоение. Если надо, то что-то дообъясню.

В конце концов я практически полностью уstraняюсь из учебного процесса и свое участие ограничиваю лишь напоминаниями, проверкой перед экзаменами, ответами на возникающие в ходе самостоятельной работы вопросы.

В старших классах Тима и Коля уже занимались полностью самостоятельно. Я лишь отвечал изредка на какие-то вопросы, помогал разобраться с какой-нибудь очень сложной задачей.

Естественно, с разными детьми по разным предметам сей процесс получается по-разному. Скажем, с сыновьями я гораздо больше возился, чем с Машей. А ей уже и в первом классе мог сказать: «Вот, солнышко, учебник по природоведению — ты почитай сама, а если что непонятно — спрашивай». Конечно, при случае я или мальчишки с готовностью что-то рассказывали Маше из сферы природоведения. Но планомерное изучение курса она осуществляла сама.

А вот с математикой у нас с дочкой до сих пор не получается перейти в режим самостоятельной учебы. Приходится мне заниматься с ней плотно. Маша более склонна к гуманитарным дисциплинам, и восприятие математики для нее является сложным. Она блестяще выполняет все годовые и тестовые работы по математике, но самой ей высокого качества знаний пока не добиться. Зато историю, биологию, литературу и географию Маша без проблем изучает сама. Я только перед экзаменом помогаю ей повторить — смотрю в учебник и проверяю ее по вопросам, которые расположены в конце параграфов.

Помню, когда Коля учился в третьем классе, у нас была дома очень сложная ситуация (тогда мы жили еще вшестером). У меня просто физически не было возможности учить его русскому языку. И я сказал Коле: «Сосчитай в учебнике количество упражнений, раздели их на число дней до конца учебного года (оставалось около трех месяцев), учти выходные дни. И определи, сколько примерно упражнений в день тебе надо выполнять. Причем делай так: одно выполняешь, а другое пропуска-

ешь. А я или мама будем проверять твою тетрадь и исправлять ошибки».

Коля спокойно занимался сам и сдал в тот год русский язык на твердую «четверку» — вполне хороший результат. Конечно, такое оказалось возможным лишь потому, что он по характеру очень организованный и самостоятельный. Правда, став постарше, Коля уже учился с существенно меньшим старанием. И только в последних четырех классах его отношение к учебе снова стало в полной мере серьезным.

Но и для такого буйного темперамента и несговорчивого характера, как у Тимы, принцип самостоятельности в занятиях работал прекрасно. В восьмом классе он уже просто читал учебник физики и решал все задачи в конце параграфов, а я только проверял решение (обычно он все делал без ошибок).

Мое глубокое убеждение заключается в том, что умение учиться самостоятельно является очень важным — человек в любом возрасте может осваивать любые новые знания. Именно так у нас и получилось, когда сыновья собрались поступать в вузы. За несколько месяцев целеустремленной самостоятельной работы (соединенной с учебой на подготовительных курсах) оба они смогли подготовиться к весьма трудным вступительным экзаменам (а Коля даже поступил досрочно — по результатам олимпиад).

Помимо привычки заниматься самостоятельно, я вообще старался сформировать у своих детей умение учиться эффективно. Для меня данная тема — одна из ключевых. Еще со школы я стал задумываться о том, почему одни стараются и учатся успешно, а другие тоже стараются, а учатся все равно плохо.

В книге «Ты умеешь хорошо учиться?!» я обобщил свой тридцатилетний опыт использования и разработки методов эффективной учебы (как со стороны учащегося, так и со стороны учителя). Здесь же я лишь кратко перечислю некоторые аспекты.

Концентрация во время учебы. Это один из ключевых моментов. Мы дома если уж учимся, то уж учимся! Полная и мощная концентрация! А потом — отдых, переключение на другие виды деятельности. Дети с первых классов привыкают, что урок происходит в состоянии высокой сосредоточенности и четкости. Разумеется, тут важны дозировки — чтобы ребята не переутом-

лялись. Я внимательно слежу за их усталостью и при необходимости делаю перерыв или закругляю занятие.

Активное подключение образного мышления. Я приучаю детей представлять в образах даже чисто логическую информацию. Когда человек это умеет, интеллект делается более живым — так как оперирует уже не с какими-то непонятными абстракциями, а с конкретными объектами (пусть и воображаемыми). Я много рисую в ходе объяснений, использую художественные возможности даже в элементарных ситуациях (примеры по арифметике — и те изображаю крупно, красиво, цветными карандашами или фломастерами). При решении любой математической, физической, химической задачи учу в первую очередь представлять описываемую ситуацию, а уже потом думать, как решать.

Умение выделить суть, главное. В море учебной информации легко «утонуть». Все запомнить невозможно. Чрезвычайно важно выделять суть дела. Данный навык я вырабатываю у своих детей с первых классов школы. Объясняю материал, начиная с главного. Завершаю изучение темы, возвращаясь к сути вопроса. И в учебниках учу находить самое важное в тексте. И когда спрашиваю, акцентирую внимание на сути пройденного. И перед экзаменом настраиваю детей: в первую очередь излагать самое главное, а уж потом дополнять ответ деталями.

Постепенно это становится естественным навыком мышления. Если человек понял и запомнил суть изучаемого вопроса, то и все остальное ему легче понять и выучить. А если и забудет что-то второстепенное, то и бог с ним.

Системность, целостность. Я не только курс одного предмета, но и всю совокупность школьных предметов стараюсь преподавать так, чтобы дети видели связи между разделами, между науками, между учебными дисциплинами. Разумеется, получается то лучше, то хуже. Но все же понемногу удается учить детей видеть весь объем материала целостно, как единую систему.

Что это дает? Уверенную ориентацию в изученном. Четкость мышления. Быстроту оперирования информацией. Легкость усвоения.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Я люблю приводить такой пример. Представим, что мы находимся в лесу и участвуем в туристических соревнованиях. Наша задача — найти спрятанный торт. Сравним два варианта:

- 1) нам подробно и нудно описывают, сколько шагов и куда нужно пройти, куда повернуть, сколько потом пройти метров;
- 2) нам показывают карту и то место, где спрятан торт.

Есть разница? В каком случае мы быстрее выполним задание? Какой способ легче для запоминания?

Самоконтроль. Обычно ребенок в школе привыкает, что он только учит что-то, а оценивают его знания другие. Но ведь очень важно, чтобы человек не только прослушал, прочитал или зазубрил материал, но и смог бы сам оценить уровень своего понимания. И не только в масштабе целого параграфа или темы, но и в масштабе одного прочитанного абзаца или даже одного прочитанного в учебнике предложения.

Для данной цели в учебниках придуманы вопросы в конце каждого параграфа. Но и просто так дети должны уметь отследить уровень своего понимания. Не «да, я вроде бы понял», а «так понял, что кому угодно смогу объяснить — даже если меня специально будут сбивать с толку или путать». Это так же однозначно, как забить гвоздь: вот я вижу, что я гвоздь забил, я уверен в этом на 100%.

Фактически, весь мой подход к обучению сводится к двум пунктам:

- 1) дать устойчивые базовые знания и навыки;
- 2) научить учиться самостоятельно и эффективно.

Я вовсе не пытаюсь «объять необъятное» и заменить собой десяток-другой специалистов в различных школьных дисциплинах. Я сосредотачиваю свои усилия на решении ограниченных и реально выполнимых задач (вот эти самые два пункта).

Может быть, описанное в данной главе кажется трудным. Но на самом деле дает огромное облегчение всех учебных процессов и экономит время и силы во много раз (а то и в десятки раз).

Фантастика? Попробуйте — и вы увидите, как же на самом деле все просто. До смешного.

ДИСЦИПЛИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Мне часто приходится слышать: «А как же ребенок приучится к дисциплине, если он не будет ходить в школу?!»

Понятное дело, что в школе детей к дисциплине приучают. Многие приучаются, а многие не приучаются. Кто-то постоянно бунтует против дисциплины, а для кого-то она — как бальзам на душу. Анализируя свой многообразный опыт общения с самыми различными детьми и подростками, я не могу сказать, что тот способ приучения детей к дисциплине, который используется в массовой школе, является идеальным. А иногда он только вредит. Многие дети становятся недисциплинированными из-за того, что школьные методы выработки данного навыка им не подходят.

Как я приучал своих детей к дисциплине и ответственности? В процессе всей жизни в семье: общения, учебы, прогулок, домашних дел, помощи друг другу, посещения театра... Но не за счет какого-либо жесткого распорядка, который предлагается ребенку как бы «снаружи», а за счет выработки понимания необходимости дисциплины, то есть как бы «изнутри».

Во множестве конкретных ситуаций я учил своих детей видеть, понимать, что отсутствие дисциплины ломает любой процесс, делает взаимодействие людей хаотичным, а развитие ситуации — непредсказуемым. Я объяснял, почему на дальней прогулке я требую дисциплины. Или в учебе. Или в транспорте... И у них чувство дисциплины (как осознанной ответственности за свое поведение) сформировалось весьма хорошо. Даже у Тимы, который исходно к дисциплине был не то что не склонен, а испытывал к ней отвращение.

Сам я, несмотря на то, что очень ценю внутреннюю и внешнюю свободу, являюсь человеком дисциплинированным. Мне всегда было очень легко (безо всякого внутреннего протеста) вписываться в любые нормальные внешние дисциплинарные рамки: в школе, в институте, на сборах в армии, при взаимодействии с разнообразными госучреждениями... Но при этом пред-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

почитаю образ жизни, при котором я максимально свободен. По складу личности я — кабинетный исследователь и творческий работник. А данные виды деятельности тяготеют к тому, чтобы не было никакого внешнего давления.

Посему мне легко передавать дисциплинированность своим детям — это качество реализовано во мне. Хотя я и склонен искать новые пути в педагогике, в литературном и художественном творчестве, но я не бунтарь. Я уважаю тех, кто ходит проторенными дорогами. Я понимаю, что сие создает порядок — может не идеальный, но хоть какой-то. В обществе упорядоченные структуры играют огромную роль. Поэтому обучение своих детей дисциплине я рассматривал как одну из важнейших задач.

Мой метод опирается на исходное уважение к внутренней свободе каждого человека. Если ребенок, подросток видит, что я уважаю его личность, его право быть самим собой, его самобытность, то тогда он уже будет гораздо внимательнее относиться к моим объяснениям о необходимости дисциплины. У него не будет внутреннего протеста. Или протеста будет существенно меньше.

В целом я «мягкий» папа. Но в те моменты, когда считаю нужным, могу быть очень жестким. Просто стараюсь отличать, когда что необходимо.

Когда мы с моими детьми занялись туризмом, Тима и Коля без проблем вписались во все дисциплинарные требования: заготовка дров, работы по хозяйству, работа в лесничестве, общий режим... И в школе в девятом классе Коле было адаптироваться очень легко. И Тиме в университете тоже.

Я не пытался жестко контролировать своих детей. Я всегда предоставлял им весьма большие степени свободы. Лишь четко следил, чтобы они не выходили за те рамки, без которых начинается хаос. И не ленился повторять: «Ты должен отвечать за свои действия, за свои решения, за свой выбор, за договоренность с кем-то...»

Вопрос о том, учиться ли дома или же ходить в школу, всегда решался нами совместно. Я предоставлял детям в данном вопросе свободу.

И решив учиться дома, они уже понимали, что отвечают вместе со мной за весь наш учебный процесс. Конечно, приходилось напоминать в течение учебного года. И не раз. Но все же получалось совершенно другая ситуация по сравнению с тем, когда ребенка просто отсылают в школу без вопросов.

Многие педагоги «держат» класс как бы волевым контролем. Они командиры и вожаки. Их дети легко слушаются, и учеба идет нормально.

Есть педагоги-артисты. Детишки заворожено смотрят на них, открыв рот от удивления, от неожиданных поворотов в сценарии урока, похода, обычного разговора на перемене... Класс периодически содрогается от дружного хохота во время удачных шуток учителя. Всем весело и интересно. Учеба идет успешно.

Есть педагоги, которые очень много знают, которые влюблены в свой предмет. Они увлекают учеников порывом интеллекта, красотой логики, блестящим подбором информации. И учеба движется прекрасно.

А бывают педагоги, которые просто чутко следуют за учениками, поддерживают их самостоятельную активность, немного направляя при необходимости. Я как раз такой. Тут нужна мягкость, терпение, интуиция, вдохновение... И учеба может идти хорошо.

Все эти годы я старался пробудить в своих детях понимание того, что «учиться надо регулярно и в достаточном количестве».

Я то много дней позволял им лениться, то начинал «закручивать гайки». Я в данном вопросе не являюсь последовательным.

Например, если дети хотят сделать выходной от учебы, а у меня к тому же нет вдохновения на преподавание, то я говорю: «Не хотите — ну и ладно. Играйте. А я буду рисовать»

А если у меня вдохновение на преподавание сильнее и все дела так складываются, что удобно заняться учебой, то скажу иначе: «Вы что — обалдели?! Совсем распустились! Разгильдяи! Когда вы собираетесь учиться?! Я не смогу в конце учебного года заниматься с вами целыми днями, чтобы успеть все сдать! Без разговоров — садитесь за столы! И будем учиться!» Да еще с нажимом так скажу.

А бывает, что вижу: плохое сегодня у детишек настроение. Ну и как же их не развлечь?! И начинаем смотреть кино. Или едем в зоопарк. Или просто сидим и о чем-то разговариваем. Или книжку вслух им читаю...

То есть у меня нет никакого четкого алгоритма выработки дисциплины. Я действую на основании глубинного понимания каждой конкретной ситуации. А также чисто по своему настроению, по интуиции. И результаты у меня в данном плане хорошие.

В условиях семейного обучения существуют прекрасные возможности для развития в детях дисциплины и ответственности. Все зависит от позиции родителя-педагога. И от разумных, грамотных действий.

Хотя я и уважаю дисциплину внешнюю, но все же дисциплина внутренняя нравится мне гораздо больше. Поэтому я делаю акцент именно на ней. Возможно, еще и потому такую линию веду, что мне очень не нравится людей «держатъ». Я предпочитаю, чтобы люди сами действовали верно, чтобы ситуация развивалась гармонично.

Когда ученик сам отвечает (хоть в какой-то мере) за свои учебные действия, то существенно уменьшаются затраты времени и сил на поддержание дисциплины, на ориентацию процесса учебы. Да и взросление происходит быстрее.

Своим детям я запросто мог сказать, если они слишком уж отлынивали от работы во время урока или скандалили: «Я в таком бардаке заниматься с вами не собираюсь! На сегодня учеба окон-

чена. Думайте сами. А завтра посмотрю на ваше поведение». И после этого уходил из комнаты и переключался на другие дела. Да еще и «обижался» — чтобы, значит, осознали получше свои грехи.

Мог бы я так поступить, работая учителем в школе? Не мог бы. Там ведь учитель обязан вести урок. А дома я и в данном плане свободен. «Не хочу и не буду — раз вы так себя ведете», — делая строгое лицо и стараясь не улыбаться, говорю детям. В целом такой метод работает.

А чего стоят сотни раз повторенные угрозы отправить всех в школу — прямо среди учебного года! Принципиальная договоренность о такой возможности с администрацией существует.

Помните, как у Макаренко было? Колония для малолетних преступников. Но никто их не сторожил. Или живи по законам коллектива, или уходи. Уходили? Единицы. Зато все остальные за считанные дни начинали себя нормально вести. А за несколько лет обычно полностью исправлялись.

Такой же подход я наблюдал в подростковом туризме. Радикальные нарушения дисциплины? Звонок родителям. Чад отправляется домой — к маме и папе. И весь разговор. И в поход его больше не возьмут. Работает? Еще как! Дисциплина — почти идеальная. А в отряде человек 50-60 подростков, изрядная доля из которых — «трудные».

Семья — это, конечно, не колония и не туристический поход. Но свобода родителя в своей позиции играет весомую роль. И в учебе в частности.

Своим детям я с первых классов говорил: «Читать, писать и считать я вас научиться заставлю. Так как в обществе без этих навыков не проживешь. А все остальное — на ваше усмотрение. Можете после начальной школы вообще не учиться. Я все равно буду вас любить и буду кормить до шестнадцати лет». Но одновременно я объяснял, какие преимущества в жизни дает образование: в выборе работы, в общении, в крутосоре, в понимании ситуаций...

Я предоставлял им свободу выбора и ждал, что они выберут — учиться или не учиться. Я старался способствовать их выбору в пользу учебы. Но мягко, без давления, без навязывания или внушения. И они всегда выбирали учебу.

Что делал бы я, если бы случилось, что они выбрали вариант не учиться? Не знаю точно. Думаю, что принял бы такой вариант, хотя и с грустью. Ведь тут игра честная и по-крупному. Если я говорю, что уважаю свободу личного выбора, то и должен следовать данному принципу. А иначе как же сформируешь в человеке ответственность и дисциплину?

Одна моя знакомая, прочитав данную главу, сказала мне: «Я так и не поняла, как ты вырабатывал у своих детей умение быть дисциплинированными. Такое впечатление, что вы все время, наоборот, отходили от дисциплинарных норм, нарушали их». Посему хочу еще раз проакцентировать главную мысль, главный принцип. Я старюсь пробудить в детях умение осознанно управлять своими действиями, понимать структуру каждой конкретной ситуации. Это очень неформальный процесс. И он весьма существенно отличается от того, как традиционно приучаются к дисциплине дети в школе.

Я люблю приводить такой пример. Все мы знаем, что дорогу следует переходить по зеленому сигналу светофора. Можно сказать ребенку так: «Ты обязан выполнять данное правило! Обязан — и все!» А я всегда делал по-другому. Я всегда объяснял, почему существует такое правило, в чем его смысл, в чем его разумность. Я не жалел времени на разговоры. Я даже пускался в экскурсии в историю и рассказывал, почему давным-давно люди придумали правила дорожного движения, почему выбрали такие цвета для светофора... Я хотел убедить моих маленьких собеседников, что улицу, действительно, надо переходить на зеленый свет. Но одновременно и указывал на относительность правила, на возможность отойти от него в некоторых случаях: «Если за тобой гонится голодный тигр, то можно, наверное, перебежать улицу и на красный свет». Суть всех моих разговоров сводилась к тому, чтобы ребенок понял: при переходе улицы существует реальная опасность попасть под машину, поэтому гораздо лучше переходить на зеленый сигнал.

Во время наших домашних уроков все, по сути, точно так же. Я не ленюсь разъяснять, что для успешного хода учебы меня необходимо слушаться. Это не моя блажь, не моя гордыня, не дурацкая придумка. Это реальное условие ведения урока. Иначе как же я буду его проводить?!

Знаете, я никогда не делал особой трагедии, если дети меня в чем-то не слушались. Неудобно, конечно. Нервы мотает. Но терпеть обычно можно. А в запредельных ситуациях можно ведь и силу применить. Основной же метод — убеждение, разъяснение, доверительный разговор. И это реально работает.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ

Разные преимущества семейной формы обучения становились в нашей семье актуальными в разные периоды.

На первом этапе (с Аленой) для нашей многодетной семьи очень ценным оказалось то, что радикально снизились нагрузки на нас и на дочку.

Когда пришло время учить Тимошу, принципиально важными оказались свобода в выборе режима и методов обучения, индивидуальный подход.

При подходе к старшим классам акцент был на выработке умения учиться самостоятельно. С Машей, правда, я начал развивать линию самостоятельной учебы гораздо раньше — прямо с первого класса. Сейчас я спокойно могу ее отправить на 2-3 недели к двоюродной бабушке в Новгород, дав задание самой изучать раздел курса биологии, литературы или русского языка.

Но был период в истории нашей семьи, когда главным я считал аспект психологического комфорта для детей. При обучении дома тут многое можно сделать. Когда остро встал этот вопрос? Наверное, догадаться нетрудно: когда уехала в другой город нас всем мама моих детей. Естественно, душевное состояние Тимы, Коли и Маши было сложным. Я чувствовал, что им необходима особая психологическая защита, что нервные нагрузки, сопряженные с посещением школы, для них будут очень трудны. Не потому, что в школе какое-то особое зверство, а потому, что и так тяжело: мама уехала.

Я тогда не думал ни о фундаментальных знаниях, ни о будущем поступлении в вузы, ни о блестящих отметках, ни о создании системы семейного обучения... Я думал только о том, что-

бы вырастить своих детей психически здоровыми, чтобы они не сорвались, чтобы время залечило душевные раны... И то, что данную задачу удалось решить, я считаю своим главным педагогическим достижением. А вовсе не всякие там «пятерки».

Сыновья довольно быстро привыкли жить без мамы — они были в том возрасте, когда для мальчишек становится очень важен мужской аспект воспитания. И тут я был на месте. Но и материнские многие функции пришлось на себя взять: и утешить, и приласкать, и побаловать немного...

Машеньке оказалось труднее. Я пытался найти новую маму, но не получилось. Поэтому я изо всех сил старался (да и до сих пор стараюсь) создавать для доченьки максимально комфортный психологический режим. Да и братья старшие о ней заботились всегда нежно.

Тут еще все зависит от характера ребенка, от особенности его душевной организации. На Тиму и Колю можно было и надавить, можно было их и поругать (мужики ведь как-никак). А если поругать Машу (хотя бы чуть-чуть) с утра, то на учебе можно в этот день ставить крест. Обидится, расстроится, надуется — и уже не до математики, голова все равно не соображает. Сейчас, конечно, стало лучше, а пять-шесть лет назад мне пришлось радикально перестроить свой стиль ведения уроков с ней — на мягкий-мягкий. Но все же чтобы и дело шло.

Например, такой вариант, как ношение маленькой доченьки на руках по квартире с одновременным устным счетом! Или возможность делать задание в тетради, уютно устроившись прямо в постели — в «гнездышке» из одеял и подушек, окружившись множеством своих любимых мягких игрушек (кошечек, собачек, медведей и прочих). Или читать учебник и одновременно кушать нарезанное и очищенное от кожуры и сердцевины яблочко.

Дабы чадо не избаловалось, а, наоборот, крепло духом, отдыхая и восстанавливаясь в комфортных условиях, я не забываю объяснять, что все сие есть некая игра. Мы как бы играем в то, что «балуем маленькую доченьку». Я во многом «иду навстречу». Но и доченьку «держу в тонусе»: чтобы ответственно относилась к учебным заданиям, чтобы работала сосредоточенно, чтобы не капризничала (капризы я не терплю и пресекаю в зародыше — резко и однозначно).

С сыновьями я не так нежничал, но тоже весьма и весьма облегчал им учебную жизнь. Но и считал себя вправе требовать: «Я вам иду навстречу (в школу можно каждый день не ходить, учиться удобно и т.п.) — и вы извольте включаться получше». Получается баланс. И никакой избалованности.

А к социальным бурям и стрессам мы готовимся. Сейчас я вижу, что все трое моих младших детей уже обогнали меня в плане стрессоустойчивости и умения быстро и адекватно приспособливаться к новым условиям. В какой-то момент каждому из них перестает быть нужна такая «психологическая опека». И они мягко (или жестко) дают мне понять: расслабься, папа, и займись другими делами. Ну, и слава богу. Значит, работа выполнена.

ПЕРЕЖДАТЬ, ПЕРЕТЕРПЕТЬ

В других семьях я сталкивался с ситуациями, когда ребенок или подросток нуждался в том, чтобы один учебный год или несколько месяцев учиться не в школе, а в режиме семейного обучения. Таких случаев я наблюдал несколько и участвовал в них в качестве помощника или просто консультанта.

Иногда отношения в классе складываются для ребенка неблагоприятно: постоянные конфликты, отчужденность сверстников, обидные насмешки, переходящие в издевательства... Причины обычно и во всем коллективе, и в самом ребенке. Учителям весьма сложно влиять на такие ситуации. Конечно, какие-то меры пытаются принимать и родители, и педагоги. Но далеко не всегда успешно.

Мой опыт показывает, что если изъять ребенка или подростка из столь сложной для него ситуации, то через какое-то время проблемы так или иначе решатся. Разумеется, надо обеспечить на период непосещения школы благоприятную обстановку, нормальную учебу и грамотное психологическое сопровождение. Да и школу можно за это время другую подыскать. Или хотя бы другой класс.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

За год очень многое поменяется. И, главное, для начала все успокоится, расслабится. Не факт, что ситуацию удастся сделать полностью гармоничной, но облегчить ее можно существенно.

Иногда возникают трудности не в отношениях в классе, а в поведении самого ребенка или подростка: хамство, агрессивность, постоянные прогулы, наплевательское отношение к учебе... В таких случаях, если родители готовы серьезно взяться за дело, можно попытаться улучшить ситуацию. Или хотя бы остановить ее быстрое отрицательное развитие. Ведь переход на семейное обучение является огромной перестройкой и для ребенка, и для всей семьи. В новых условиях можно активизировать новые позитивные возможности и забыть старые дурные привычки. Пока не стало совсем поздно.

Иногда отношения у чада не складываются не с коллективом, а с одним из педагогов или даже со многими педагогами. Тут тоже может помочь переход на семейное обучение на какой-то период. Особенно, если нет возможности школу поменять. Нужна пауза. За это время произойдут какие-то внутренние перестройки в личности и ученика, и педагога, и родителей... А может, еще и психолог хороший помочь сумеет. Или тот педагог поменяет место работы. Или глава семьи заработает кучу денег, и ребенка можно будет отдать в частную школу, где отношения помягче...

Я хочу подчеркнуть, что семейное обучение на один учебный год — это определенная степень свободы, это дополнительная возможность урегулирования сложных конфликтных ситуаций растущей личности и школы. Как данная возможность будет реализовываться, зависит от многих причин. И не последняя из них — свободный внутренний выбор самого объекта воспитания.

КАЧЕСТВО ЗНАНИЙ

Я не ставил такой цели как основной. Но все же хотелось дать своим детишкам качественные и глубокие знания — если не по всем предметам, то хотя бы по некоторым.

Разумеется, в массе случаев это возможно и в обычной школе. А уж тем более — в какой-нибудь продвинутой. Но в целом в наше время государственная школьная система работает неэффективно. Это признают почти все. Как ее исправить в масштабах страны, никто не знает. И я не знаю. Но в масштабах одной семьи задача дать детям качественные знания является реально выполнимой.

Дело еще и в том, что в условиях школы качество знаний довольно сложно контролировать. Во-первых, учеников очень много — на всех у учителя не хватает внимания. Во-вторых, часто на контрольной или диктанте может списать у соседа или воспользоваться шпаргалкой. В-третьих, тестовые задания обычно дают далеко не полную картину знаний. В-четвертых, в момент проверки у ребенка может быть «неудачный день» (плохое настроение, плохое самочувствие, усталость от вчерашнего похода за город, недосыпание после позднего просмотра фильма) или неудачная обстановка (сосед по парте отвлекает, кроссовки жмут, в классе шумно, солнце через окно светит прямо в глаза).

Можно перечислять еще и «в-пятых», и «в-шестых», и «в-седьмых»... Да и вообще, что мы подразумеваем под словами «качество знаний»? Умение решить стандартный набор примеров и задач или без ошибок написать диктант? Умение пересказать параграф из учебника близко к тексту? Умение выполнять задания повышенной сложности? Умение вспомнить пройденное год назад?

Для меня самого понятие «качество знаний» является в основном интуитивным. Мне это как-то ясно в процессе ежедневных учебных занятий с детьми. Я просто чувствую: качественные знания или так себе. Ну, прямо почти как с созданием картины: хорошо получилось или плохо. Где критерии? В основном где-то внутри меня.

Однако я, естественно, ориентируюсь и на объективные критерии. Я уделяю большое внимание не только успешному правильному выполнению всех требуемых заданий, но и устойчивости навыков: и сегодня, и завтра, и через месяц, и в плохом настроении, и в хорошем, и такого типа задания, и немного другие задания... Навыком нужно владеть уверенно. Он должен лечь куда-то глубоко. Он должен быть основательным.

А количество знаний меня волнует гораздо меньше. Обилие информации быстро «проходит мимо»: сдал — и забыл. Для чего мучить детей и мучиться самому? Есть ученики с хорошей памятью — ну и ради бога. А остальным, к примеру, совсем не обязательно ведь выучивать наизусть названия всех африканских государств, вплоть до самых небольших, с их столицами (бывают и такие странные задания в школе). Вполне достаточно ориентироваться по карте мира, знать расположение на ней основных крупных стран и примерное расположение других стран.

И важно вот что. Если достигнуть высокого качества знаний хотя бы в одном предмете, то сие уже очень здорово — так как поднимает общий интеллектуальный уровень. А это ведь, по сути, и есть главная цель образования. И потом уже, опираясь на развитое умение соображать, человек может качественно освоить и другие предметы — под руководством взрослого или совсем самостоятельно.

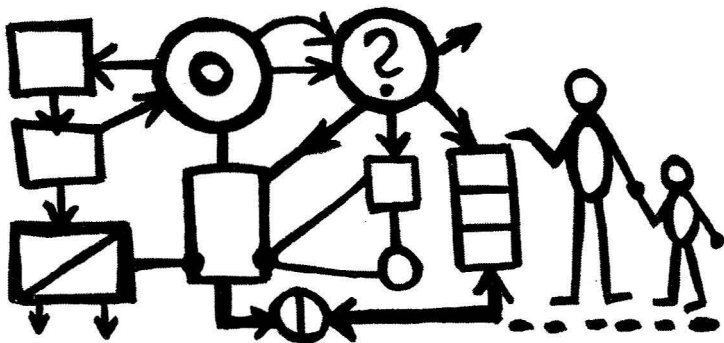
СИСТЕМНОСТЬ ЗНАНИЙ

Что такое система? Это когда существует некая целостность частей, а не просто их механическое объединение. О том, что знания учащихся должны представлять собой единую систему, говорится и пишется немало. Но в массовой школе я что-то ничего похожего не наблюдал. Каждый курс преподается отдельно от остальных. Ну, разве что для изучения физики нужно предварительно пройти некоторые разделы математики. Да вот еще биология и география естественно вытекают из природоведения. Ну и последнее, что приходит в голову: для написания сочинений по литературе нужно в какой-то степени освоить правила русского языка.

Обычно в школе каждый предмет преподается отдельно от остальных. Да и внутри многих курсов взаимосвязанность его частей и единая системность в изложении присутствуют далеко не всегда. Чаще всего получается просто набор относительно независимых блоков информации.

Когда я учу своих детей, то легко и непринужденно перехожу в занятии с одного предмета на другой, от одной части курса к другим частям. Я легко и свободно меняю последовательность изучения разделов по сравнению с той, которая есть в учебнике. Я стараюсь хоть в какой-то мере все время показывать взаимосвязи между разделами внутри одного курса и взаимосвязи между предметами. Я не то чтобы как-то специально выделяю данный аспект работы, а веду урок (объясняю, спрашиваю, даю задания) так, что цельность всей системы изучаемой информации передается как нечто естественное, само собой разумеющееся.

В чем тут ключ? В том, что внутри меня самого существует системный подход, системное видение единства разных наук. В результате многих лет очень старательной и заинтересованной учебы (в школе и в институте, а потом — самообразования) я научился видеть систему науки как единое целое, которое для удобства работы делится на разделы. Опираясь на такое видение, мне легко ориентироваться между дисциплинами и перекидывать между ними «мостики».

Такой подход дает существенные преимущества. Ведь в чем сила системы по сравнению с механической суммой частей? Сила в том, что возникает новая структура — с более высокой степенью организованности. И соответственно возникают возможности нового типа. Плюс к тому, изучение каждой части

поддерживает изучение всех других частей и всей системы в целом. А еще возникает хорошая и быстрая ориентация в материале.

В физике и в математике такое мне осуществлять особенно просто — сказывается мое физико-математическое образование. Меня уже тридцать лет воодушевляет удивительное внутреннее единство физического знания о мире и неразрывно связанной с ним математики. Для меня тут некое особое таинство. Как бы изумление сущностью бытия в самой его основе. Разные разделы физики опираются на общий подход, дополняют и раскрывают друг друга, вместе образуют ясную и стройную картину. А строгая логика математических понятий и методов ощущается мною как единый монолит.

К физике примыкает химия (ее я всегда преподаю с опорой на физику, делаю акцент на физических механизмах химических процессов). Да и с биологией тут легко провести взаимосвязи, с природоведением, с географией.

Совсем другое дело — язык (иностранный или русский). С математикой или физикой тут трудно искать ассоциации и параллели. А вот между русским языком и языком английским общего можно показать весьма много (подлежащие, сказуемые, определения, глаголы, существительные, предлоги, времена, множественное число, степени сравнения прилагательных).

Основа системности при изучении географии — образ земного шара (в большом масштабе или в локальных деталях). Климат, растительный мир, реки и горы, леса и пустыни, животные и микроорганизмы, добыча полезных ископаемых, транспорт, промышленность, распределение населения, различные геологические породы, атмосфера и океанические течения — все «распределено» на нашей Земле. Даже изучая, к примеру, природу грунтовых вод, мы где-то «с краю сознания» имеем в виду, что все подземные водные процессы неким образом нормированы по принципу «выше-ниже», что все происходит на планете Земля. А уж атмосферные процессы или политическая карта мира могут изучаться только с опорой на единый образ всей планеты.

В разделах биологии (ботаника, зоология, анатомия) естественно учиться видеть единство всего живого, единые принципы устройства самых различных живых организмов. Да и образ

целого организма помогает понимать места в нем отдельных органов и тканей, функциональных систем и биохимических процессов.

В истории для ощущения цельности всей информации, всех исторических фактов и дат я опираюсь на образ оси времени (то есть на хронологию) и опять же на образ всей Земли (ведь это на ней разворачиваются исторические процессы). Представляя карту мира, легче ориентироваться, где, что и когда происходило.

Как почувствовать системность в литературе? Для меня подходящий образ — море. Море книг. Море литературных героев. Море стилей и художественных приемов. Море смысловых и психологических аспектов. Море жанров и сюжетов. Море слов. Море звуков. Таинственные глубины и высокий душевный накал. Искренность и вдохновение.

Отношения с литературой у меня особые — ведь я сочиняю сказки и стихи, пишу книги и статьи. Поэтому так получилось, что в преподавании литературы системность для меня понимается как собственное творчество. На него и опираюсь — как непосредственно, так и в плане общего подхода, стиля преподавания. Я подхожу к делу с позиции писателя. Вот и детишки у меня сочиняют.

Живя многие годы в интенсивных состояниях литературного творчества, начинаешь видеть любое изучаемое художественное произведение как бы с позиции его автора. Или, по крайней мере, получается хорошо понимать позицию автора, его трудности и подходы. Ну да, я не так здорово пишу, как Пушкин, Достоевский или Толкиен. Но что-то во всех нас, сочинителях, есть общее, понятное друг другу.

А как же все-таки междисциплинарные связи? При каждом удобном случае я их показываю.

Дыхание животных и фотосинтез растений вкупе с промышленной деятельностью и работой транспорта влияют на общий баланс кислорода и углекислого газа в атмосфере планеты (тут и химия, и биология, и география, и даже чуть-чуть история).

Все физические законы можно показать в жизни: бытовая техника, строительство, полеты ракет, взрывы бомб (тут еще и химия), прыгание упругого мяча по футбольному полю, вождение кораблей под парусом и без оногo.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

А кстати, кто изобрел рычаг? А древние викинги, которые под парусами плавали, когда жили? А что они завоевали? А Колумб что открыл? И когда? А какая там теперь страна? А бизонов-то всех почти поубивали. Да, американцы первые высадились на Луне. Там нет атмосферы. Почему бывают лунные затмения? Ну, помните, как устроена Солнечная система? А звезды-то очень далеко. В них ядерные реакции (снова до физики добрались). И так далее.

Или вспомним про татаро-монгольское иго. Знаете, почему так получилось? От раздробленности Руси. А вы между собой ссоритесь! Ай-яй-яй! Надо крепить единство. Семья — это система, это сила. Почему люди ссорятся? Ну, тут надо понимать законы психологии. Да еще и о мировых религиях можно вспомнить. Но все же мы изучаем татаро-монгольское иго. Когда оно было? А еще какие страны монголы захватили? Начали с Китая, а оттуда осадные машины заимели и порох (для взрывов стен с помощью подкопов). Что такое порох? Там в основе — быстрое горение. Очень быстрое. А катапульты работают на основе силы упругости.

Вот, примерно, в таком духе. Далеко не всегда, конечно, столь широко скачем по темам, временам и наукам. Обычно все же спокойно и последовательно изучаем каждый предмет по отдельности. Но такие вот лирические отступления я всегда готов делать. В том числе и не во время уроков, а на прогулке или во время свободной семейной беседы за столом.

А еще я стараюсь видеть (как бы одним взором охватить) всю школьную программу (всех классов, по всем предметам). И преподавая конкретный курс, стараюсь видеть его целиком. Одновременно я достаточно хорошо представляю себе ту систему знаний и навыков, которая сформировалась у каждого из моих детей. И отслеживаю динамику развития — год за годом. Я не держу в голове все детали, я просто чувствую весь процесс — как ощущаешь реку, когда плаваешь в ней. Или как рисуешь картинку. Или как ориентируешься в лесу или в городе.

Все сие может показаться сверхсложным. С одной стороны, действительно требуется достаточно широкий кругозор и некоторая энциклопедичность знаний родителя-преподавателя (хотя вовсе не обязательно быть специалистом во всех науках). Да и

общая организованность личности не мешает. Но, с другой стороны, мне намного проще осуществлять системный подход, чем школьным учителям и разработчикам программ и методик. Ведь я один все предметы преподаю. Я учу своих детей год за годом. И учеников у меня всего трое. И общаемся мы очень много.

Системное видение учебного процесса происходит у меня почти автоматически — я вовсе не трачу дополнительное время или внимание. Это как если идешь по улице и видишь ее целиком, а не только упираешь взгляд в небольшое пространство в нескольких метрах перед собой. Идешь и любишься. Просто свободная прогулка. А заодно по пути и в магазин зайдём, купим что-то нужное.

Боюсь, что я не смог тут достаточно логично сформулировать, что такое системный подход в обучении и как его реализовывать конкретно. Но я ведь пишу не учебник и не методику. Данная книга, скорее, воспоминания о долгом-долгом путешествии по самым разнообразным местам с удивительными приключениями и трудовыми буднями.

Для меня системность является одной из фундаментальных основ всего того многолетнего семейного учебного процесса, который я организую. Без системного подхода я не сделал бы ничего. Я бы утонул и запутался, заблудился и потерялся в море сведений, в куче предметов, в огромном выборе заданий, в многообразной веренице учебных дней и уроков... Я бы путался в том, что мои дети знают, а чего не знают, что умеют, а чего не умеют. Все было бы похоже на блуждание по огромному лабиринту в темноте со слабеньким фонариком.

Еще раз: системность дает ясное видение. А еще системность похожа на некую светящуюся нить во всех конкретных учебных действиях. На нее я и ориентируюсь — частично логически, частично интуитивно. Тут очень похоже на нить вдохновения при сочинении сказки или книги. Можно идти, идти, идти...

Понятное дело, это я сейчас так солидно рассказываю о системности. А начинал ведь с малого — с одного класса, с одного раздела в учебнике.

Что делать, если у родителя исходно нет такого системного видения? По-моему, не стоит пугаться. Если понимать, что системность важна, и стремиться к ней, то уже будет хорошо.

ИНТЕРЕС К УЧЕБЕ

А бывает вдохновение в учебе? Такое особое душевное состояние? Конечно, бывает!

Но увы! Все мои дети не любили учиться. Ну, почти не любили. По сравнению со мной маленьким и со мной взрослым — просто на диво не имели интереса и желания учиться! Почему такая судьба?!

Может, Господь так устроил, чтобы мы компенсировали друг друга? А может, мне нужно было пройти путь развития интереса к учебе в других людях (то есть в моих детях) — чтобы передать потом некие полезные сведения другим родителям, педагогам и ученикам? А может, мне нужно было хорошенько показать, что не все такие в плане учебы, как я (чтобы, значит, не предлагал людям всякие глупости)? А может, чтобы сильнее старался разобратся в проблеме? Своих детишек ведь ой как хочется хорошо выучить!

Я использую всю гамму вербальных и невербальных средств, чтобы передать детям свой интерес к учебе, свою тягу к новым знаниям и к таинству мироздания. С грехом пополам сие постепенно получается. Далеко не так легко и бодро, как мне хотелось бы, но все же процесс идет.

Тима в старших классах очень полюбил учиться, а уж в университете учиться просто с наслаждением. Коля и в младших классах тянулся к учебе, и потом. Но так и не дошел до жажды знаний. А Маша год за годом открывает для себя все больше интересного во все новых и новых предметах (теперь уже охвачены практически все).

В принципе, я здесь не изобретаю ничего нового по сравнению с другими педагогами. Наоборот, изучаю их опыт и на этой базе ищу свой стиль. Что-то рождается само собой. Не могу сказать, что я преуспел тут в разработке эффективных методов и прогрессивных идей. Словом, хвалиться особо нечем.

Но все же. По сравнению с условиями обучения в массовой школе, дома я могу так строить весь процесс, чтобы просто не мешать развитию естественного интереса к узнаванию нового,

который есть у каждого человека от рождения. Ведь он (интерес) чахнет и гибнет во многом от того, что его строго и методично, упорядоченно и логично класс за классом втискивают в жесткие и ограниченные рамки. А ему так нужна свобода! Ему (интересу) так нужен простор и свежий воздух для развития! И условия для полета! Ибо что может быть прекраснее, чем полет души?! И кстати. Ничто ведь не мешает мне дома способствовать развитию познавательной активности своих детей не только в объясительно-учебных, но и во многих других видах деятельности. Личность-то ведь одна — значит и на учебу что-то распространяется.

Как интересно смешиваются масляные краски на холсте! А как здорово бить палкой по воде и наблюдать сверкание солнца в летящих в воздухе каплях! Как интересно разобрать старый магнитофон и посмотреть, что там внутри! А как уж интересно послушать папу про то, как он летал на самолете или как он ходил в горы! Да и блины самим испечь интересно. И книжку хорошую почитать...

А еще я пытаюсь показать красоту и прелесть каждого предмета. В математике это красота и стройность логики. А в географии — красота нашей планеты и многообразие природных условий на ней.

Я даже такие окольные пути использую, как обыгрывание темы учебы в своих сказках и в историях-фэнтези. Ведь мои дети являются первыми читателями моих творений. Не специально, а как-то уж так само собой выходит, что герои сочиняющихся у меня историй про Древнюю Русь любят учиться! Они учатся активно и целеустремленно — магии, боевым искусствам, иностранным языкам, любви к людям, умению понимать психологию драконов, умению разбираться в жизненных ситуациях и в социально-исторических процессах... Читаешь — и как-то само собой отношение передается. Тимоша, когда вырос и понял мои методы, так и сформулировал: «Педагогическое фэнтези».

И еще я все время борюсь с устойчиво всплывающими установками, будто бы учиться неинтересно. Чушь! Нужен только правильный подход, правильный настрой, правильная внутренняя позиция! Так и объясняю дочке и сыновьям. Они слушают и не верят. А я год за годом талдычу. И постепенно начинают ве-

рять. А Тима, когда вырос, Машу почти моими словами начал убеждать в интересности любых предметов.

Конечно, позиция позицией, но ведь преподавать материал нужно интересно. И учебник хорошо бы, чтобы интересный был. Помню, как-то попался такой классный учебник по природоведению — читали, как захватывающую художественную книгу! А бывают учебники очень тягомотные и скучные. А бывает, и папа не в форме — тогда он излагает вяло и смутно.

Я уже писал, что урок для меня — всегда импровизация. И всегда — драматическое действие с участием одного выступающего-ведущего и одного, двух или сразу трех зрителей-слушателей-участников. Я жестикулирую и «вытаращиваю глаза» (так говорят мои дети). Я использую энергичные выражения (не грубые, а именно энергичные, смачные, сочные, сильные). Я меняю интонации, меняю темп и громкость речи (дабы внимание не притуплялось). Я привожу массу наглядных примеров из жизни. Я рисую всякие объясняющие рисунки. Сочиняю сказки-задачи. Я обильно использую юмор...

Интерес любит двигаться свободно, без принуждения. Вот ребенку интересно меня слушать. Вот он с интересом читает учебник или решает задачу. Но вот за окном вдруг появляется

летающий вертолет! Или подрались собаки! Или пошел сильный дождь! И я не мешаю интересу моих учеников естественно переключиться на «внеучебную информацию». Я бережно и с внутренним трепетом сопровождаю сей процесс. И, разумеется, сам тоже смотрю на вертолет, на собак, на дождь. А потом, насмотревшись в окно, мы мягко возвращаемся к учебе. И она продолжается с той же радостью (ну тут я уже несколько идеализирую, но суть подхода именно такая).

А что делать, если дети просто читают учебник? Обычно я читаю его тоже — с интересом и с энтузиазмом. Не обязательно в то же самое время. И не обязательно в полном объеме. А потом мы обсуждаем прочитанное, и интерес делается общим.

Получается как бы два пути. Один — интересно преподавать. Второй — формировать умение, находить интерес в учебном материале. И то, и другое важно. Для малышей акцент на первом пути. Для более старших — на втором.

В школе уровень интереса к учебе обычно не оценивается как некий важный параметр. Оцениваются конкретные знания и навыки. А дома я свободен сделать критерий интереса одним из главных. Я могу ориентироваться на него.

Многое, кстати, закладывается задолго до школы — как одно из базовых системных интеллектуальных качеств.

СВОБОДА ЭКСПЕРИМЕНТА

Если я приду к директору государственной школы и предложу провести какой-нибудь педагогический эксперимент, то у директора возникнет масса вопросов. И у РОНО. И у родителей. Особенно если я предложу нечто радикальное и нестандартное. Например, парты из класса убрать, и чтобы учащиеся занимались лежа на полу. Или раз в неделю проводить уроки по ночам, а следующий день отсыпаться. Или попробовать заниматься устным счетом, одновременно прыгая на диванах. Да и вообще разные можно эксперименты придумать. Придумать-то придумаем, а вот разрешат ли? А я себе разрешаю.

Захотелось что-то попробовать — попробовали. Не понравилось, не дало эффекта — прекратили и забыли. Понравилось, решило какие-то проблемы — берем на вооружение и вовсю используем (навсегда или до тех пор, пока идея себя не исчерпает).

Свобода эксперимента нужна в любом живом деле. Но в педагогике сие звучит жутковато: «Эксперимент на детях». Это ж надо семи пядей во лбу быть и сто (а не семь) раз отмерить перед тем, как отрежешь (то есть реально попробуешь). А времечко идет. Вдохновение может улететь. Да и подходящий момент можно упустить. И зачем объяснять кому-то извивы и удалые скачки моего творческого процесса по мере его движения-рождения?! Попробую — получится — сам пойму — другим объясню. Попробую — не получится — понимать и объяснять нечего. Вот такой алгоритм.

Не могу сказать, что мною владеет жажда экспериментов. Многие вещи я использую годами без каких-либо модификаций. Я стремлюсь к эффективности и простоте. Но и вдохновение — штука радостная и приятная. В нашем семейном учебном процессе эксперименты существуют, но всегда в меру.

Стремление прокладывать новые пути во мне почему-то очень хорошо сочетается с изрядным консерватизмом. Например, я люблю старые учебники по физике (Перышкина), по биологии, по многим другим предметам. А то мудрят-мудрят с программами и учебниками, а получается бредово. И понятно: ведь педагогические эксперименты в масштабах России осуществлять и оценивать очень сложно. Тут сроки — годы. И множество людей участвует в разработке, в принятии решений и в реализации. А у меня весь педагогический эксперимент может занять 5-10 минут (включая появление идеи, ее исходную оценку, опробование, оценку на практике ее эффективности, оценку отношения к ней учеников, оценку удобства для меня, принятие решения о продолжении или прекращении данного эксперимента).

Мне кажется, можно сформулировать так. Свобода эксперимента важна как постоянная открытость новым идеям, как готовность пробовать новые подходы (разумно и ответственно), как такое вот настроение постоянного роста и развития.

Маленький ребенок свободно экспериментирует со словами и с предметами, с движением и с эмоциями, с акварельными красками и с отцовским молотком. Потом начинаются эксперименты типа залезания на крышу или взрывания петард, сборки моделей из конструктора или исследования подвала и чердака в дачном доме... В переходном возрасте девочки экспериментируют со всякой косметикой, с нарядами и украшениями (я просто обалдеваю, сколько Маша сейчас стала проводить времени перед зеркалом). А мальчики рвутся в походы, берутся за гитару, ищут приключений.

Состояние естественного, живого, вдохновенного эксперимента является совершенно обычным и для ребенка, и для подростка. Поэтому, уча их и желая находиться с ними «на одной волне восприятия», очень даже целесообразно тоже относиться к течению жизни вообще и учебного процесса в частности как к свободной динамике маленьких и больших экспериментов. Тогда и будет резонанс.

Мне кажется, что если родитель-педагог не просто ищет «что-то новенькое», а вдумчиво и последовательно развивает свою конкретную семейно-педагогическую ситуацию, то все должно получаться нормально. Возникали ли у меня неудачные, нежиз-

неспособные, надуманные идеи? Конечно. Сколько угодно. Но я их отбрасывал либо на стадии исходного продумывания, либо в предварительном обсуждении со своими детьми, либо после опробования — неразумность сразу становится видна.

А кстати, почему в государственной системе народного образования не принято обсуждать с учащимися всех классов предполагаемые педагогические эксперименты (новые учебники, программы, ЕГЭ)? Я своим детям часто говорю: «А что, если попробовать сделать вот так? Как ты думаешь?» Да и странно было бы не спрашивать — ведь они участники процесса. Но иногда, правда, авторитарно заявляю: «Делаем теперь так-то и так-то».

После всего вышесказанного о семейных экспериментах в учебном процессе мне хочется сообщить вам, уважаемые читатели, что я человек, любящий спокойное и достаточно размеренное течение жизни, меня манит возможность опираться на что-то стабильное и надежное (например, на хорошо зарекомендовавшие себя учебные приемы). Иногда хорошо поплавать в бурном море, ощутить вкус борьбы с трудностями, но мне в целом гораздо больше импонирует спокойное море. Чтобы вглядываться в горизонт, чтобы наблюдать блики солнца на поверхности небольших волн, чтобы наслаждаться спокойным плаванием в теплой воде.

Зачем изобретать новое, если старое прекрасно работает? Бывает, правда, идея пришла, и так хочется ее попробовать.

Разные люди в разной степени склонны к экспериментированию. И в разных сферах по-разному. Например, одна моя знакомая молодая мама в педагогике не склонна к творчеству, а ищет готовых методических разработок, которые могла бы использовать. Но зато она очень склонна к экспериментам в кулинарной сфере. И ее муж это весьма ценит. А у меня наоборот. Я годами варю кашу и суп по одним и тем же элементарным рецептам — с минимальными вариациями. И мне делается жутко страшно, когда нужно приготовить что-то новое (например, сварить курицу или рыбу).

Мне часто говорят, что все наше семейное обучение — это смелый эксперимент. Я этого вовсе не ощущаю. В каких-то конкретных моментах организации учебы — да, а в целом — нет. Мы просто так живем.

КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Та концепция образования, которая предлагается сегодня государственной школой, у меня вызывает двойное чувство. С одной стороны, она прекрасна — по идеальным целям, по широте охвата и фундаментальности знаний в самых разных науках. С другой стороны, выполняется все это примерно на 5-10%. Налицо противоречие.

Обучая своих детей дома, я как-то автоматически сразу стал ориентироваться на свою концепцию образования. Она не находится в противоречии с государственной, но учитывает нереалистичность и практическую иллюзорность последней. То есть я стараюсь действовать более реалистично.

Моя концепция образования в целом вовсе не ориентируется на какие-либо конкретные объемы знаний и навыков по предметам — то, на чем зиждется государственная программа. Мой подход можно вкратце сформулировать так: «как пойдет для данного конкретного ребенка». Понятно, что государство не может предложить такой ориентир. А я могу выбрать его для себя в качестве базового — потому что он, на мой взгляд, максимально соответствует реальной практике воспитания и обучения детей и подростков.

Стандартная школьная программа — это всего лишь абстрактный норматив, а я работаю с живыми людьми. Для меня не очень важен сам набор знаний и навыков. Важно, чтобы человек развивался в соответствии со своим индивидуальным путем. Меня гораздо больше волнуют человеческие, душевные, нравственные качества моих детей. Если вы читаете другие мои книги, то увидите, что они в основном об этом. Да и в ежедневной практике я, прежде всего, держу в центре внимания этические, духовные аспекты.

Одна моя знакомая, много лет неформально работающая в школе с подростками, сформулировала несколько грубовато, но в целом похоже на мое понимание: «Хотя бы чтоб они сволочами не выросли».

Все элементы обычного процесса овладения стандартными школьными знаниями могут быть прекрасно использованы

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

и для воспитания душевных, психологических качеств. Не так важно, что именно мы учим, важно то, какие у нас при этом отношения, какое взаимопонимание, как мы действуем вместе, насколько уважаем друг друга,

Я не могу сказать, что готов похвастаться какими-то особо впечатляющими достижениями в данном плане. Мы реальная семья со своими проблемами. Что-то удастся сделать хорошо, что-то не получается годами. Но мне трудно даже представить, что я по-другому распределял бы акценты в своей работе с детьми.

Все мы хотим, чтобы наши дети выросли хорошими людьми. Для меня это самая главная цель образования — как многопланового индивидуального проекта, как нестандартного приключения, как исследовательского поиска.

Ну, конечно, всем хочется спросить, успешен ли я в этом главном в своей семье. Не вдаваясь в личные и интимные подробности и не переоценивая того положительного, что у нас есть, могу сказать, что не зря старался. Жизнь покажет, какими путями пойдут Тима, Коля и Маша. Но уже сейчас мы друзья. Я не одинок в этом мире. По-моему, это немало.

Мне кажется, обучая детей дома, а потом подростков в школе, стоит почаще вспоминать, что мы растим людей будущего, наших соратников и помощников. Смогут они в нужный момент принять от нас эстафету? Смогут ли позаботиться о своих детях, а заодно и о нас, стареньких? Сделает ли их поколение, как это и положено по законам эволюции, шаг вперед по сравнению с нашим поколением?

Не так, по-моему, важно формулировать свою концепцию образования «умными» словами. Но задумываться о концепции своих воспитательно-обучающих действий надо. Тогда и все конкретные решения проще находить.

Ну а если говорить о конкретных знаниях, то для меня кажется очевидным: очень важно научить ребят осваивать новые знания — динамично и эффективно. То есть не так важен конкретный набор знаний, а важно умение учиться. А предлагаемый государственной школой набор может быть без проблем использован для тренировки — от первого класса до выпускного.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ РОДИТЕЛЯ

Я не был бы до конца честным, если бы не написал, что одна из причин обучения своих детей дома — мое стремление к самореализации. Да-да-да. Не только потому, что детям надо. Не только потому, что детям хорошо. Но и потому, что мне интересно так жить, что я ощущаю себя «в своей тарелке».

Разумеется, я не стал бы навязывать своим детям семейную форму обучения, если бы видел, что им это не подходит, что им лучше ходить в школу. Но раз уж так получилось, что мы учимся дома, то я самореализовываюсь в данном процессе на полную катушку.

Я не мог бы работать в обычной школе — слишком мне там тесно было бы среди инструкций, правил и постоянного контроля со стороны начальства. То есть я мог бы, наверное, на какое-то время приспособиться, но сие не было бы мне в радость, душа жаждала бы иного. А значит, я бы вскоре из школы ушел.

Я не мог бы создать свою частную школу — слишком много организационных, юридических, финансовых хлопот. Мне даже уже как-то предлагали сделать частную школу специально «под меня», предоставив мне возможность руководить всем учебным процессом, а от административных и хозяйственных хлопот освободив. Но я прикинул, какая будет все равно суета и морока, и отказался. К тому же, и сыновья мои, когда я спросил их, нужно ли им такое дело, решительно ответили, что им такая школа не нужна.

Учить детей в других семьях я пытаюсь понемногу. В очень небольшом объеме. Не в качестве глобальной сферы самореализации, а в качестве необходимого дополнения к семейному процессу (и людям помогаю, и видение всех моих учебных методов получается более объемным, и денег иногда дадут в качестве благодарности). Но представить себе, что я делаю карьеру репетитора, не могу. Не мое. Не лежит душа.

Вообще мне крайне трудно принуждать себя к тому, что не ощущается как истинная, полноценная самореализация. Если возникает чувство, что я делаю не свое дело, то возникает огром-

ное желание тут же все бросить, умчаться на край света и там спрятаться.

Обучение своих детей у себя дома я воспринимаю как свое предназначение. Видимо, Богу было угодно, чтобы так все сложилось, чтобы получалось хорошо. И я стараюсь по мере сил и разумения следовать своему предназначению.

Интересно вышло: засев на много лет дома, почти замкнувшись в своей семейной творческой исследовательской лаборатории, я в конце концов обрел через это свою социальную реализацию. Когда несколько лет назад я более активно «вылез в социум» (дети подросли, и у меня появились возможности не только с ними нянчиться, но и по городу разъезжать; да и Интернет пришелся весьма кстати), то оказалось, что мой родительско-педагогический опыт весьма востребован.

Тут еще такое дело. Поскольку в качестве самореализации меня еще неудержимо влекут живопись, графика и сочинение книг, то удобно вот так сидеть дома и совмещать художественное и литературное творчество с обучением своих детей. У меня как бы всегда было психологическое оправдание (перед самим собой и перед людьми): не заниматься весь день «просто работой ради денег». Как вы догадываетесь, ни литературная, ни художественная деятельность за предыдущие двадцать лет мне никакого финансового дохода не принесли (небольшие гонорары за книги начали появляться лишь недавно). Но я мог всем сказать: «Я вынужден сидеть дома с детьми и учить их. Какая тут может быть работа?!».

Конечно, я выбрал такой путь вовсе не для того, чтобы удобно устроиться, чтобы мне помогали жалостливые люди. Я просто ощущал, что так надо делать. А там — как Бог даст. И честно говоря, меня обижает до глубины души, когда кто-нибудь из родственников говорит: «Ну что, Леша, ты все так же не работаешь? Бездельник ты и эгоист. Ай-ай-ай!» Мне хочется заорать: «Попробовали бы вот так «не работать», как я парюсь уже двадцать лет! Я работаю больше вас всех! Я делаю дело!» Но мне не нравится спорить и ссориться.

Одна знакомая, которая взялась за изучение психоанализа, как-то вообще выдала мне с мудрым видом: «Ты, Леша, спрятался от проблем мира за своих детей». Просекла, значит, самую суть моих исканий. Я даже не нашелся, что ответить.

Тимоха, когда я рассказал о таких «мудрых» словах, долго хотел (он уже тогда был достаточно большой). Он и до сих пор иногда вспоминает и, хлопая меня по плечу мускулистой рукой, говорит: «Да, батя, спрятался ты от проблем за нас...»

Другие люди, наоборот, считают, что я совершил родительский подвиг. Но у меня нет такого ощущения. Я просто не мог бы жить по-другому. Не следовать своему предназначению для меня настолько мучительно, настолько теряется весь смысл жизни при этом, что гораздо веселее стараться предназначению следовать. Может, жизнь и трудная будет, но зато радостная.

А удержаться и не писать книгу, когда она «идет», почти нереально. Возникает просто сумасшедшее внутреннее напряжение. Рождающаяся книга требует своего воплощения столь властно, что я уже давно не пытаюсь бороться и сопротивляться. То же и с картинами, и с рисунками, и с учебными пособиями. Не всегда так остро, как я только что написал, но я ведь уже привык — отслеживаю движение вдохновения и мягко и послушно ему следую.

Я думаю, что не смог бы стать ни художником, ни писателем, если бы не мои дети, если бы они не помогли мне вступить в волны искреннего, естественного и радостного творчества. Я учился и учусь у своих детей. И режим семейного обучения сыграл тут огромную роль.

Но есть у меня еще один момент, которым я могу «оправдать» то, что следую именно пути самореализации (который, скажем, в материальном плане весьма труден для моей семьи). Ведь мои дети иначе видели бы рядом с собой скучного, посеревшего, несчастного отца, который толком не живет, а кое-как существует. Думаю, для них такое было бы очень вредным. Ведь родители всегда так или иначе являются примером для своих детей. А нам ведь так хочется, чтобы наши дети самореализовались в жизни!

Ощущая на себе, что такое самореализация, мне легче и своим детям помогать в данном плане. И сейчас, видя их успехи (не только в учебе, но и в других сферах), я рад, что избрал именно такую линию.

Одна пожилая журналистка на радио после записи в студии моего интервью сказала: «Это здорово — быть самим собой».

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

На что я ответил: «Да. Только за это приходится платить». Моя жизнь последние двадцать лет была очень трудной.

Самореализация далеко не всегда происходит гладко и сразу так уж «правильно». Муки творчества и бесконечные ошибки тоже присутствуют. Неудачи — часть пути. Идеально все равно не получается никогда. Взлеты души на крыльях вдохновения перемежаются с периодами разочарования, упадка сил и апатии. Страх ошибиться в выборе давит и жжет. Мы не ангелы, не боги, не супермены... Мы живые, грешные, во многом слабые люди, которые могут вести себя временами прямо-таки по-идиотски.

Посему следующий раздел книги посвящен проблемам, возникающим при семейной форме образования.

Часть 2

Трудности, недостатки и неудачи семейного обучения

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Однажды какая-то многодетная мама, услышав, что я учу своих детей дома, а в школу они не ходят, воскликнула: «А как же Первое сентября?! Вы же лишаете своих детей такого праздника! А уж в первом классе особенно!»

Знаете, я тогда впервые в жизни задумался, что к первому сентября можно относиться как к празднику. А к тому времени я уже, наверное, лет восемь или десять учил своих детей дома.

В детстве я не любил ходить в школу. Там мне было скучно, тягомотно и утомительно. И первое сентября я воспринимал в основном как конец летних каникул. Интересно, конечно, с ребятами встретиться после трехмесячного перерыва — потрепаться, анекдоты порассказывать, посмотреть на всех. Но никаких праздничных ощущений у меня этот день не вызывал. Разве что по сравнению с учебой в остальные дни учебного года. Ведь первого сентября почти не учатся всерьез и домой отпускают пораньше.

У меня со школьных лет вообще не осталось никаких особо радостных воспоминаний о классных или общешкольных мероприятиях. Ну никаких. Включая выпускные вечера после восьмого и после десятого классов. Для меня праздником было не ходить в школу. Кое-что там нравилось, но не более того.

А нет, вспомнил! В девятом классе у нас был математический

бой. Я был, разумеется, капитаном команды. Мы выиграли! Я сочинил к тому мероприятию «Математическую поэму». А после боя мы ели приз — не очень большой, но весьма вкусный торт. Ели руками (это точно помню). У меня даже осталась фотография: я нес торт, а ребята из нашей команды, улыбаясь, смотрят.

А в основном в памяти остались длинные, нудные и жутко скучные комсомольские собрания, на которых надо было обязательно присутствовать. Иногда, правда, на них мы создавали для себя локальную обстановку праздника: тихонько хлопали пистоны или дули на изящно болтающиеся у сидящей впереди девочки завитки волос (они болтались еще сильнее, а девочка делала вид, что сердится).

Первого же сентября я маялся, стоя в строю в ровных рядах, и абсолютно не слушал торжественных речей директора, завуча и учителей. Я не люблю долго стоять на одном месте до сих пор. А уж тем более — в строю.

Может, мне не повезло со школами (их я сменил три). Свое первое Первое сентября я вообще не помню. Наверное, что-то такое было: мама, папа, цветы и крошечный любопытный я.

Но думаю, дело в том, что я вообще человек не тусовочный. А многие устроены иначе. И для них школьные праздники и прочие коллективные мероприятия очень важны и нужны.

Как обстояло дело с Аленой, помню плохо. Занималась ее воспитанием в основном бывшая жена. Особенно в том, что касалось одежды, прически, бантиков, праздников, выступлений.

В памяти осталось такое воспоминание. Аленушка собирается завтра выступать где-то со своим хором. Нужны белые колготки (так сказала руководительница). Дома белых колготок нет. Есть только красные. Жена и дочка буквально стоят на ушах. Я недоуменно их спрашиваю, нельзя ли надеть красные — ведь они ничем не хуже. Не помню, что мне тогда ответили. Возможно, даже не сочли необходимым отвечать на такие дурацкие и несвоевременные шуточки. А я спрашивал всерьез. Потом уже, много позже, одна знакомая объяснила мне: «Ты только представь, Леша: все на сцене в белых колготках, а одна Алена — в красных! Это ужасно!»

Тима и Коля пошли в меня. В детстве я не замечал в них стремления к коллективным школьным мероприятиям. Правда, на

елки, в театр, в цирк они ходили с радостью. Но это не в школе. Коля как-то в начальной школе один раз сходил на елку, которую устраивали в его классе. Но вернулся без особых восторгов. Сказалось и то, что все ребята друг друга знали, а он был в коллективе чужим.

Маша гораздо больше тянется к идее праздника как к особому событию в жизни. Последние годы она полюбила ходить в тот самый детский музыкальный театр, о котором я писал. Там не только спектакль, но и проход по фойе, и посещение буфета с приглашающей нас знакомой, и светская беседа. Наряд продумывается еще накануне. А на подготовку перед зеркалом выделяется около часа. По крайней мере, мне так кажется.

Наверное, существует масса школ, где проходят замечательные и интересные праздники. Учителя ведь обычно стараются, и часто у них получается очень удачно все организовать. Нас все сие не коснулось. Жаль? Немного жаль. Но зато в нашей жизни были многие другие радости, победы, удачи и праздники, которых не случилось бы, если бы мы жили в обычном школьном режиме.

ЭТИ УЖАСНЫЕ СЛОВА:

«НА ВТОРОЙ ГОД!»

Когда Тима стал учиться в шестом классе, мы начали учебный год с изучения биологии (ботаники). Но отношения с учительницей у него сразу же сильно не сложились. Она была доброжелательным и внимательным, но очень строгим и довольно придирчивым человеком. Во многом был виноват и я: не объяснил ей с самого начала специфики характера Тимоши и его психологических трудностей. И началась нервотрепка.

Мы сдавали биологию по разделам учебника (всего по несколько параграфов за один раз). Но дело не клеилось. Учительница вела себя вежливо, но жестко. Она даже снижала Тиме оценку сразу на балл за орфографические ошибки (когда он пи-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

сал определения). И в результате Тима наотрез отказался ходить к ней на зачеты, хотя к тому времени изучил весь учебник на «пять с плюсом».

Я не злился на учительницу. И не жаловался на нее завучу или директору. Я просто понял, что в данной ситуации мы не успеем уложиться в учебный год с изучением всех необходимых предметов. Ведь еще надо было заниматься с Колей. А с Тимой мы вообще не двинулись со сдачей дальше второй главы учебника, хотя дело уже шло к Новому году. А еще была маленькая Маша. И куча других сложностей по жизни.

Поэтому я пошел к директору и написал заявление с просьбой оставить Тиму на второй год планово — по семейным обстоятельствам. Директор подписала заявление. И нервотрепка окончилась.

Как ни странно, все оказалось к лучшему.

Тима понял, что папины угрозы и предупреждения о возможности остаться на второй год, если он не будет нормально учиться, — не пустая выдумка, а реальность. Он получил отрицательную обратную связь и, думаю, сделал кое-какие выводы, которые благотворно сказались на его дальнейших стараниях в учебе. А то в начальной школе учительница относилась очень терпеливо к его характеру и темпераменту (он, например, мог на экзамене вдруг надуться, покраснеть и наглухо замолчать). Да и папа старался изо всех сил к сынуле приспособиться. А тут тетя попаласть иного типа!

Другой положительный аспект планового оставления на второй год заключался в том, что мы могли спокойно, не торопясь, учитывая тимошкины перебои в желании заниматься, все же радикально подтянуть «хвосты» по многим темам русского языка и дополнительно потренироваться в математике.

Третий «плюс» — отдых. И для Тимы, и для меня. Все же заниматься с ним мы стали много меньше — вот и отдохнули.

Ну а самое главное — теперь Тимоша и Коляша учились в одном классе! Коля пошел в школу, когда ему еще не было семи лет, и поэтому отставал от Тимы всего на один класс. А теперь они сравнялись.

Надо сказать, что ранее (в первом и втором классе) я уговаривал Колю «прыгнуть» через класс — чтобы догнать Тиму. Потому

что учить их по разным программам и водить на зачеты к разным учителям было намного сложнее, чем если бы они учились в одном классе. Коля мог без труда, с учетом его трудолюбия, дисциплинированности и хорошей дошкольной подготовки, справиться за один учебный год с программой двух классов. Но он отказался наотрез.

Но вот с шестого класса моя работа с сыновьями радикально облегчилась — практически вдвое. Да еще возникли дополнительные возможности «обходить» Тимошины выкрутасы, используя участие в процессе гораздо более настроенного на учебу Коли. Да еще и эффект минигруппы в занятиях стал ощущаться весьма существенно.

А что с биологией? На следующий год мы попали к другой учительнице. Она проявила удивительно глубокое и тонкое понимание сложной натуры моего старшего сына. На первый зачет по биологии к ней он шел напряженный и готовый ко всякому плохому. Я предварительно подробно рассказал учительнице о наших трудностях, но все же опасался, что Тима устроит скандал и опозорится.

Как сейчас это помню. Пришли мы втроем, мальчишки сели за парту перед учительским столом, а я — в стороне и сзади, чтобы не мешать. Но был готов включиться в любой момент.

Учительница для начала завела беседу с мальчишками о том о сем. Постепенно они разговорились. Между делом учительница рассказала, что раньше работала в зоопарке. Мои парни оживились. Пошли воспоминания о всяких хищниках в клетках. Словом, так они и трепались. Постепенно разговор как-то естественно перешел к растениям. А потом почему-то сам собой соскользнул именно на те темы, которые ребята готовили к данному зачету.

«Молодцы! — говорит вдруг учительница. — Вы все выучили отлично. Получаете по заслуженной «пятерке». Приходите в следующий раз так же хорошо подготовившись». А они и не заметили. Так работают мастера своего дела. А я сидел и восхищался. Кстати, я тоже не успел отследить, когда она успела все спросить. Потом наедине я высказывал свою благодарность и удивление. А учительница ответила: «Алексей Валерьевич, неужели вы думаете, что после стольких лет работы

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

в школе для меня составляет трудность выяснить, что дети выучили, а что нет?!»

С той учительницей мы постепенно подружились всей семьей. И особенно Тимоха. На зачеты по биологии (вплоть до одиннадцатого класса) он ходил с радостью и энтузиазмом. И оценки мальчишки получали только отличные, хотя спрашивала их учительница досконально и без поблажек. Как объяснил ей потом Тима (окончив школу): «Не то чтобы я очень любил биологию, но очень уж не хотелось вас расстраивать».

Словом, получилось все к лучшему. А уж как меня ругали родственники и знакомые! «Ужас! На второй год! Вот оно — семейное обучение! Доигрался!» — примерно такие были реакции. Правда, не у всех, а лишь у скептиков.

Когда Тима учился в девятом классе, до него дошло наконец, что надо всерьез отнестись к вопросу поступления в вуз — в армию идти ему явно не хотелось. Поэтому он решил «отыграть» упущенный год — чтобы успеть окончить школу в семнадцать лет.

Тимоха приналег на занятия (к тому времени он уже учился в основном сам) и уже в девятом классе успел пройти часть программы десятого класса. Занимался и летом. И в результате потом за один год сдал все и за десятый, и за одиннадцатый класс. Да еще параллельно ходил на подготовительные курсы в университет, куда потом и поступил.

Такая вот вышла история у нас. С тех пор мне кажется, что остаться на второй год (особенно планоно, а не в результате завала экзаменов) — это не страшно. Можно даже пользу немалую извлечь из такой ситуации.

Но все же мы старались на второй год больше не оставаться.

НА ЧТО ЖИТЬ?

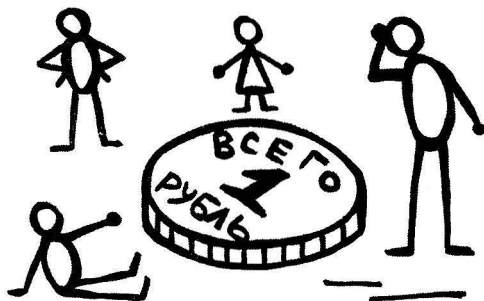
Разумеется, трудно совместить режим семейного обучения сразу трех детей разного возраста, с непростыми характерами, в ситуации неполной семьи — с эффективным зарабатыванием денег. У меня и не получалось.

Я «работал за деньги» только год после окончания Политехнического института. А потом мой папа организовал свое малое предприятие (в сфере радиоэлектроники), а я как раз понял, что меня больше не влечет наука физика, а влечет педагогика. Папа и сказал: «Ну что ж. Буду твоим спонсором. Давай развивай свои обучающе-развивающие методики. Несколько лет я тебе точно даю».

Довольно скоро (сразу после рождения третьего ребенка) у меня начались серьезные проблемы в семье. И я вынужден был полностью засесть дома, занявшись воспитанием детей. В такой ситуации финансовая помощь моего отца была тем более кстати.

Так продолжалось многие годы. Бизнес у папы шел не очень успешно, а потом заглох совсем. Мы кое-как перебивались — скромно, но в пределах необходимого. Помогали и моя мама с отчимом, и другие родственники, знакомые. Иногда перепадала какая-нибудь гуманитарная помощь.

Когда умерла моя мама, а жена и старшая дочка уехали, мы примерно полгода жили на небольшое мамино наследство. А потом пошли самые тяжелые времена. Ни мой папа, ни отчим помочь уже ничем практически не могли. Большинство старых друзей и приятелей занимались своими делами. А родственники меня радикально не понимали — почему я не отправляю детей в школу и не иду работать «как все нормальные люди». Да и не только родственники — вообще мало кто меня понимал.

Но я гнул свою линию. Родственники, знакомые — все они смотрели и судили откуда-то «издалека». А я был рядом со своими детьми и видел ситуацию гораздо глубже и яснее. И видел, что моя линия действий — единственно верная. Сомневался, метался душой, ломал голову, но не видел никакой другой разумной альтернативы. И год за годом продолжал учить детей дома.

Влезал в долги. Временами находились добрые люди, которые просто помогали: деньгами, продуктами, вещами... Иногда получалось что-то подработать, не нарушая тонкого семейного учебно-воспитательного процесса. Меня многие осуждают за такую линию. Но я и сейчас не чувствую в данном отношении угрызений совести. Я не вижу, как мог бы действовать иначе.

Дети, слава Богу, росли физически нормально — питание, хоть и простое, я организовывал достаточно полноценное. Одежды и обуви нам отдавали много. Необходимые туристские принадлежности, художественные краски, игрушки, музыкальные инструменты, аудиотехника, компьютер — все необходимое у нас появлялось (за счет своих сил или за счет помощи других людей).

Со временем я начал заниматься не только со своими детьми. Но лишь эпизодически. И далеко не всегда с ориентацией на достойное вознаграждение. А часто его (вознаграждения) и вовсе не случалось, но зато мы все вместе общались с какой-нибудь семьей, делали нечто полезное, расширяли свой опыт. Словом, практическим коммерческим деловым подходом тут и не пахло.

Довольно долгое время я пребывал в иллюзии того, что мои картины скоро начнут продаваться за большие деньги, и мы тем самым решим все наши финансовые проблемы. Но доход от очень редких продаж моих работ в целом меньше, чем потрачено за эти годы на материалы. Последнее время я уже и не пытаюсь делать из своей живописи коммерцию.

Безденежье жутко давило и угнетало меня психологически. Но я старался не раскисать, а двигаться вперед. Надеялся, что, когда дети вырастут, станет легче. И действительно, сейчас стало легче.

Все это я написал не только затем, чтобы рассказать о нашей жизненной ситуации. Как часто я слышу от родителей: «Ах! Мы

бы с радостью учили своих детей сами! Но ведь надо зарабатывать деньги! Мы же не можем засесть дома, бросив работу. На что же тогда жить?!

Само понятие «на что жить?» разное у разных людей. Мы временами жили на уровне в 3-4 раза ниже прожиточного. Многие годы денег хватало только-только на самые необходимые продукты. И ничего — справились. А для кого-то необходимы дорогие вещи, престижный автомобиль, отдых за границей.

Уж если мы в нашей ситуации могли пятнадцать лет идти таким путем, то что говорить о людях, находящихся в гораздо более благоприятной жизненной ситуации?! Если очень надо, то найти возможности всегда можно.

Ситуация воспитания в очень тяжелых материальных условиях имеет не только отрицательные, но и многие положительные моменты. Вырабатывается терпение, смирение, разумное и ответственное отношение к деньгам и покупкам. Вырабатывается чувство собственного достоинства, не зависящее от уровня финансового благосостояния. Человек с ранних лет учится добиваться желаемого не только за счет кошелька родителей, но и за счет своих личных усилий (например, не купить гитару, а самому собрать хороший инструмент из остатков старых гитар). Тема, словом, весьма серьезная. В моей книге «Воспитание и обучение не по стандарту» есть глава об этом.

Но мне не хочется никого пугать. Совершенно не обязательно, реализуя путь семейного обучения, впадать в нищету. Если один из родителей работает, нормально обеспечивая семью, а другой занимается с детьми, то какие проблемы?

И завершить мне хочется такой вот мыслью. Если бы я ходил на работу, а дети мои учились бы в школе, то для того, чтобы дать им образование и воспитание на таком уровне, какое они получили, мне пришлось бы платить не одну тысячу долларов в месяц. То есть можно считать, что я эти деньги как будто бы заработал и потратил на оплату частных школ, гувернеров, психологов, репетиторов, дорогих студий, детских развлекательно-обучающих лагерей и всего такого прочего. Поскольку, по сути, у нас все это было.

НЕХВАТКА

КВАЛИФИКАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ

Многие мамы говорят: «Я хотела бы учить своего ребенка дома, но у меня нет необходимых знаний, нет нужной квалификации». И действительно, тут заключена самая серьезная проблема в семейном обучении.

Педагогическая работа вообще не каждому подходит по складу характера. Причем дело не только в знаниях по конкретным школьным предметам. Ведь далеко не одно и то же: знать физику и уметь эту физику преподать пареньку лет тринадцати, который не желает учиться, а предпочитает глядеть в окно, бегать во дворе или играть в компьютерную игру.

Но хочется обратить внимание вот на что. Работающие в школе учителя тоже ведь не сразу умели преподавать и управляться с классом. Многие из них говорили мне, что в плане практических навыков педагогическое образование в вузе им вообще ничего не дало — все приобретали на опыте работы. Кому-то повезло больше, и он пришел в школу хорошо подготовленным, но все равно работать с детьми трудно.

Я приобретал педагогическую квалификацию постепенно — в практике ежедневного обучения своих детей (а потом и других), в общении с детьми и подростками, в разнообразных совместных играх и делах.

По-моему, дело не в исходной квалификации, а в том, любит ли человек детей, интересно ли ему с ними, готов ли он с ними возиться, готов ли потратить существенную часть своего времени и своих сил на воспитание и обучение подрастающих разнообразных и непростых личностей. Если все это присутствует, то в любом случае процесс взаимодействия взрослого и детей будет живым и полезным. А опыт и квалификация придут со временем.

Как я уже писал, если делать акцент на самостоятельные занятия, то родителям совсем не обязательно быть специалистами по всем предметам. В конце концов, всегда существует возмож-

ность изучить курс самому, прежде чем преподавать его своим детям. Я иногда примерно так и поступаю (многое ведь забыл со школьных времен).

Но все же нехватка квалификации — вещь объективная. Я не смог дать своим детям по многим предметам того качества знаний, которого хотелось бы. Например, по английскому, по русскому, по литературе, по истории. Ведь «пятерка» в обычной школе — это далеко не предел уровня знания предмета.

Преподавание в начальной школе мне кажется элементарным. По сути, продолжают дошкольные развивающие занятия, только в более планомерной и организованной форме.

А вот потом все усложняется. Предметов много, каждый из них имеет свою специфику, свою внутреннюю логику, свой стиль передачи информации.

Если бы у меня было много денег, то я бы нанимал для своих детей педагогов — в удобном для нашего семейного процесса режиме. В первую очередь, по английскому и русскому.

Иногда у нас получалось привлечь кого-нибудь из знакомых для учебной помощи — не за деньги, а по дружбе. Так Коля одно время ходил заниматься английским к пожилой женщине из церкви — раньше она работала преподавателем. А биологией с Тимой, Колей и Машей много занималась та самая наша знакомая учительница. В старших классах мальчишкам помогала по телефону другая знакомая, хорошо знающая английский язык. В седьмом классе у Маши возникла возможность изучать английский с индивидуальным преподавателем по Интернету.

Никогда не отказывали нам в совете и педагоги нашей школы. Я довольно часто консультировался у них по поводу преподавания тех или иных тем, по поводу общих и частных требований, по поводу методических приемов... А иногда они просто объясняли кому-то из моих детей непонятный материал. Ведь если ученик в целом подготовился хорошо, имеет солидную базу, то помочь ему разобраться в непонятном вопросе — дело не такое уж долгое и сложное. Обычно хватает 15–20 минут.

В младших и в средних классах я обычно присутствовал на зачетах и экзаменах или ждал за дверью. И поэтому всегда мог выяснить, что мы не доработали, что упустили, где я ошибся. И учесть все это на будущее.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Книжек по школьной педагогике я не читал вообще ни одной. Даже в голову не приходило.

Но хочется сказать и о другом. Для меня педагогика — это на 75% психология. Меня волнуют не методики подачи материала, а психологические аспекты взаимодействия с ребенком, с подростком. И психологию я изучал и изучаю весьма серьезно — опять же, с точки зрения нужд практики, с точки зрения возникающих конкретных задач.

Если говорить глобально, то компенсацией нехватки педагогической квалификации является родительская любовь, помноженная на персональное внимание. Плюс готовность родителя учиться новому.

В школе даже очень высококвалифицированный, очень любящий детей и полный душевных и физических сил педагог далеко не всегда может обеспечить высокое качество знаний каждому ученику. Мы все видим, что происходит в современной массовой школе: многие дети почти не учатся, а просто валяют дурака. Мне вообще кажется, что сейчас потенциал школьных педагогов в среднем реализуется лишь на 20–30%.

БЫТЬ ОРГАНИЗОВАННЫМ

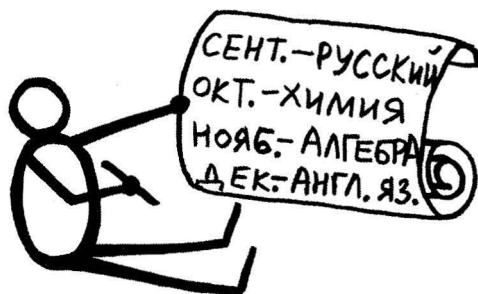
Однажды по телефону какая-то журналистка спросила меня, в чем главная причина неудач в реализации семейного обучения у моих знакомых. И как-то сразу, не задумываясь, получилось ответить: «Неорганизованность родителей». Потом, подумав, я понял, что лучше и не скажешь.

Ведь как устроена школа? Там все организовано: расписание, программа, сроки, требования — все четко определено. Мы можем говорить о том, что эта организация далеко не оптимальна, о том, что часто она мешает творческой свободе педагога, о том, что она не учитывает индивидуальные особенности каждого конкретного ребенка или подростка. Но все же организация учебного процесса существует. И ее роль очень важна.

Этот момент крайне необходимо понимать родителю, взявшему на себя ответственность за обучение своих детей. Он должен взять на себя не только функции преподавателей всех предметов, но и функции завуча (составление расписания занятий и экзаменов), директора (общий контроль за процессом), методиста (выбор средств обучения), составителя программы, автора учебника. Конечно, масштабы другие — семейные. Но и родителей всего один или два.

У меня организация не жесткая, а максимально гибкая, не схематично-логическая, а преимущественно интуитивная. Это связано со спецификой моей личности — так мне удобно.

В начале каждого учебного года я продумываю весь процесс: с каких предметов начнем, какие будем изучать потом, сколько примерно месяцев выделить на каждый предмет... Разумеется, я имею в виду, что дела могут пойти не совсем гладко: усвоение материала затянется, учительница в школе может отложить зачет на большой срок, я могу заболеть, дети могут заболеть, изменятся какие-то внешние обстоятельства (например, я буду сильно занят чем-то другим). Всего не предусмотреть. И мы никогда не знаем точно, как все пойдет. Но учесть возможности вариаций при выполнении предварительного плана просто необходимо.

Далее начинается непосредственная организация учебного процесса в ходе учебы. Я оцениваю, как мы будем изучать предмет: в ходе ежедневных занятий, в режиме самостоятельного

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

чтения учебника, в режиме выполнения надомных зачетных заданий (например, чертежи по черчению или сочинения по литературе), в режиме самостоятельной работы по учебнику с параллельным решением заданий (так мы изучали физику и химию). Тут же оцениваю, как удобнее сдавать: сразу весь курс или по частям.

Я все время отслеживаю, как идет процесс. Я помню все время, что у нас есть контрольная точка — конец учебного года. И мы должны уложиться. Поэтому я могу где-то интенсифицировать учебу, а где-то дать слабину, отдых — с учетом того, как реально идут дела.

Перед зачетами, контрольными, экзаменами я всегда четко договариваюсь с учителями о времени, о всех необходимых принадлежностях, о возможных сдвигах дня или часа. Привожу детей всегда заранее. И всегда готов, что что-нибудь может измениться.

Однажды пришли сдавать экзамен, а школа оцеплена милицией — какой-то хулиган позвонил и предупредил о якобы заложенной бомбе. Пришлось сдавать в другой день.

А бывает у педагога срочное совещание. И все переносится. Я понимаю, что это часть условий игры. Как вдруг пошедший дождь в природе.

Наш учебный процесс движется по-разному. С Тимой и Колей в начальной и средней школе мы регулярно с трудом укладывались в учебный год. С Машей — наоборот. В начальной школе я мог начать с ней заниматься в октябре или даже в ноябре, а закончить сдачу всех зачетов, контрольных, заданий и экзаменов уже в апреле. В чем разница? Да просто девочка она послушная и не мотает мне нервы во время учебы, как мотали сыновья.

Но вот я привык, что с Машей все идет легко, а в шестом классе просчитался. Математика вдруг пошла неожиданно туго — все никак не удавалось добиться устойчивого знания. Да и с русским мы «заплюхались». Пришлось в мае попотеть, пока все подготовили хорошо.

Летом мы не занимаемся. Полный отдых.

Но в течение учебного года тоже ведь обязательно нужно делать выходные и каникулы. Их надо учесть, планируя весь процесс. Я и сам не трудоголик, и детей своих не заставляю пахать

без перерыва. После хорошего отдыха и учеба веселее идет.

А как спланировать учебный день? Когда начать и когда завершать занятия? Какие сделать перерывы? Как увязать все с другими делами? Все должно находиться под контролем. У меня контроль — мягкий, интуитивный, поддерживающий. Но, смею вас заверить: не менее четкий и внимательный, чем у более логичных и жестких педагогов.

Итак, организованность, организованность и еще раз организованность!

ИЗБЫТОЧНАЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Поговорив с одним очень опытным многодетным папой, участвовавшим к тому же в воспитании огромного числа племянников, я решил написать данную главу. Поймите, мне страшно, что, прочитав мою книгу, многие родители «ринутся в бой», не имея некоторых существенных организаторских и педагогических качеств.

Я всегда стою за трезвую самооценку. Конечно, она не может зиждиться на советах и мнениях окружающих — особенно в таком личностном деле, каким является семейное обучение. И некоторая доля самоуверенности, безусловно, не повредит. А иначе как же?

Но где-то есть грань, за которой самоуверенность уже делается избыточной. Если человек считает, что ему «море по колено», что он очень крутой и очень умный, то для меня тут всегда сигнал: что-то не так! В любом случае, у такого человека нарушена адекватная оценка текущей педагогической ситуации и своих возможностей по управлению ей.

Сам я всегда помню, что «человек предполагает, а Бог располагает». Моих возможностей и умений может не хватить. Я могу не справиться и завалить весь процесс. Могут возникнуть непредвиденные фундаментальные трудности — все равно какого

типа. Я принимаю на себя ответственность и двигаюсь вперед, но всегда готов к отступлению. И прямо скажу: отступать в реальном процессе семейного обучения приходится очень часто!

Возможно, моя общая физическая болезненность и хилость, крайне малое количество душевных и физических сил сыграли тут позитивную роль. Я привык не переоценивать свои силы. Наоборот, их регулярно катастрофически не хватало — и я делал гораздо меньше, чем хотел бы (в том числе и в конкретной учебе со своими детьми).

В интеллектуальной сфере я ощущаю себя вполне уверенно. Но ведь научить ребенка — это особая история! Бывало, месяцами я двигался с большим трудом, столкнувшись с какими-то проблемами в усвоении моими детьми того или иного материала.

На мой взгляд, избыточно самоуверенный родитель, взявшийся учить своих детей дома, очень рискует недооценить перспективные трудности. А они точно будут!

Конечно, у всех разные характеры. Я по натуре совсем не склонен к риску, я склонен к перестраховке, к осторожности и предусмотрительности. Хотя всего, разумеется, не предусмотритишь.

Но есть и люди совершенно иного типа — которые предпочитают сразу «ввязаться в бой», а потом уж решать возникающие проблемы.

Наверное, прочитав эту главу, многие скажут, что я сам слишком самоуверен — решил, что смогу выучить своих детей лучше, чем если бы они ходили в школу. Кое-кто скажет, что я сам неадекватен, что все мои «эксперименты над собственными детьми» еще аукнутся, что они мне потом «спасибо» не скажут...

Посему я остерегаюсь категорично судить кого-либо или давать советы. Я просто описываю свой опыт. Думаю, каждый взрослый человек может сам решить, какая дозировка самоуверенности в его конкретной ситуации целесообразна. По-моему, это и есть самое оптимальное.

ВОСПРИНЯТЬ РОДИТЕЛЯ КАК УЧИТЕЛЯ

Часто родители жалуются, что их дети с посторонним человеком готовы заниматься, а маму с папой не слушаются, не воспринимают как учителей. У меня такой проблемы не было. Мне даже в голову не приходило, что мои дети могут не захотеть со мной заниматься. Да собственно, не захотят — мне же и легче! Иди, ради Бога, в школу! Или сам учись — я только порадуюсь!

Я ставил вопрос очень четко и однозначно: «Если не хочешь меня слушаться — думай сам, а я уже не участвую. И я ведь не претендую на то, что мои методы преподавания — самые удачные. Возможно, у тебя самого, сыночек, получится гораздо лучше!»

Принцип свободы. Вот на что я опираюсь в поддержании дисциплины. Даже с буйным и строптивым Тимохой мы постепенно вошли в нормальный режим. Но в других семьях, где родители брались учить детей дома, я видел плохую дисциплину. Чаще всего — полный бардак и беспредел. А когда я пытался таким семьям помочь, то тоже ничего особо путного не выходило.

То есть, дело сие трудное. И я нервов своих измотал очень

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

много. В восьмом классе мои сыновья довели меня до почти ежедневных сердечных приступов — так трудно было направлять их в русло учебы (а объемы информации и требования ведь год за годом растут). И я даже подумал, что лучше уж пусть они не учатся, чем я умру от инфаркта и оставлю своих детей сиротами. Ну, пойдут в армию. Ну, не получают хорошего образования. Все равно я уже не мог их дальше заставлять, не мог больше к ним приспособливаться. И я плюнул и сказал: «Учитесь, как хотите. А я больше вас не трогаю». И, о чудо, Тима и Коля вдруг резко взяли за ум! И все наладилось: они взяли учебу под собственный контроль, а я лишь помогал в том, в чем они просили, и приглядывал за процессом, иногда что-то советовал.

Зато теперь с Машей я просто отдыхаю. У нее послушный характер. Да еще и меня не хочет расстраивать — жалеет потрепанного жизнью папу. Так что вопрос о дисциплине просто не стоит.

Когда я пытаюсь помогать двоечникам и разгильдиям из других семей, то сразу же ставлю вопрос о дисциплине очень жестко: если начинаются всякие кривляния, то я просто прекращаю все занятия. Я ведь не за деньги работаю, а за интерес, за правду, из желания помочь. И прекрасно дети и подростки понимают. И не только в учебе так.

Помню, однажды я взял к нам на дачу в компанию к Маше ее подружку. Первые пару дней все шло нормально. Но потом девочка привыкла, решила, что я добрый дядя, и начала распускаться. Я тут же уловил этот момент (дело было, когда мы втроем сидели за столом на веранде) добавил в голос металла и низких частот, «вытаращил глаза» и очень жестким тоном объяснил восьмилетней капризуле, что меня нужно слушаться с полуслова, с полужвука. И что я не останюсь и перед физическими методами воздействия, а уж к родителям отправлю тут же. И больше никогда с нами на дачу не возьму.

Девонька тут же все поняла и далее вела себя идеально. Хочу сказать, что я действительно не постеснялся бы ее отшлепать или поставить в угол. Все лучше, чем она бы начала баловаться и не слушаться в лесу или на озере. Лучше уж получить по попе, чем в озере утонуть или в лесу заблудиться. Правда?

К слову сказать, Машу я почти никогда не наказывал. Однажды поставил в угол минут на десять, а потом целый час на руках

носил и утешал, рассказывая сказки. А вот Тиму и Колю шлепать приходилось. И в углах они провели немало времени в раннем детстве (потом сие уже неуместно, по-моему). Но все это не из-за плохой учебы, а из-за их постоянных драк друг с другом и вообще хулиганства.

В целом я не мастер поддерживать идеальную дисциплину. Тут уже не психология и не интуиция, а просто не умею народ «строить».

ТЯЖЕЛО

Лично мне не так уж трудно преподавать своим детям тот или иной предмет. Мне гораздо проще объяснить главу по физике, чем сварить суп или сделать уборку в квартире. Мне интересно искать новые подходы в преподавании, интересно качественно строить весь процесс.

Конечно, я устаю. Больше, чем 3-4 концентрированных урока в день, мне провести тяжело. Но больше и не нужно. А обычно нужно меньше.

Общий контроль и организация процесса тоже требуют внимания и душевных сил. И совсем не так уж мало, как может показаться со стороны. Надо ведь и в школу сходить с учителем переговорить, и о времени и условиях сдачи договориться, и ребенка туда проводить, и результаты с учителем обсудить. И так по каждому предмету, по каждому заданию.

Очень много душевных сил, как я уже говорил, отнимали у меня «разборки» с сыновьями по поводу их отлынивания от занятий, а также по поводу их постоянных конфликтов между собой.

Трудно было не просто учить своих детей, а в целом организовывать всю семейную жизнь: быт, лечение во время болезней, общение, поездки на дачу. Одна стирка чего стоит. Долгие годы мы стирали вручную. Потом стали стирать у знакомых — у кого есть автоматическая стиральная машина. Но ведь это тоже целое дело.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Тяжело жить без денег.

Тяжело растить детей без матери.

Тяжело, когда тебя не понимают многие близкие. Когда выглядишь в глазах многих людей придурком, чудаком, лентяем...

Правда, педагоги в нашей школе меня всегда хвалили. Уж они-то могли видеть и оценить мою работу и ее результаты.

Добавило сложностей и мое чрезвычайно хилое здоровье: обилие хронических заболеваний, общая слабость нервной и физической организации, очень плохое зрение... Периодами у меня было так мало сил, что я вообще целыми днями не мог ничего делать, а только отлеживался с книжкой (или глядя в потолок). Когда силы снова появлялись, начинал что-то делать: заниматься с детьми учебой или готовить обед. Годами я тащил себя по жизни, стиснув зубы и заставляя себя двигаться.

Случались, конечно, и светлые периоды. И было их немало. Занятия живописью сразу же стали давать мне удивительную энергию. Много черпаю и в общении с Природой: в лесу, на озере, в парке, во дворе... Вдохновенное литературное творчество тоже дает радость. И, конечно, воодушевляет сознание того, что я делаю настоящее дело — воспитываю и учу детей.

Когда Тима поступил в университет, стало легче. Когда через год поступил Коля — еще легче. Да еще нашелся круг единомышленников-педагогов, стали издаваться мои книги — сразу в двух издательствах и не по одной, а сериями. Силы стали понемножку восстанавливаться. Жить стало веселее.

И в самые трудные времена находились люди, помогавшие нам. Моральная поддержка была не менее важна, чем материальная. Без их помощи я не выстоял бы, не смог бы одолеть столь трудный путь.

Конечно, всех интересуется, не пытался ли я заново создать полноценную семью. Пытался. Трижды. Но ничего хорошего не получалось. Я не мог найти мать своим детям. А иначе — какой смысл? Поэтому приходилось быстро расставаться (каждый раз по моей инициативе).

Ну так вот к чему все это нытье. Если уж у меня получилось, с божьей помощью, то почему у других не может получиться семейное обучение?! Ведь большинство людей находятся в гораздо более благоприятных условиях. Когда мне говорят, что тяжело,

мол, то я только мудро ухмыляюсь. А мне разве легко было?!

Но я вот еще что думаю. Для каждого человека есть трудности преодолимые, а есть непреодолимые. Мне было бы не по силам водить самолет или работать в спецназе, делать хирургические операции или заниматься программированием. Даже в школе не выдержал бы работать преподавателем! А вот те трудности, с которыми столкнулся в процессе реализации нашего семейного воспитательно-учебного проекта, оказались мне по силам. На пределе, но по силам.

Словом, нужно трезво оценить свои возможности. И, по моему, лучше не браться за семейное обучение, чем взяться и сделать все плохо и коряво.

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Часто спрашивают: «Как вы решились?!» Решиться-то было вовсе не трудно. Я даже не помню никаких особых колебаний при начале нашего семейного учебного процесса. Ведь, собственно, что страшного? Не получится — всегда можно в школу пойти. А потом уже и совсем не было страшно — видели, что все у нас получается. Год за годом уверенность в себе только крепла.

С самого начала я отдавал себе отчет, что не просто преподаю своим детям школьные предметы, а беру на себя всю полноту ответственности за их школьное образование. Школа в такой ситуации является только помощником.

Педагогической свободы оказывается много потому, что и ответственности на мне много. Свобода невозможна без ответственности.

Я отвечаю (не формально-профессионально-юридически, а неформально-внутренне-психологически) за гораздо большее, чем традиционно возложено на школьного учителя. Соответственно, и свобода моя как педагога намного больше.

Это все и в мелочах, и в крупном. Учительница в школе не отвечает за оптимальный режим занятий. Даже завуч и директор за это не отвечают. Сколько положено выделять на урок и на

перемену, установлено вышестоящим руководством. Соответственно, учительница и не может быть свободна в подборе наиболее благоприятного ритма уроков в течение дня.

Так же и в формах преподавания. Я обладаю тут максимумом свободы, потому что сам и отвечаю, и контролирую, и оцениваю эффективность. А в школе учитель должен работать по утвержденным методикам, должен вести урок строго определенным образом — за все это отвечает, по сути, не он, а начальство.

Конечно, учителю в школе тоже приходится нести немалый груз ответственности — учеников-то о-го-го сколько! Да и отвечать за чужих детей во многом сложнее, чем за своих.

Мне кажется, в ситуации семейного обучения родитель должен очень хорошо понимать, что берет на себя именно всю ответственность. А то ведь всегда есть внутреннее стремление понадеяться на кого-то другого: на учителя, на завуча, на авторов учебника.

Кстати, тут заключается одна из очень распространенных проблем и при обычном обучении в школе. Педагоги все время жалуются, что родители часто совсем не хотят брать на себя заботу и ответственность за учебу своих детей, а перекладывают все на педагогов.

Такая вот философия. Если мы хотим педагогической свободы, то мы должны брать на себя ответственность.

А КАК В ДРУГИХ СЕМЬЯХ?

Мой опыт помощи другим семьям в организации семейного обучения невелик. И не очень удачен. Всего пять мальчиков и девочек — из четырех семей. Обращались за консультацией существенно больше, но лишь в качестве разового общения. А близко я мог изучить лишь те четыре случая.

Что общего? У всех переход на семейное обучение произошел в связи с серьезными проблемами в школе — учебными и во взаимоотношениях с одноклассниками и педагогами. То есть исходный уровень знаний был не очень хороший. И в семьях были

проблемы — в каждой свои. Я помогал лишь частично, я не брал на себя обучение ребенка по всем предметам. Родители со своей долей преподавания справлялись плохо. Я тоже далеко не лучшим образом преподавал в режиме эпизодического общения (дома мы ведь целый день вместе с детьми, а тут встречаемся на 2-3 часа). В итоге получалось так себе.

В первом случае я уговорил маму двоих сестричек поучить их дома хотя бы один год. Я был полон оптимизма помочь им совершить перелом в учебе. Тогда мы еще жили вшестером. Алена дружила с теми девочками, мы часто общались семьями. И жили не очень далеко друг от друга. Мама девочек даже собиралась частично учить Алену — чтобы был совместный процесс.

Перелом в учебе совершить не удалось. Зато сестрички отдохнули от школы, переросли многие свои проблемы, а потом, сменив место обучения, нормально продолжали свое образование. То есть задача-минимум была решена.

Потом обратились родители паренька из нашей школы — их сынуля начал глобально прогуливать, и классный руководитель посоветовала попробовать учить его дома самим. Я подробно рассказал о своем опыте. Там были мама, папа, бабушка и старшая сестра-студентка — все люди образованные. Поэтому моя помощь ограничилась только эпизодическими разговорами. Да вот физику парню немного объяснял.

Тоже ничего путного не вышло. Почему? Парень был весьма сложный. А возраст — уже тринадцать лет. Трудно устанавливать правильный психологический контакт в таком возрасте. Особенно, когда многое упущено.

Потом ко мне обратилась мама одиннадцатилетнего мальчишки. Он стал ежедневно к нам приезжать и проводить у нас полдня. За это время мы учились с ним два раза по полчаса. Остальное время он общался с моими детьми, читал книжки, лазал по спорткомплексу. Еще он привозил в карманах двух декоративных крыс — братьев Гошу и Тошу. Словом, было довольно весело. А еще мы вчетвером ходили в гости в его семью. Его мама-парикмахер стригла нас и угощала вкусной едой. А его умный папа рассказывал нам множество интересных вещей.

Но все же дело довольно быстро заглохло. Прозанимались мы так пару месяцев — до конца учебного года. А на следую-

щий год парню сменили школу. И он уже туда ходил. А встречаться (по учебе и просто по дружбе) мы с их семьей продолжаем до сих пор.

Проанализировав те три случая, я понял: причина неудач заключается в том, что мне трудно помочь ребенку (подростку) в ситуации лишь эпизодического общения (всего несколько часов, да и то не каждый день). И решил больше не браться за подобные ситуации. Отдельные занятия по физике или математике по отдельным темам — другое дело. А вот осуществление всей системы семейного обучения вне своей семьи у меня не выходит.

ПОЛНЫЙ И СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ ПРОВАЛ. НО...

Последний раз, когда я взялся помогать учиться дома ребенку из другой семьи, все сложилось совсем неудачно. Пожалуй, это самая радикальная неудача за всю мою педагогическую практику.

А начиналось все очень оптимистично. Я был на 100% уверен в успехе (вот тебе и интуиция!): предполагал привести за один учебный год в чувство переставшую хорошо учиться и начавшую прогуливать и хулиганить девочку.

Почему я взялся? Основная причина — Машка скучала. Братья-то оба поступили в вузы. И у них теперь своя жизнь. А тут девочка прямо из нашей школы, ровесница Маше, живет в соседнем доме, даже знакомы немного раньше были. И мама с пониманием отнеслась к идее семейного обучения, изъявила готовность делать все от нее зависящее, дабы помочь делу. Сама девочка, разумеется, с энтузиазмом согласилась учиться дома и пообещала меня слушаться.

Я решил, что она просто будет проводить у нас в семье целый день — до прихода мамы с работы. И учить ее планировал прямо вместе с Машей — как в свое время Тиму с Колей. Договорился

в школе о том, что девочки вместе будут сдавать зачеты и экзамены. И предупредил новую ученицу: «Будешь валять дурака — сразу же пойдешь в школу!»

Первый месяц я посвятил занятиям английским и математикой — надо было хоть в какой-то степени подтянуть ее к уровню подготовки Маши. Дела двигались хорошо. Даже обнаружились до того где-то прятавшиеся математические способности. По дисциплине вопросов не возникало.

Маша была очень рада новой подружке. Они вместе играли с нашими домашними любимцами-грызунами, лазали по спорт-комплексу, вели долгие разговоры, ходили вместе гулять... Иногда я предпринимал с ними дальние прогулки — была теплая осень, погода нас радовала.

Девочка с интересом включилась в стиль жизни нашей семьи, немного помогала по хозяйству (вместе с Машей), общалась с Тимой и Колей, участвовала в работе над картинами, слушала чтение вслух моих книжек. То есть у меня как бы появилась еще одна дочка и я применил к ней весь накопленный арсенал моих педагогических методов.

На выходные дни мама этой девочки брала Машу к ним домой, где девчонки тоже не скучали, ла еще и питались повкуснее. Иногда они ездили по городу. А я отдыхал от забот по воспитанию и обучению и радовался, что так удачно все сложилось.

Надо сказать, что педагоги в нашей школе с самого начала с большим скептицизмом отнеслись к моему такому начинанию. Но, в то же время, были очень рады, что я взял на себя груз забот по обучению той девчушки. Потому как учителей в школе она «достала» радикально. Они ее, конечно, жалели, но сделать в условиях школы ничего не могли.

Маше я продлил каникулы на месяц, чему она была весьма рада. Я не сомневался, что мы легко наверстаем упущенное время. Ведь впереди маячил особый тонус занятий в минигруппе. Да и вообще мне казалось, что начался новый этап моего семейно-обучающего проекта: теперь я буду учить детей из других семей, беря их в семью и организуя небольшой коллектив. А там, глядишь, и их родителей удастся подключить к семейному процессу. Такие радужные и долгожданные перспективы.

Но вот мы начали учиться вместе. Занятия математикой

шли «на ура». Моя новая ученица успевала соображать быстрее Маши, когда я объяснял новый материал. Маша старалась за ней успеть. Я обоих подбадривал. Дело шло весело. За очень короткий срок мы одолели по первому заходу почти весь курс математики за шестой класс. Оставалось потренироваться во всех деталях, добиться устойчивого навыка. Но это уже гораздо проще, чем сформировать понимание принципиально новых тем.

Договорились со знакомой учительницей биологии, что начнем учить и сдавать ей ботанику — по несколько параграфов за один раз. Добрая женщина готова была не пожалеть времени, дабы помочь моей новой ученице преодолеть сложившиеся привычно-негативные отношения со школьной учебой. Одновременно решили потихоньку читать необходимые произведения по литературе.

И тут почему-то все пошло вкривь и вкось. Я даже не понимаю, в чем была конкретная причина. Девочка стала заниматься все хуже и хуже. На зачетах по ботанике надувалась и отмалчивалась. Зачет по литературе вообще прошел ужасно. То есть не прошел, так как учительница материал не зачла. С занятиями дома пошла какая-то тягомотина.

Дальше — хуже. Девочка стала злиться на Машу, которая занималась старательно и успешно сдавала зачеты. Пошли всякие фокусы и выкрутасы в поведении. Отношения стали портиться.

Я решил разделить обучение девочек. Тем более что они уже не так сильно дружили. Мои нагрузки сразу возросли вдвое. И

появилась постоянная головная боль: что бы такого придумать? Пытался подключить маму девочки к обучению маленькой упрямыцы. Но мама действовала настолько бестолково, что получалось только хуже. Хотя она и просила у меня четких инструкций, но даже когда я ухитрялся перебороть свою интуитивную природу и четко, логично, внятно сформулировать алгоритм необходимых действий, мама все выполняла как-то совсем не так.

Я не считал, что могу в данной ситуации просто отказаться им помогать, ведь я взял на себя определенную ответственность. События развернулись вовсе не в том ключе, как я предполагал, но что ж поделаешь?! Отбросив мечты за один учебный год совершить педагогическое чудо (превратить двоечницу и хулиганку в отличницу с нормальным поведением), я пытался сделать хотя бы что-то позитивное, какой-то минимум. Да ведь и учебный год девочке нужно было завершить.

Множество факторов осложняли обстановку. По этическими соображениям, я не буду все их перечислять. Скажу лишь, что мне не удалось убедить маму той девочки изменить очень существенные моменты в ее родительской линии воспитания. Да еще общая ситуация в их семье в тот год была крайне сложной: долго тяжело болела, а потом умерла старенькая бабушка.

Так или иначе, до конца учебного года мне пришлось участвовать в процессе обучения. Девочка училась все хуже и хуже, временами не приходила ко мне на занятия в оговоренное время (одновременно информируя маму, что она у меня на уроке), а уж опаздывала постоянно. С Машей у них отношения практически «расклеились».

Я оказался в сложной ситуации, так как было много других дел и забот. И еще из-за такого неудачного развития событий мы с Машей затянули изучение математики и русского языка. У меня просто не хватало душевных сил на все. Тем более что я в тот период помогал по учебе еще двум ребятам, у которых тоже проблем оказалось много.

Чем все завершилось? Кое-как та девочка закончила учебный год на «тройки». Я не сумел ни доброго дела сделать, ни денег заработать (в их семье материальное положение плохое, поэтому они не могли меня адекватно отблагодарить; но это оговаривалось с самого начала). Зато я получил массу впечатлений. И Маше

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

какое-то время было повеселее. Да вот мог еще себя успокаивать мыслью, что все же что-то полезное сумел передать той девчужке. Но как сие объективно оценить?

Такой сокрушительный провал (хотя я уже успел накопить изрядный опыт обучения и воспитания детей в условиях семьи) дал мне возможность гораздо более трезво и объективно взглянуть на семейное обучение. Я увидел, что в ряде случаев оно бессильно перед лицом семейных, психологических и иных сложностей. Не все по силам преисполненному энтузиазмом и решимостью родителю-педагогу. И главное: не всегда личность ребенка приемлет такой путь.

И опять вопрос о свободе. В какой-то момент (примерно месяца через два с половиной после начала учебного года) я почувствовал, что мою новую ученицу уже не так привлекает новый для нее путь. Она поняла, что ей необходимо будет меняться, если она хочет ему следовать. А меняться не захотелось. Собственно, вся остальная история представляла собой многомесячную агонию с множеством неудавшихся попыток повернуть на конструктивные рельсы.

Вопрос внутреннего выбора ученика очень важен. Мы, по сути, никак не можем на него повлиять. Мы можем лишь немного помочь, показать возможности, взять на себя труды по внешней организации всего процесса. Но в глубине своей души каждый человек абсолютно, божественно свободен. Он совершает выбор — и никто другой. Как бы нам ни хотелось повлиять на этот выбор в сторону, кажущуюся нам «правильной».

При семейном обучении данный аспект особенно важен. Ведь в школу человек может ходить, не беря при этом на себя никакой ответственности за результаты своей учебы. Вот и свобода его в таких условиях минимальна. А обучаясь дома (да еще с упором на самостоятельность занятий!), человек должен реально брать на себя ответственность, он должен чувствовать себя тем, кто принял решение учиться так, а не иначе. И он приобретает гораздо большую свободу в учебе.

Мои дети хулиганили, отлынивали, буянили, но при всем при том я видел, что они все же внутренне сделали выбор учиться дома, учиться ответственно и достаточно хорошо. А как только Алена и Коля решали ходить в школу, то я им не препятствовал. И

Машу отпущу, конечно, если она соберется учиться в коллективе.

Анализируя свои многочисленные контакты с двоечниками, которым я понемногу помогал, и с их родителями, я понял, что дело не только и не столько в «плохих учителях» и в «плохой системе образования». Дело еще в личном внутреннем выборе каждого конкретного ученика — от первоклашки до выпускника школы. Да и в личном внутреннем выборе каждого родителя.

Вторая основная причина данного моего провала с той девочкой, как я понял, заключалась в существенной разнице внутрисемейных укладов, общих семейных установок, реальных стилей действий. Я не говорю, что у нас — лучше, а у них — хуже. Нет. Просто различия настолько существенны, что объединения в одну нормально функционирующую систему не могло произойти. Причем вначале работали интерес, фактор новизны и внешнее сходство, а глубинные несоответствия проявились лишь со временем.

Мне кажется, что без данной главы сия книга была бы крайне неполной. Так что, наверное, не зря потрачено столько времени, сил и нервов на такую закончившуюся абсолютной неудачей попытку совершить педагогическое чудо. Чуда не произошло.

Но начался следующий учебный год. В октябре мы с Машей сдавали в школе зачет. Я разговорился с учительницей, зашла речь о той самой девочке. Выяснилось, что теперь она не пропускает школу, дружит с ребятами, нормально себя ведет и не так уж плохо учится. Учителя по всем предметам отмечают в ней радикальную перемену к лучшему. И мне стало веселее. Получается, что я неправильно назвал данную главу. Я ее писал летом, когда еще были свежи воспоминания обо всей этой истории, а конец (после слова «Но») дописал лишь через полгода. Ну, пусть уж будет такое название. Но все-таки, какая адская это была работа!

ОТДЕЛЬНЫЕ НЕДОЧЕТЫ

Их, разумеется, много. Я перечислю лишь некоторые — те, которых вполне мог бы избежать, если бы вовремя уделит должное

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

внимание соответствующим аспектам занятий.

Например, скорость письма. Дело в том, что в классе дети вынужденно учатся писать быстро — иначе не успеть за всеми. И темп, задаваемый учителем при диктантах и других записях под диктовку, растет из года в год. Даже на уроках математики требуется довольно быстро записать какие-то слова или предложения: подписывая действия в решении задачи, оформляя ответ, записывая доказательство теоремы... А все трое моих младших детей традиционно отставали от среднего для их возраста темпа письма.

Почему так получалось? Во-первых, мы гораздо меньше занимаемся письменно, чем традиционно принято в школе. Много делается устно, начерно, вообще где-то между делом. Во-вторых, я всегда делаю акцент на грамотности письма, а не на скорости. Так и говорю: «Не спеши, солнышко. Главное — постарайся написать без ошибок». Ну а в-третьих, обстановка дома спокойная: папа всегда подождет, пока чадо допишет диктуемый кусочек фразы. А при самостоятельной работе вообще спешить некуда.

Сейчас я думаю, что мог бы отдельно заниматься тренировкой письма на скорость. Но не уверен, что получилось бы.

На диктантах, контрольных и прочих письменных зачетах в начальной и даже в средней школе я учитывал сей момент. И всегда просил учительницу, чтобы мои дети писали диктанты отдельно от класса. Конечно, для учительницы это дополнительная трата времени, но нам всегда шли навстречу.

Постепенно и Тима, и Коля научились писать быстро. И уже писали диктанты вместе с классом, то есть проблема отпала сама собой.

Другой наш недочет — отсутствие привычки заниматься в большом коллективе. И сама обстановка шумной школы, где носятся и орут большие и маленькие мальчики и девочки, была для моих детей непривычной и даже немного шокирующей. Да, честно говоря, и для меня — я уже отвык от детской адаптированности к школьному гвалту. И просто поражаюсь нервной устойчивости педагогов, работающих в таких условиях.

Постепенно и Тима, и Коля, и Маша привыкали к тому, чтобы сдавать что-то в условиях большого класса или во время дополнительных занятий с недисциплинированными двоечниками.

Тут главное — уметь отстроиться от шума и прочих отвлекающих факторов, сосредоточиться на собственной работе. Особенно трудно бывало писать большие контрольные, когда в классе в это время шел урок на совсем другую тему. Так Тиме в старших классах удавалось писать огромные тестовые работы по математике — ему давалось времени на 3-4 урока подряд. И он справлялся на «отлично».

Словом, стратегически данная проблема тоже проходит сама собой. А вот в начальной и частично в средней школе учитывать ее приходится.

Третье, о чем хочется сказать — не очень соответствующие действительности представления у моих детей об отношениях в школе, о всей школьной атмосфере и о специфических моментах жизни школьной тусовки. Опыта-то нет. Недавно выяснилось нечто совсем смешное: Маша сказала мне (в возрасте двенадцати лет), что раньше думала, будто бы дети взрослым никогда не грубят. И только общение с той девочкой из ее школы, которую я год пытался учить у нас дома, открыло моей дочери правду.

Конечно, гуляя во дворе, общаясь с ребятами в туристических походах и на даче, в спортивных секциях и во всяких кружках, мои дети так или иначе знакомятся с детской, а затем и с подростковой субкультурой. Я вовсе не пытаюсь их от нее радикально оградить, а просто слежу за дозировками — чтобы не возникало негативных перекосов в поведении.

Когда Коля стал в девятом классе ходить в школу, его ничего особо не удивило во взаимоотношениях ребят между собой и с учителями. Разве что драться первые три месяца приходилось со всеми подряд. Но к такому он был вполне готов — и морально, и физически.

Ну и последнее, что хочется тут упомянуть, хотя, может, это и не недочет — чрезмерная старательность, ответственность и дисциплинированность по сравнению с общепринятым в среде школьников уровнем. Иногда сие не очень уместно. Особенно с учетом нашего странного российского менталитета. И с учетом далеко не всегда разумных предписаний и инструкций, исходящих от начальства.

Здесь тонкий момент. Впервые мы с ним столкнулись в туристическом лагере. Подросткам давалось задание по работе:

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

пилить дрова, вывозить тачками ил и мусор со дна очищаемого пруда, ремонтировать дорогу, возводить плотину на речке... Чрезмерное рвение тут неуместно. Оно даже, как ни странно, может повредить делу. А уж сверстники тебя точно не поймут. С другой стороны, работу нужно выполнить. А все стараются отлынивать — кто больше, кто меньше. Тима и Коля постепенно научились понимать и чувствовать данный аспект. Они научились понимать, когда требуется включаться на всю катушку, а когда можно (и даже нужно) похалаявить. Но поначалу они немного перебарщивали со старанием и усердием. Ведь дома у нас все было по другому: я учил их максимально ответственному отношению к любому делу, а уж особенно — к учебе.

Но все же лично мне не нравится дух «работы с лентой». Весь мой характер протестует! Так что и не знаю, к недочетам или к достоинствам следует отнести то, что я только что тут описал. В любом случае, сие есть важный момент социальной адаптации и выработки индивидуального умения работать, индивидуального стиля распределения нагрузок и отдыха в ходе выполнения любого конкретного дела.

МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!

Мне очень хочется закончить вторую часть книги на оптимистической ноте. Ведь, несмотря на все трудности, ошибки, недостатки, сомнения, неудачи, разочарования, мы в целом успешно прошли этот сложный путь. Мы сделали это!

Вспоминая все пройденные этапы, я думаю: «Господи! Как я смог выдержать все?!» Я не очень уж горжусь своими педагогическими разработками, книгами, развивающими играми, картинками. Их, по большому счету, было не так уж трудно делать. Даже радостно и интересно. Но вот тем, что я выдержал, что сумел осуществить весь данный проект, что в одиночку вырастил и хорошо выучил троих детей, — этим я горжусь. Именно тем, что выдержал — несмотря на то, что сил у меня было катастрофически мало, а семейная ситуация была очень сложной.

«Трудно? Наплевать! Стиснул зубы — и пошел. Не можешь идти — двигайся на четвереньках. Не можешь на четвереньках — просто ползи. Не можешь ползти — лежи, пока не придут силы, а потом двигайся дальше», — примерно так говорил я себе множество раз за те трудные годы.

Вокруг были люди, но им было не очень понятно, как мне тяжело. Да ведь и ныть я старался по минимуму. Дело не только в моих душевных и физических немоощах. И не только в сложных характерах детей, в финансовых трудностях, в распаде семьи на две части... Дело еще и в том, что идти новыми путями бывает непросто. Ты не знаешь, куда идешь. Ты напряжен до предела. Вокруг люди идут по проторенным дорогам и разумно говорят тебе: «Чего ты страдаешь?! Вот ясная дорога. По ней можно идти довольно спокойно». Но ты всем своим существом понимаешь, что эта, такая четкая, такая очевидная, такая надежная тропа — не твоя! Не твоя — и все! Ну как ты объяснишь это окружающим?! Да и уверен ли ты сам, что идешь верным путем?!

Но вот путь пройден, новая тропинка в огромном лесу протоптана тобой и твоими юными спутниками. Может, по ней пойдет кто-то еще. Может, другим людям достаточно будет просто почитать твои путевые заметки, твои воспоминания о годах поисков и лишений... Романтическая картина! А мог бы и стигнуть в глуши — как черновой вариант эволюции, как обыкновенный неудачник, возомнивший себя исследователем. Но Бог не дал загнуться — так Ему было угодно.

И теперь, оглядываясь назад, можно поздравить себя с неплохо выполненной работой.

Когда Тима окончил школу и получил аттестат (лишь с двумя «четверками», остальные — «пятерки»), он пришел домой, пожал мне руку и сказал: «Мы сделали это! Ты учился за меня первые семь лет, а я — последние три класса». По ощущениям, действительно так. А когда в то же лето Тима успешно поступил в университет, я почувствовал, как спадает с моих плеч огромный груз.

Коля учился более самостоятельно, а последние три класса — в школе. Но и ему поступление в университет далось нелегко. И когда мы читали его фамилию в списке зачисленных на первый курс, я почувствовал, что с моих плеч свалился еще один боль-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

шой-большой груз.

Машу я уже тоже вынянчил. Девочки вообще взрослеют раньше. А она, к тому же, пока растет достаточно разумная. Учить ее дома — одно сплошное удовольствие и отдых. Да и можно сейчас ее без проблем уже в школу отправить. Но пока, наверное, не будем.

А старший сын уже спрашивает, готовлюсь ли я к будущему воспитанию и обучению внуков. Так что стараюсь пока поскорей отдохнуть, сил набраться да книжек несколько штук необходимых написать.

Коля тоже обещал в будущем доверить мне воспитание своих детей. Так что, может, со временем все-таки соберется у нас небольшая семейная школа. Поживем — увидим.

Сейчас мне интересно осознать пережитое и пройденное, обобщать свой опыт, делиться им с другими родителями, педагогами, просто всеми желающими.

Довольно часто я слышу не только общие вопросы о наших успехах и о наших трудностях, но и пожелания описать конкретные методические подходы, которые я использовал. Вот я и постараюсь это сделать в двух следующих частях книги. Но я ведь не методист, не автор учебника по педагогике, не составитель инструкций и алгоритмов. Посему излагать и далее буду свободно и непринужденно — таков уж мой стиль.

И сразу предупрежу. Я не буду пытаться описать весь процесс подробно, а укажу лишь некоторые ключевые идеи. Моя задача здесь — просто показать принципы действий. Я постарался выделить то, что мне кажется наиболее важным, наиболее существенным во всей моей домашней преподавательской работе. Причем как с точки зрения внешней организации, так и с точки зрения моей внутренней позиции.

Часть 3

Методические подходы и организационные моменты

УЧЕБА — ЧАСТЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Особенность нашего семейного процесса — вписанность учебы во весь ритм, во весь распорядок жизни. Можно даже сказать, что это и есть основной методический подход. И главный организационный принцип.

Обычно ведь как? В школе существует определенное расписание, определенное время занятий. А остальные все свои дела учащиеся вынуждены делать в другое время. То есть имеется достаточно четкое деление: вот школа, а вот вся остальная жизнь. Если подумать, то в этом и заключается одна из фундаментальных причин неудач современной массовой педагогики.

У нас дома все не так. Нет никакого особого разделения между учебой и всеми другими семейными делами. Просто учеба — это одно из дел. Такое же, как приготовление пищи, прогулка, чтение, игра... Да и внутренне я всегда старался преподавать так, чтобы моим детям было видно, как изучаемые ими темы и предметы связаны с обычной реальной жизнью.

А иначе ведь большинству детей и подростков просто не понятно, зачем им нужно учиться. Часть детей движется на исходном высоком интересе к учебе (но таких весьма мало), часть учится чисто из послушания (таких, мне кажется, большинство), часть просто любит блеснуть перед классом... Но многие в школе почти не учатся, а просто проводят время почти без всякого толку.

Мне хотелось развить в своих детях серьезное отношение к учебе, происходящее из понимания того, что учиться нужно, исходя из реальной жизни. Так человеку, попавшему в поход, делается очевидным, что нужно уметь рубить дрова и ставить палатку. Поэтому любой материал я старался преподавать так, чтобы была видна его связь с жизненной реальностью.

Недавно объяснял одному пареньку математику. Спрашиваю: «Сколько будет, если из 1050 вычтешь 50?» Отвечает: «Будет 1». Это, значит, он так лихо от 1050 откинул 50, а потом решил, что и нолик тут лишний. Задаю вопрос по-другому: «Вот, допустим, есть у тебя 1050 рублей. Ты дал приятелю 50 рублей. Сколько у тебя останется?» Отвечает мгновенно: «У меня останется 1000 рублей». То есть при переходе в реальную жизненную плоскость мозги начинают работать гораздо лучше.

Тот же принцип можно использовать практически в каждом предмете. Изучая систему обозначения географических координат, вспомним недавно прочитанную книгу «Дети капитана Гранта», где все повествование вертится вокруг данной темы. Объясняя что-то из физики, я все время тыкаю пальцем в расположенные в квартире бытовые приборы. Почитав в учебнике истории о порядках на Руси в X веке, мы можем подумать, что в них общего с современными проблемами...

Я все время стараюсь показать, что мы изучаем не какие-то абстрактные вещи, а учимся лучше ориентироваться в реальной жизни.

Ну а внешне единство учебного процесса и всех других сторон жизни семьи у нас выражается в том, что я планирую и организую не только уроки по предметам, но и все другие наши занятия как единое целое. Я даже не очень планирую (весьма большую роль играет импровизация, ориентация по ситуации), а скорее, ощущаю поток событий дня. Пробуждение, завтрак, учеба, игры, снова учеба, снова игры, прогулка, обед, чтение, снова учеба, рисование, спортивная тренировка, чтение, ужин, разговоры, сказки перед сном. Последовательности и временные интервалы могут быть самые разные. Но я всегда контролирую, чувствую происходящее.

Очень существенно то, что я не считаю уроки самым важным делом для детей. Съездить в лес или посмотреть на закатное

небо тоже очень важно. А уж сочинить песню или прочитать хорошую книгу — тем более.

Но все же учеба должна идти. Я довольно часто говорил сыновьям, что к ней ребенок должен относиться как к работе. Растущему человеку взрослые предоставляют возможности для подготовки к будущей взрослой жизни. А потом нужно будет занять свое место в обществе и вносить свой вклад в его функционирование.

Оптимально сочетая между собой дела дня, дела недели, можно успевать весьма много. Причем одновременно в разных сферах воспитания: в интеллектуальном развитии, в физическом развитии, в раскрытии творческих способностей, в общей культуре личности, в душевно-эмоциональном плане.

И даже не могу сказать, что мы что-то такое уж «сверхтакое» успели. Но самое необходимое сумели освоить. По-моему, уже хорошо.

ОТНОШЕНИЯ С АДМИНИСТРАЦИЕЙ ШКОЛЫ И С УЧИТЕЛЯМИ

Данный аспект очень существенен для успешной реализации семейного обучения. Каков мой подход? Я исхожу из того, что и для директора, и для завуча, и для всех школьных педагогов наше семейное обучение представляет собой некую дополнительную мороку. В школе сотни учащихся. А тут еще отдельно нужно разбираться с несколькими учениками и их папой, составлять специальный договор, выделять дополнительное время на то, чтобы принять зачеты и экзамены.

Что я могу? Я могу приложить максимум усилий, дабы минимизировать людям дополнительные хлопоты. У меня нет денег на дорогие подарки. Но я могу быть внимательным и вежливым, четким в договоренностях, пунктуальным и организо-

ванным во всех мелочах. Людям должно быть удобно иметь со мной дело.

Я никогда не предъявляю учителям претензий по поводу оценок. Даже заранее говорю, что мы вовсе не претендуем обязательно на «пятерку». Ведь мы могли не учесть (даже и не знать) всех необходимых требований. Да и вообще учитель имеет профессиональное право ставить те отметки, которые считает нужными.

Должен сказать, что только несколько раз мои дети получали заниженные отметки (с моей точки зрения) — «четверки» вместо «пятерок». Однажды это произошло от избыточной осторожности учительницы. Но мы не обиделись, тем более что до того она проявила много чуткости и терпения. В другой раз Тима немного разошелся с учительницей по литературе во взглядах на то, как надо писать сочинения. Да и вообще подошел к анализу литературных произведений совсем не так, как считала верным педагог. Тима к тому времени уже вовсе сам занимался сочинением песен и стихов, поэтому имел достаточно наглости и школьные сочинения писать на свой лад. Получился своеобразный конфликт классики и авангарда. Но, кстати, учительница его не ругала, а просто сказала, что не согласна с ним, хотя уважает его право на свою позицию.

Наблюдая различные методы действий школьных педагогов, я вижу, что они довольно существенно отличаются от моих. Но не ощущаю никакого противоречия. Просто мы работаем в очень разных условиях. Но главное — мы коллеги, мы соратники, мы делаем одно общее дело. И, кстати, в других условиях те же самые люди действуют иначе.

Довольно забавно бывает видеть, как милая молодая женщина очень строго разговаривает с классом (даже мне делается немного жутковато), а через несколько минут, перестроившись, мягко и спокойно принимает зачет у кого-нибудь из моих детей. Но вот в класс ворвалась группа дерущихся и орущих мальчишек и девчонок. И добрая школьная фея мгновенно преобразается: меняется осанка, тембр голоса, взгляд... Звучат грозные слова. Буйствующие дети умирятся, а затем изгоняются из класса. И снова мы видим милую, спокойную учительницу.

Несмотря на то, что я иду «альтернативным» и «неформальным» путем в образовании, мне очень близки и понятны заботы, проблемы, усталость школьных педагогов. Я их очень уважаю. Часто я ими просто восхищаюсь.

И, разумеется, все они радуются, что мы учимся хорошо. И всячески меня подбадривают и хвалят. А я год за годом радуюсь, что нам так повезло со школой и со всеми учителями.

Неудачный (единственный за все годы) опыт с той учительницей, из-за которой Тима остался на второй год, я учел во всех последующих контактах со школьными педагогами. И всегда достаточно подробно разяснял им специфику нашей семейной ситуации, особенности характеров детей, психологические и учебные трудности. И учителя всегда чутко прислушивались (не снижая требований, а просто обращаясь с моими детьми помягче, учитывая, что школьная обстановка для них не совсем привычна).

Я никогда не подхожу с той позиции, будто бы школьные педагоги нам что-то «должны» (как сказала мне мама одного очень трудного подростка, поведение которого не укладывалось ни в какие рамки). Я обращаюсь к каждому учителю как к человеку, который может нам помочь — мне и моим детям. И я всегда очень благодарен за то время и внимание, которое нам уделяют. Я полагаю, что если бы не такое доброжелательное отношение ко мне и к моим детям, какое сложилось в нашей школе, то очень трудно было бы столь успешно учиться дома и столь хорошо сдавать экзамены.

СДАЧА ЭКЗАМЕНОВ И ЗАЧЕТОВ

Одно дело — помочь ребенку овладеть какими-то знаниями, а другое дело — научить его эти знания предъявлять. Умение четко и безошибочно ответить на экзамене, собраться на контрольной или диктанте, быстро сориентироваться в тесте, не растеряться от непривычно поставленного вопроса — без всех этих навыков даже хорошо подготовленные ученики получают

«двойки» и «тройки», лишь потому, что не умеют показать свои знания.

Для начала, конечно, я стремился к тому, чтобы мои дети шли на экзамен, хорошо подготовившись. Обычно дома я у них проверял знание всего материала и только в старших классах отошел от данной практики. Заодно мы таким образом все повторяли, уточняли, находили слабые места и дорабатывали их.

Если все же с чем-то мы не могли разобраться, то я предупреждал об этом учителя и просил объяснить данную тему или отдельный вопрос.

Непосредственно перед отчетной письменной работой мы учились оформлять ее в соответствии с принятыми требованиями. В качестве основного ориентира я предлагал своим детям такой подход: проверяющему должен быть понятен ход твоих рассуждений, ход решения; проверяющему должно быть приятно (или хотя бы не противно) держать твою работу в руках; окончательный ответ должен быть четко выделен.

Готовя детей к устным зачетам, я объяснял им, что говорить надо внятно и четко (а не бормотать что-то себе под нос), что вести себя нужно вежливо, что не надо баловаться. Общий принцип: учителю должно быть приятно с тобой общаться. Причем надо не «подлизываться», а просто общаться по-человечески, с чувством собственного достоинства, уважая собеседника.

Конечно, любому педагогу гораздо радостнее, если ученик подготовился хорошо и демонстрирует качественные, глубокие знания. Получается как бы маленький праздник. Особенно на фоне того разгильдяйства, которое характерно в отношении к учебе для большинства учеников.

Если с письменными экзаменами все более или менее ясно, то устные экзамены часто требуют особой психологической подготовки, особых моих предварительных объяснений. Например, тебе непонятен вопрос учителя. Надо не стесняться и сказать об этом. А что делать, если тебе задали вопрос по обширной теме? Ведь непонятно, с чего начать ответ. Я рекомендую начинать с того, что знаешь. А уж учитель, если сочтет нужным, направит разговор в требуемое русло. А как быть, если что-то забыл? Не теряться, не сникать, не замолкать совсем. Ведь идеальных знаний нет ни у кого. Рассказывай то, что помнишь.

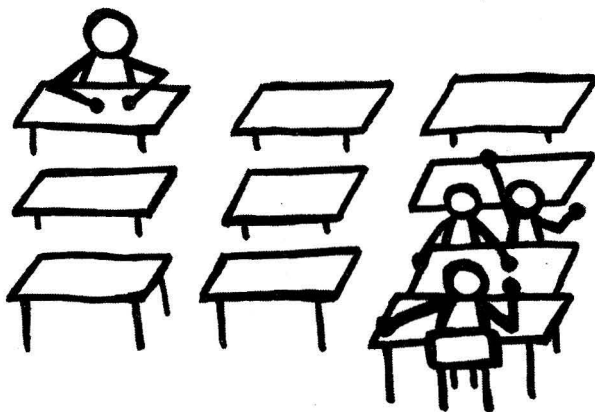
Еще я объясняю детям, как важно полностью собраться, сконцентрироваться на экзамене. Мы заранее настраиваемся, внутренне готовимся.

Я ощущаю себя подобно тренеру, готовящему спортсмена к соревнованию, к выступлению. Я тоже являюсь участником экзамена, даже если жду за дверью или дома. И все это — начиная прямо с первого класса.

Конечно, постепенно дети привыкают к ситуации экзамена. В конце девятого класса ни у Тимы, ни у Коли никаких проблем со сдачей общих школьных экзаменов не было. А уж в одиннадцатом классе — тем более.

Я стараюсь учесть все моменты. Даже характер педагога. Ведь если учительница держится строго, то ребенка нужно обязательно предупредить, что на самом-то деле тетя — доброжелательная и умная. Если учительница любит краткие и четкие ответы, то и ребенка я настраиваю на такой стиль ведения разговора. А кто-то, наоборот, любит, чтобы дети довольно свободно и странно порассуждали...

А еще я всегда говорю: «Не расстраивайся, если не получится сдать на «пять». Ничего страшного. Мы подготовились хорошо. Но оценки — это не главное. Ты постарайся, конечно, сдать лучше. Но уж как получится. Я ругать не буду».

В день экзамена стараюсь не портить ребенку настроение всякими занудными нравоучениями. Правда, случалось, что все же не удерживался и ругал за что-то. Но потом всегда старался привести общее настроение в норму.

Обычно учителя не возражают против моего присутствия на устных зачетах. Я сижу и слушаю — мотаю на ус. И иногда даже встречаю немного — когда чувствую, что чадо начинает «подвигаться». Разумеется, не наглею, а только слегка направляю развитие ситуации. Например, учительница спросила нечто из другого учебника, а мы по базовой программе этого не проходили — я деликатно вношу разъяснения. А потом снова тихонько сижу и слушаю.

После успешно сданного экзамена у нас всегда чуть-чуть праздник: больше в тот день не учимся, покупаем мороженое, шоколадку или что-нибудь другое вкусное, отдыхаем, смотрим кино...

Мне кажется, что чем внутренне свободнее будет чувствовать себя на экзамене ребенок, тем успешнее он его сдаст. Тут играют роль и свободное владение знаниями, и уверенность в себе, и достаточная свобода в общении и поведении, и незащищенность на отметках и результатах. Важно помнить: если что-то не получилось, то экзамен всегда можно пересдать.

АТТЕСТАТ, ЗАЧЕТНЫЙ ЛИСТ, ПИСЬМЕННЫЕ РАБОТЫ, ТЕТРАДИ

Для перехода из класса в класс необходимо сдавать не все предметы, а только основные. В начальной школе это: русский, чтение, математика, природоведение. Потом постепенно добавляются биология, история, география, черчение, физика, химия, английский, обществознание. Чтение переходит в литературу. Математика — в алгебру и геометрию.

Ближе к получению аттестата можно досдать и другие предметы — чтобы в аттестате имелись и по ним оценки. Мы так и делали.

Для подстраховки мы вели в каждом классе зачетный лист — туда все учителя проставляли оценки за все сочинения, устные ответы, контрольные и т.п. Вести зачетный лист нам однажды посоветовала завуч — когда у Коли в начальной школе учительница уволилась посередине учебного года и переехала куда-то, не проставив в журнал многие его оценки. Пришлось пересдавать. С тех пор мы фиксируем все в зачетном листе — на всякий случай. Да еще чтобы перед дедушкой «пятерками» похвастаться.

Все письменные работы (сочинения, диктанты, изложения, контрольные), чертежи, рабочие тетради мы храним (тоже на всякий случай) до конца учебного года. А иногда и дольше — для памяти, для примера.

По физике и по химии мы традиционно предъявляем на экзамене тетради с решенными задачами — учителю сразу видна проделанная работа. А по английскому предъявить рабочую тетрадь с письменно выполненными упражнениями — просто обязательно. Но вот по русскому и по математике нам предъявлять обычно особо нечего — мы мало занимаемся в тетрадях, а если и занимаемся, то по-своему.

Хотя наше семейное обучение носит преимущественно неформальный характер, я уделяю внимание и умению оформить тетрадь, аккуратно выполнить грамматическое задание к диктанту, логично и удобно разместить на листе решение сложного примера. И в целом тут не возникает особых сложностей, так как исходно присутствует хорошее понимание материала.

ДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ НА ГРУППЫ

С самого начала я как-то автоматически разделил все школьные предметы на три группы — и мы изучали их существенно по-разному. Я вполне отдаю себе отчет, что другой человек на моем месте, возможно, ориентировался бы во многом иначе. Просто тут я описываю удобный для меня подход.

Первая группа — это предметы, в изучении которых очень важна «преемственность» из года в год, где освоение каждой следующей темы опирается на владение всем предыдущим материалом. Вся «конструкция» знания здесь напоминает дом из кирпичей: важно и фундамент правильно уложить, и каждый кирпичик, и все балки, и перекрытия, и крышу...

Математика, физика, химия, черчение должны преподаваться именно с таких позиций. Русский и английский — в существенной степени тоже (хотя там внутренняя логическая схема может сильно меняться в зависимости от методики обучения). Все весьма конкретно: если ребенок не помнит математику восьмого класса (а так же седьмого, шестого...), то учить его математике в девятом классе — дело почти безнадежное. Это я понял из опыта обучения детей из других семей. Выход только один: наверстывать упущенное, заполнять пробелы, восстанавливать полузабытое.

Преподавая предметы первой группы, я старался учесть данную их специфику и достигать такого качества усвоения материала, когда помнится и понимается даже изученное несколько лет назад. И при необходимости не жалел времени на повторение, на возвраты к уже пройденному на новом витке осознания. Ведь, скажем, принцип решения уравнений человек по-разному осмысляет в третьем, в седьмом и в десятом классах.

Понимая, что многое все же забудется, я сосредотачивал усилия на формировании базовых навыков чего-то такого, что ученик делает уже почти автоматически (например, считает столбиком или правильно переводит одни единицы измерений в другие). Конкретную формулу можно быстро вспомнить, взглянув на нее, — потребуется несколько секунд. А вот чтобы почувствовать на практике принцип решения задач данного типа (например, на соотношение количеств реагирующих веществ в химии), необходимо достаточно много времени.

Вторая группа предметов — это те курсы, в которых связь изучения различных частей не столь уж важна: каждый из разделов можно изучать практически независимо от знания других. Чтение, литература, природоведение, история, география,

биология могут осваиваться с таких позиций. При изучении реформ Петра Первого совсем не обязательно помнить детали войны Рима с Карфагеном. Изучать «Алые паруса» Грина можно и не прочитав романа Достоевского «Преступление и наказание».

Разумеется, в каждом из предметов, которые я отнес ко второй группе, тоже есть свой особый стиль, свое единое смысловое пространство, свои общие (проходящие сквозь все разделы) принципы, идеи, методы. Но все же: можно выучить материал — и забыть его.

Если хотим — учим глубже. Если не хотим — учим лишь в минимально необходимом для сдачи объеме. Тут больше свободы выбора, больше возможностей ориентироваться по интересам детей, по моим знаниям, по наличию времени и т.п.

Мы знакомимся с разными сферами знания. Мы учимся ориентироваться: в науках, в прошлом, в настоящем, немного даже в будущем... Мы пробуем себя в соприкосновении с разными писателями и поэтами. Мы учимся работать с большими массивами информации и «укладывать» ее в голове.

Мне глубоко чужд подход к обучению как к запоминанию огромного количества фактов. Мне гораздо более важным кажется развитие общих качеств интеллекта, умения думать, уверенности в своих силах. А конкретные факты всегда можно вспомнить по книжке.

В *третью группу* у меня вошли все «неосновные» предметы: физкультура, рисование, музыка, труд, компьютер, ОБЖ, история Санкт-Петербурга, мировая художественная культура... Так как для перевода из класса в класс их сдавать не обязательно, то мы их и не сдавали. И мне проще, и детям, и школе. Изучали все сами — просто по жизни, в кружках и секциях, в отдельных «неучебных» разговорах.

Физическое развитие я постоянно держу под контролем. Дома у нас есть большой спортивный комплекс (частично купленный, частично достроенный мною), боксерская груша, гантели, экспандер, маты для кувыркания... А когда Тима, Коля и Маша занялись скалолазанием, появился даже скалодром — приколоченные к стенкам куски досок, по которым можно лазать, как по зацепкам на скалах.

В разные годы Тима и Коля занимались гимнастикой, дзюдо, легкой атлетикой, стрельбой из лука, скалолазанием, туризмом. Летом на даче дети активно учились плавать в лесном озере. С ранних лет привычными стали многочасовые дальние прогулки. Да и поездка на дачу с рюкзаком в треть собственного веса для мальчишек не являлась чем-то особенным.

Маша не столь активна, как братья. Но на соревнованиях по скалолазанию тоже занимала первые места в своей возрастной группе. И плавать я ее уже научил. И бороться немного умеет.

Вообще, мне кажется, что аспект общего физического развития в массовой школе сейчас неоправданно «отодвинут». Я вполне понимаю трудности: дети в каждом классе имеют разный уровень подготовки и разные интересы, посему организовать их в динамичный тренировочный процесс непросто (я бы не сумел). Но в семье все существенно легче. К тому же и спортивные секции вокруг есть всякие (обучаясь дома, на них проще находить время и силы). У нас даже как бы получился спортивный уклон в нашей семейной школе.

Ну а другой уклон у нас — рисовальный. Здесь уж мы развернулись вовсю: и картины делали, и иллюстрации к моим книгам, и всякие развивающие игры, и сувениры, и даже мебель и стены в квартире разрисовывали тотально. Уже лет пятнадцать продолжается сей процесс — и все только новые творческие горизонты открываются.

Дело в том, что я не «сам по себе» художник, а рисую вместе со своими детьми. Такой получается общий развивающий творческий процесс. Я описал его достаточно подробно в книге «Волшебный лягушонок, или Как рисовать вместе с детьми».

Музыка у нас не то чтобы уклон, но тоже проявлена довольно сильно. Причем без всякого руководства с моей стороны (у меня нет музыкального слуха, петь я не умею, нотной грамоты не знаю). Наверное, сыграло роль то, что моя бывшая жена по образованию — музыкальный педагог. Правда, играть на гитарах (а также немного на пианино и на флейте) все мои дети учились сами. Одно время мальчишки даже организовали семейный ансамбль и записывали песни на магнитофон. Маленькая Маша помогала братьям — в нужные моменты позванивала колокольчиком.

В музыке я полный профан. Но вот столярные и слесарные инструменты в руках держать умею. И даже когда-то в школе занял второе место в конкурсе на звание лучшего токаря. Не могу сказать, что у меня золотые руки, но они «растут из нужного места». Посему и сыновей мог обучить необходимым навыкам. Да и сами они стремились мастерить, конструировать, вырезать из дерева, выжигать.

Разумеется, никаких специальных уроков по труду не проводилось. Просто мы вместе строили шкаф. Или стеллаж. Или настилали пол на втором этаже в нашем дачном доме. Обучение в процессе совместной работы — очень эффективное.

Тимоша еще много моделировал — делал всякие самолетики, машины (ездящие), другие забавные штуковины. Однажды даже смастерил миниатюрную реально работающую стиральную машину (в качестве бака использовалась литровая банка, а мотор был укреплен на крышке). Постепенно он освоил и электротехнику, и радиотехнику — в необходимом для починки домашних вещей объеме.

А Маша у нас, как и положено девочке, осваивает постепенно умение готовить (обучают знакомые женщины), вязать, шить. Кстати, начали ее учить Тима и Коля, которые одно время активно пекли оладьи, блины, плюшки и пироги.

ОБЖ у нас изучается серьезно и постоянно — в виде папиных лекций. Но не по какой-либо программе, а спонтанно: из жизненных ситуаций, из сообщений газет, из рассказов знакомых, из своих воспоминаний... Я, наверное, даже несколько перебарщиваю, рассказывая детям о всяких опасностях и о методах действия в экстремальных ситуациях. А сейчас, после нескольких лет занятий туризмом (по линии МЧС) Тима и Коля уже гораздо более компетентны в данной сфере, нежели я.

Компьютер ребята освоили сами. Моя функция заключалась поначалу лишь в слежении за тем, чтобы не увлекались «игрушками», а изучали полезные программы. А теперь мои дети уже меня учат.

Что касается мировой художественной культуры и истории Санкт-Петербурга, то здесь моя линия существенно слабее. Сил таскаться с тремя детьми по музеям у меня не было. Да я и не люблю ходить в музеи — такой уж склад личности. Ну, понятное

дело, на крейсере «Аврора» были не раз. И вдоль Невы гуляли немало. А вот какой архитектор, когда и что построил — я и сам не очень знаю. И мне вообще-то это не интересно. Я гораздо больше люблю по лесам и паркам гулять.

КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП ВЫБОРА МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

С самых первых лет, как мы занялись обучением своих детей дома, я очень четко осознавал (и формулировал для себя) главный принцип: облегчить детям учебу. И именно в таком ключе все время и действовал.

Это может показаться странным. Почитайте объявления, приглашающие учеников в школы — государственные или частные. Там акцент на качестве и объеме знаний, на хороших условиях для всестороннего развития, на достойном оборудовании классов... А я осознанно делаю акцент на облегчении всей учебной ситуации для ребенка, подростка, а вовсе не на блестящих успехах.

Почему так? На мой взгляд, дети в школе обычно находятся в сверхсложной ситуации — они обычно просто не в состоянии справиться с ней. А потому либо переутомляются и растут хилыми (вариант «ботаник»), либо всю учебу пропускают мимо ушей, ума и сердца (вариант «разгильдяй»).

Для своих детей я решил придерживаться максимально облегчающей линии. И убедился, что от такого подхода дети вовсе не становятся избалованными и пассивными. Наоборот, у них хватает сил качественно учиться и год за годом «набирая обороты», адаптироваться к возрастающим нагрузкам.

Защищая детей от избыточных трудностей, смягчая для них условия обучения, учитывая их индивидуальные сильные и слабые стороны, я мог создавать спокойную и реально работающую учебную ситуацию. Да, на меня ложилась изрядная дополнительная нагрузка. Но я считаю, что все было оправдано.

И способы объяснения материала, и режим уроков, и возможность учиться на прогулке, и выбор учебника, и расписание зачетов в школе, и моральная поддержка перед экзаменом, и свободный ритм выходных и каникул — все это и много другое строится по принципу «облегчить ребенку учебу».

Облегчить, а не отменить. У меня же нет задачи вырастить лодырей, неучей и разгильдяев. Необходим контроль «степени свободы» и постоянное направление процесса в нужное русло — без перенапряжения, но целеустремленно, системно и методично.

А как же чадо научиться бороться с трудностями? Их хватает — и в обычном ходе жизни, и в даже сильно облегченном, мягком учебном процессе. И я, конечно, не упущу подходящий момент — поучу напрячь силы для преодоления возникших затруднений, поучу правильной концентрации, объясню, насколько важна сила воли. И в чем-то даже я могу потребовать более интенсивного включения, чем традиционно бывает в школе.

ДЕТСКИЙ ЯЗЫК

С моей точки зрения, ключ к эффективной педагогике — это умение понимать детей. В любой конкретной ситуации воспитания и обучения, с которой я работаю, 50-60% моих усилий направлено именно на то, чтобы понять того, кого я в данный момент воспитываю и обучаю. А уж когда продвинулся в этом главном, можно выстраивать весь процесс взаимодействия. Я даже не представляю себе, что мог бы действовать иначе.

У огромного числа взрослых людей существует мощная и устойчивая иллюзия: будто бы вся суть воспитания и обучения сводится к передаче ребенку, подростку основ взрослой культуры. Будто бы все просто сводится к подготовке вхождения во взрослый мир — по взрослым законам. Именно здесь один из главных корней неэффективной педагогики. Потому что получается, будто бы дети, подростки — они еще как бы «недочеловеки», еще «не совсем люди».

Разумеется, мы должны подготовить растущего человека к жизни во взрослом мире. Но сие есть лишь одна сторона. Другая сторона заключается в том, что дети ничуть не хуже нас. И мы тоже должны учиться их культуре, их способу мировосприятия, их языку. Воспитывая и обучая их, мы должны заново учиться жить в детском мире — по детским законам. А иначе никакой реальной педагогики не будет. А будут лишь натужные попытки «подтащить детей до уровня взрослых» — более удачные или менее удачные.

Все практические педагоги и детские психологи так или иначе понимают данную закономерность. Да и многие родители, дедушки, бабушки... Но система образования в целом выстроена так, словно бы детей понимать нет никакой нужды: «они маленькие и глупенькие; вырастут — поумнеют». И рождается поток программ, методик и учебников, построенных безо всякого понимания того, как ребенок ощущает и осознает мир. И даже более удачные разработки сплошь и рядом грешат слишком большой долей «взрослости».

Лично я бы все сделал по-другому: переделал бы большинство учебников, ввел бы принципиально больше игровых методик, написал бы много художественных книжек, занимательно передающих сведения из школьной программы... Я бы изменил стиль и регламент школьных уроков. А уж программы курсов поменял бы радикальнейшим образом...

Но кто ж такого, как я, допустит руководить народным образованием?! Я ведь за первую же неделю развалю всю работу!

А вот дома у себя я могу развернуться. И развернулся. То есть в очень большой степени ушел в детский мир, где и живу вот уже около двадцати лет. Последние несколько лет, правда, во взрослый мир стал временами «выныривать» (например, данную книгу написал).

Для меня, как и для других педагогов-практиков, основной путь изучения детского языка — жить с детьми, общаться с детьми, учиться у детей. Еще — вспоминать себя в их возрасте. В каждом взрослом где-то в глубине живет ребенок. Если захотим, мы можем помочь ему жить и действовать более активно.

Помню, ехал я как-то в метро. В вагоне было совсем немного народу — человек 10-15. Все это были серьезные, приличные

взрослые люди, которые чинно сидели на сидениях и молчали. И вдруг на остановке в вагон зашли мама с мальчиком лет пяти. Паренек не был шумным, не был наглым, не был капризным. Он был естественным. Он стал ходить по вагону, присаживаться на разные места, разглядывать людей. Потом он ненадолго прилег на свободное сидение (не с ногами, а культурно). Он не был озабочен тем, как «принято себя вести», а просто вел себя непринужденно, не мешая при этом никому.

И вдруг я очень остро и явственно ощутил, как каждый из чинно сидящих взрослых людей завидует этому пареньку! Все смотрели на него и завидовали — и серьезный морской офицер, и пожилая дама, и солидный дяденька с животиком, и красивая молодая женщина, и какие-то юноши.

Много лет я целенаправленно учусь детскому языку — в словах, в образах, в логике, в движениях. Мою книгу «Солнечные сказки» взрослые вполне могут использовать в качестве учебного пособия по освоению детского языка. Я работал над ней, в частности, и с таким прицелом. Можно почитать, поразглядывать, пораскрашивать — глядишь, и активизируется забытое за много лет детское чувство радости игры и непринужденной естественности.

Если говорить конкретно об изучении школьных предметов, то знание родителем-педагогом детского языка радикально облегчает процесс объяснения материала, процесс обсуждения текста учебника, процесс проверки усвоения. Мы разговариваем не как существа с далеких друг от друга планет, а по-свойски — легко и свободно.

Учиться детскому языку вовсе не трудно — ведь каждый взрослый когда-то знал его. Надо лишь вспомнить. Но, с другой стороны, я не могу сказать о себе, что так уж легко научился понимать детей и подростков. Все равно обычно мне требуется время, душевные силы, подходящая обстановка. А то и вовсе не получается.

Разумеется, мы видим, что и педагогические средства, разработанные «умными взрослыми дядями и тетями», работают — и часто очень даже хорошо. Но я уверен, что будущее педагогики за все более тотальным использованием языка детского мира — от содержания учебников до стиля речи учительницы в классе.

Такое «движение навстречу» со стороны взрослого, как я мог убедиться, вовсе не мешает растущему чаду интенсивно осваивать взрослый язык, взрослую культуру, весь взрослый мир. Просто получается легче и веселее.

СВОБОДА ОБЩЕНИЯ И ОБРАЩЕНИЯ

Мне близок стиль общения с детьми на равных. И, по возможности, максимально неформально.

Разумеется, мы помним, что главный тут я. Но сие достигается не за счет авторитарного подавления, не за счет дистанции, не за счет постановки себя в позицию «сверху». Просто иногда напоминаю. Если необходимо — жестким тоном и «вытаращив глаза». Но в целом мне гораздо больше нравится быть уступчивым, мягким, играющим.

Мои дети давно привыкли к такой моей особенности, она их вполне устраивает. Но понимают, что с другими взрослыми нужно вести себя иначе. А со мной можно разговаривать, почти как со сверстниками.

Мне не нужны внешние проявления уважения, если его нет внутри. А вот за внутренней уважительностью по отношению к себе я слежу строго. И если вдруг ощущаю хоть мимолетный ветерок пренебрежения или чего-то подобного, то сразу же «встаю на дыбы».

Разумеется, мои дети могут меня критиковать по любому вопросу, шутить надо мной, спорить с моими суждениями и предписаниями. Позволяется достаточно свободный тон — мы ведь на равных. Но существует и какая-то грань. Даже не знаю, как ее определить. Да и смещается она год от года.

Тима, Коля и Маша меня уважают и любят. А это ведь самое главное — даже если они где-то переборщат со своими подростковыми шуточками, приколами и свободомыслием. Я могу сделать вид, что немного обиделся — чтобы все же не распускались

совсем уж. Но все сие — игра.

Вот, например, Маша последнее время взяла моду немного учить меня жить — делает замечания по поводу моего громкого смеха, энергичной жестикуляции, недостаточной причесанности. Особенно, если дело происходит в общественных местах. Я не сержусь на доченьку за ее замечания, а лишь подшучиваю над ее «серьезными, взрослыми манерами». Почему я не сержусь? Да потому, что Маша делает мне замечания любя, стараясь не обидеть, доброжелательно и мягко. Чего ж сердиться?! Я ведь вон ей сколько замечаний делаю! А насчет моей непричесанности она вообще почти всегда права.

Или вот такой вопрос, как использование педагогом сленга. В массовой школе это не принято. А я спокойно себе иногда позволяю. Не то чтобы слишком много. Не то чтобы слишком грубо или нецензурно. Но иногда грубоватый оборот бывает очень кстати в проведении урока. К примеру, на вопрос о том, какое значение напряжения является большим, можно ответить: «А вот приставить тебе к мягкому месту два электрода и пустить 220 вольт из розетки! Знаешь, как подпрыгнешь!» Запомнят объяснение надолго!

С парнями (особенно большими) можно иногда и погрубее. А с маленькой девочкой, конечно, нужно покультурнее. Я не фанатик сленга и вообще очень не люблю избытка грубой речи.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Но иногда так естественно в разговоре скажешь — и урок лучше идет. Наверное, кто-то меня осудит за такой подход. Но, с другой стороны, за счет него я часто достигаю гораздо большей эффективности.

Неформальный стиль общения снимает многие барьеры, традиционно присутствующие в школьной педагогике. Непринужденность помогает расслабиться и общаться более комфортно, более продуктивно. А то как вижу в школе молоденькую девушку, которую полагается называть не иначе как по имени-отчеству, так сразу немного теряюсь. Я понимаю: традиция, иерархия, дисциплина, солидность... Но так иногда хочется просто громко захохотать и дернуть ее за косичку! Сдерживаюсь, конечно.

РУГАТЬСЯ?

Лично я ругаюсь. Знаю: нужно быть спокойным, уравновешенным, выдержанным. Но далеко не всегда получается. Тем более, такое впечатление, что поругаться иногда бывает полезно для более оптимального хода учебного процесса. Важно только не перебарщивать.

Каюсь, я довольно часто перебарщивал. Сейчас стало легче. А вот когда приходилось воевать с буйными и упрямыми сыновьями, то ругался много. Иногда это помогало, а иногда вредило. Довольно регулярно мои ругания были неадекватны.

Коля очень просил упомянуть в данной книге случай, когда я его однажды в сердцах обозвал дегенератом — за то, что он никак не мог одолеть неудобоваримый учебник по истории России в пятом классе. Вообще-то я себе не позволяю подобных выражений в адрес детей. Но тогда, видно, я совсем отчаялся и затосковал. А бедный Коля чуть не плакал над учебником.

Знаете, что первое спросила учительница, когда мы с Колей пришли сдавать экзамен? Она спросила Колю: «Неужели ты смог одолеть этот ужасный учебник?!» И мне стало совсем стыдно. Потом извинялся, конечно, перед сыночком.

Но иногда поругаться бывает очень к месту. Особенно, если полностью контролировать свои эмоции и точно чувствовать дозировки и необходимый тон. Маша недавно даже мне сказала, чтобы я иногда ругался — действует дисциплинирующе, помогает серьезнее и старательнее относиться к учебе. Ну, я и ругаюсь иногда — совсем немножко, вежливо и деликатно.

Еще Маша даже сформулировала «принципы оптимального ругания»: ругаться надо не очень долго и не очень обидно. Словом, доченька теперь меня учит этому делу, и я старательно учусь.

Мои детушки давно привыкли меня разыгрывать. Одно время у них любимой шуткой было устроить крики — будто бы началась жуткая драка. А когда я, бросив варить кашу, с руганью врвался в комнату (дабы разнять драчунов), все они, очень довольные, начинали хохотать.

Однажды, помню, возвращаюсь домой, а все трое моих младших детей лежат в коридоре на полу и тихо стонут, кто-то куда-то с трудом ползет... И в кроватке все. Понимаю: произошло побоище, даже Машеньке досталось, бедной. Но почему-то все же не

страшно мне! И вдруг: «Ха-ха-ха!» Разыграли папу! Сколько радости! И не жалко, что столько красных фломастеров извели.

«Что вы делаете, идиоты?!» — так, по утверждению Коли, я кричал довольно часто. Да, нервы не всегда выдерживали. Я вообще человек эмоциональный. Но мне все же кажется, что срывался я не так уж часто. Просто такое детишкам хорошо запомнилось. Знал бы я тогда, как мы потом будем с ними вместе над этими случаями смеяться, я бы, наверное, не так нервничал.

Пытаясь ответить на вопрос в заголовке данной главы, я теряюсь. То ли нужно иногда все-таки ругаться, то ли лучше совсем не ругаться. Не знаю толком. Так и не понял до сих пор.

ПРОВЕДЕНИЕ УРОКА

Как конкретно проходит у нас урок? Существует много вариантов. Но можно выделить некие общие моменты.

Во-первых. Ребенку нужно некоторое время на переключение от других дел, на включение в учебу. Может, потребуется минута-другая, а может, и пять-десять минут. Я никогда не требую мгновенной перестройки — это лишь «сломает» настроение, вызовет обиду или даже чувство протеста. Куда спешить? Ведь время настройки на занятие, по сути, как бы не входит в сам урок — уставать-то не с чего. Просто родителю-педагогу нужно проявить чуточку терпения и тактичности, уважения к внутренней свободе учеников.

Во-вторых. В уроке не должно быть «размазанности», вялости, постоянных отвлечений и т.п. Должны присутствовать тонус и энергичность. В изрядной мере сие зависит от внутреннего настроя самого родителя. Я множество раз мог заметить: если я вялый и несобранный, если думаю во время урока о чем-то другом, если одновременно пытаюсь варить суп или сочинять книгу, то и урок обычно идет плохо — ребенку передается мое состояние. Требуя во время урока концентрации от детей, я и сам должен сосредоточиться на работе с учебным материалом. И желательно, чтобы голова у меня тоже была свежая.

В-третьих. Обычно я советуюсь с детьми по ходу ведения урока: какие задания выбрать, что нужно разобрать поподробнее, что необходимо повторить, в какой форме (устной или письменной) целесообразнее заниматься. Дело не только в том, что вместе легче выбирать правильный путь, но и в том, что таким образом дети постепенно и естественно приучаются к ответственности и самостоятельности в учебе. А это едва ли не важнее самих конкретных знаний!

В-четвертых. В ходе урока могут быть небольшие паузы: взглянуть в окно, сбежать в туалет, перекинуться шуткой, вспомнить анекдот, выпить сока. За минуту-две излишек умственного напряжения уйдет. И легче будет дальше держать общий тонус. Но важно не допускать затягивания таких пауз, чтобы дети не выпадали из процесса.

В-пятых. Важно вовремя завершить урок. Передозировки вредны — они будут формировать отторжение учебной информации, будут без нужды увеличивать усталость. А завершить урок слишком рано тоже обидно — будет упущено состояние энергичной работоспособности, скомкается ритм эффективной учебы.

Я просто стараюсь наблюдать, чувствовать, делать выводы. Главное — никаких жестких стереотипов типа «урок должен сегодня продлиться столько-то». А уж стандартная продолжительность в 40–45 минут и вообще является очень условной абстракцией (хотя взятой и не с потолка, а из объективного изучения ритмов работоспособности человека). Я бы так сказал: стоит ориентироваться на 30–50 минут, но учитывать возможность радикальных вариаций.

В-шестых. Даже если учить одновременно всего двух детей, то возникает эффект минигруппы. Его удобно использовать — дело идет веселее и эффективнее.

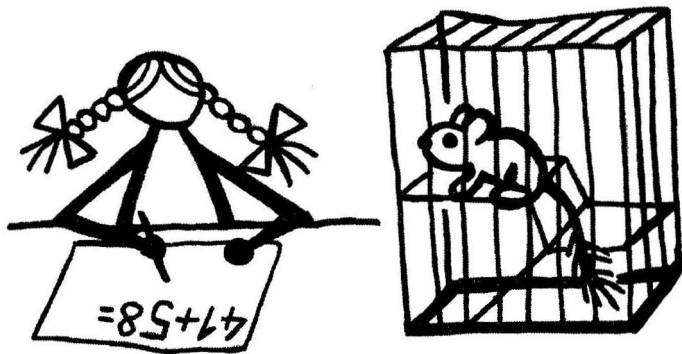
Можно дать общее задание. А можно дать немного разные задания. Можно подстегивать темп: кто быстрее. А можно не спешить, предложить сделать акцент на аккуратность. Можно подходить то к одному, то к другому, проверяя ход дела и разъясняя необходимые нюансы. Можно стараться, чтобы каждый работал с максимальной загруженностью. А можно специально, общаясь с одним, давать другому возможность немного отдохнуть.

Коля и Тима с раннего детства сильно различались характерами, темпераментом, способом восприятия информации, стилем действия. Я старался объяснять так, чтобы попадать в резонанс и с одним, и с другим. И чтобы сыновья как бы дополняли друг друга в понимании материала, в работе. Мне уже не помнятся детали, но подход был именно такой.

Коля вносил в занятие свою дисциплинированность и методичность. Тима — творческий импульс и нестандартность взгляда. Бывали и неувязки (например, Коле приходилось скучать, когда Тимоха скандалил и не хотел что-то выполнять). Но в целом они дополняли и обогащали друг друга. Думаю, учить их по одному было бы гораздо менее эффективно.

В-седьмых. У нас нет домашних заданий. Обычно я даю задание и тут же смотрю, как ребенок его выполнил. И соответственно двигаюсь дальше. Преимущество заключается в том, что я сразу могу исправить ошибки, могу почувствовать все нюансы понимания моим учеником данной темы, могу максимально точно подобрать каждое следующее задание.

Другое дело, когда ребенок уже готов самостоятельно изучить параграф или даже целый раздел. Тогда я могу заранее отметить в учебнике упражнения, которые следует выполнить — хоть на 2-3 недели вперед. А уж потом, готовясь к сдаче, мы все проверяем и разбираем.

В-восьмых. Обстановка на уроке у нас свободная и непринужденная. Лишь бы концентрация на работе сохранялась. Например, Маша любит, чтобы рядом стояла клетка с ее любимым дегу (это такой очаровательный южно-американский грызун — похож на маленькую белочку, только хвост не очень пушистый). Дегу прыгает по клетке и чирикает, забавно вертя мордочкой. И урок математики идет гораздо веселее.

ОДНОВРЕМЕННО ТРОИХ?

Иногда люди интересуются, каким образом я вел уроки сразу для троих детей. А что тут, собственно, такого? Вот, скажем, так работает учитель в небольшой сельской школе, где учатся всего несколько человек, и все они разного возраста. По сути, та же самая ситуация.

Пока мальчишки учились в разных классах, Машенька была еще маленькая. Сыновей я обычно усаживал заниматься одновременно — иногда в одной комнате, а иногда — в разных. Мог, конечно, и по отдельности — если один был сильно не в духе, если заболел, если тема урока вызывала большие сложности. Но вместе — удобнее. И по времени, и по общему настроению, и по всем делам.

Я всегда старался чувствовать ритм. Вот я дал задание Тимоше — решить длинный пример во множество действий. Потом подхожу к Коле и тихонько объясняю ему, как решать простое уравнение. Он понял. Даю ему для пробы уравнение и смотрю, как идут дела у Тимы. Вижу: он случайно перепутал «плюс» с «минусом». Мягко подсказываю ему в спокойном тоне (чтобы, не дай бог, не расстроился и не разорвал в порыве ярости тетрадку). Тима решает свой пример дальше, а я проверяю, как справился с уравнением Коля. Успешно справился. Значит можно дать для тренировки ему сразу штук пять — и пусть сидит делает. Тем более что у Тимоши выявились сложности в делении столбиком — он просит объяснить ему непонятное место. Я объясняю, а затем смотрю: Коляшка немного запутался в одном из уравнений. Поправляю и ободряю. И так далее.

Получается ритмичный процесс. Частично ритм задаю я, частично — сыновья. Мы ищем и находим оптимальный размерный ритм работы. И дело движется своим чередом.

А может быть, Коля изучает русский язык, а Тима — математику. Ничего страшного. Принцип тот же самый. Мне приходится постоянно переключаться, но информация-то простая. Да и привык я уже вот так с ними заниматься — с дошкольных времен.

Бывает, что необходимо сосредоточиться во время урока на обучении одного ребенка. Например, мы с ним пишем длинный диктант с грамматическими заданиями. Или готовимся к завтрашнему экзамену. Тогда другому можно дать большое самостоятельное задание на повторение уже изученного, на отработку привычных навыков. А потом просто проверить.

Когда Маша подросла, и мы записали ее в школу, сыновья уже учились в одном классе. А я уже изрядно освоился с организацией процесса. К тому же Машенька многое освоила до школы — в обычных наших развивающих занятиях.

Довольно часто я занимался со всеми тремя одновременно. Машу усаживал за столом на кухне, а сыновья сидели в комнате вместе. У нас в квартире две комнаты, но в одной из них половину места занимает спорткомплекс, у стены размещается большое старинное пианино, за окном — всегда такое красивое небо (вид с девятого этажа на запад). Какая-то там не учебная обстановка. Так что мы учимся преимущественно в другой комнате — где обстановка гораздо больше способствует концентрации на учебе.

Занимаясь одновременно с тремя, я спокойно ходил — из комнаты в кухню и обратно. Туда-сюда. Тоже рабочая ситуация. Тоже постепенно учишься ощущать оптимальный ритм (и объяснений, и перемещений).

Но надо сказать, что Маша любила слушать наши уроки с Тимой и Колей. Не знаю почему, но ей довольно часто было интересно присутствовать на них, тихонько пристроившись в сторонке, завернувшись в одеяло. То ли ей просто так веселее было, то ли воспринимала что-то из моих объяснений. Поскольку, как я уже писал, занимались уроками мы с Машенькой в начальной школе мало, то у нее почти всегда была возможность слушать занятия с братьями.

Теперь я просто отдыхаю. Усаживаю Машу на кухне (если требуется мое постоянное внимание) и мою себе посуду, готовлю что-то, рисую... Но все же, конечно, концентрацию на уроке сохраняю. Собственно, так мы занимаемся только математикой. Да вот диктанты по русскому диктую. А все остальное (кроме английского) Маша изучает практически самостоятельно.

Могу сказать определенно: когда детей несколько, учить их веселее. Сложнее организационно, но веселее, динамичнее, разнообразнее в плане возникающих ситуаций.

Да и вообще, когда дома есть маленький коллектив, вся ситуация семейного обучения делается более гармоничной. Жизнь многодетной семьи сложна. Но и возможностей много.

«ЗАБЛАГОВРЕМЕННЫЕ ШТУКИ»

Прежде чем перейти к описанию наших занятий по конкретным предметам, хочется упомянуть о такой моей «фишке». Довольно часто я объясняю детям кусочки (большие или совсем маленькие) из того материала, который они будут изучать по программе много позже. Дело не в том, что я пытаюсь «гнать лошадей» и тороплюсь освоить программу раньше положенного срока (мне такой подход абсолютно чужд). Дело в том, чтобы понемножку готовить детей к будущему восприятию сложной информации.

На мой взгляд, очень часто трудности в усвоении нового материала вызваны его психологической непривычностью. Иногда прямо ощущаешь, какой скачок надо совершить сознанию ребенка, чтобы понять ту или иную тему по физике, химии, математике, английскому... Детям объективно трудно — надо словно бы научиться мыслить немножко по-новому. Да, бывает, еще и обычный страх новизны мешает. А то еще подключаются какие-то глубинные психологические барьеры, негативный прошлый опыт (например, всегда были трудности с данным предметом), слишком уж наукообразный стиль учебника. А вот если задолго до планового изучения материала знакомить ребенка с ним в подходящие моменты, то возникает естественное привыкание.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

И когда дело дойдет до изучения данных разделов по программе, сознанию уже будет гораздо легче «зацепиться» за новый материал. Он уже привычен. Он не страшный. В нем нет ничего такого особо чужеродного. Мы уже слышали многое на данную тему, а теперь вот пришло время обстоятельно разобраться.

Иногда даже нет нужды заранее объяснять, а можно просто упомянуть: «Знаешь, через пару лет мы по физике будем проходить, как рассчитывают полет ракеты — с какой скоростью полетит, каков необходимый расход горючего...», — и весь разговор. Ну а если чадо заинтересовалось, можно и поподробнее повести разговор.

Сведения из истории, природоведения, географии, биологии вообще очень легко таким образом сообщать. В «предметах второй группы» кусочки информации «существуют» достаточно независимо друг от друга. Я могу еще до школы объяснить ребенку, почему случаются землетрясения или откуда берется вода в колодце. Хотя по программе данные вопросы изучаются в курсе географии шестого класса. Точно также можно объяснить смысл фотосинтеза задолго до планомерного изучения ботаники. А уж всякие исторические сведения вообще нет проблем излагать в свободном режиме.

Посложнее дела обстоят с физикой, химией, математикой. Ведь в «предметах первой группы» полноценное понимание любой темы базируется на качественном освоении предыдущих разделов. Для того чтобы объяснить дошкольнику, почему троллейбусы нуждаются в проводах, а автобусы и легковые машины — нет, иногда требуется изрядная изворотливость. Нужно ведь не пускаться в длинную лекцию, а уложиться в пять-десять минут — да еще и в очень простых выражениях. Тут меня выручают эрудиция, любовь к физике, творческий подход и знание детского языка.

Иногда нелишнее и про деепричастия упомянуть во втором классе — их надо запятыми выделять. И про высокомолекулярную химию можно немножко порассуждать при случае — даже если ребеночку по программе про химию-то еще и «думать рано». А уж с каким вкусом я рассказывал мальчишкам о сути методов интегрирования по поверхности и по объему, которые я когда-то изучал в институте!

Когда приходит время планово проходить материал по школьной программе, мы уже кое-что (а иногда очень даже много) знаем. То есть процесс облегчается. Многие вещи уже знакомы — их надо лишь немного лучше осмыслить. Опираясь на них, гораздо легче понять и запомнить «расположенную по соседству» принципиально новую информацию.

Разумеется, в реальности далеко не всегда получается так гладко и красиво, как я только что описал. Но принцип работает. Я считаю, что таким образом снижал «трудозатраты» на изучение школьных курсов в среднем на 20%. Согласитесь, что неплохо.

Дополнительной нагрузки такая предваряющая форма практически не представляет. Я опираюсь лишь на то, что и так уже хорошо знаю. А чего не знаю — о том и не говорю. Если бы я был историком, то, наверное, рассказывал бы детям гораздо больше про всякие исторические события, про исторических деятелей, про образ жизни в далекие времена в той или иной стране. Но я не очень владею такой информацией, я не чувствую ее. А вот физика — моя стихия. Тут уж я могу многое рассказать и объяснить — буквально «на пальцах».

Для детей такие «заблаговременные штуки» — тоже не нагрузка. Дело ведь обычно происходит где-нибудь на прогулке. А то

и за обедом. Вот почему каша быстрее остывает, если тарелку высунуть в форточку на январский мороз? А вы знаете, что в Древнем Риме ели лежа? А кстати, в английском языке не одно прошедшее время, а три. Или даже четыре.

Подходящих ситуаций — масса. Прокладывая «мостики в будущее», я не только готовлю детей к более успешному усвоению школьной программы. Еще очень важно то, что развивается естественный интерес. Интерес ребенка все время спонтанно проявляется в обычных жизненных обстоятельствах. Поддерживая его, мы формируем одно из базовых качеств хорошо развитого интеллекта.

Но все дети разные. Тиме и Коле были почти всегда интересны мои рассказы о физике, о технике, о математике, о других науках, а вот Маша не тянется к такой информации. Обычно она начинает скучать, когда я пытаюсь что-то такое «двигать». Посему приходится перестраиваться на обсуждения психологии людей и животных, разнообразных женских украшений, кулинарных рецептов... Но понемножку все же и свою научную линию гну — в крошечных дозировках.

В реализации данного подхода от родителя-педагога требуется перспективное системное видение школьной программы. Необходима также определенная эрудиция. Очень важно и умение быстро находить подходящие слова, легко ориентироваться в информации, чувствовать психологическую атмосферу общения. И важно вовремя замолчать, перевести разговор на другое.

Как вы понимаете, здесь мы уже затронули не только школьное, но и дошкольное развитие. С него у нас все и начиналось.

ДО ШКОЛЫ

Я не буду тут подробно описывать, как занимался со своими детьми до школы. Слишком о многом пришлось бы писать — получилась бы отдельная книга. Но все же упомяну здесь некоторые важные моменты — иначе картина будет неполной.

Самое главное: мы с детьми планомерно и серьезно занимались сами и до школы. Так что ничего упущено не было. Все необходимые навыки сформировались к школьному возрасту.

На самом деле, с поступлением Тимы и Коли в школу ничего особо не изменялось в жизни нашей семьи, в распорядке моих дел, в структуре учебно-развивающих занятий с детьми. Просто теперь нужно было учить их не просто по нашему усмотрению, а по государственной школьной программе. Да вот еще экзамены сдавать.

Через несколько лет, отучив Тиму и Колю в начальной школе, я пришел к мнению, что по форме и по структуре занятия в начальных классах должны быть фактически продолжением детского сада. Так же много игр, прогулок, общеобразовательных занятий. Так же минимум дисциплинарной жесткости. Так же немного специальных учебных уроков.

При всем уважении к педагогам начальной школы и к той реальной пользе, которую они приносят детям, я все же не могу без грусти смотреть на усаженных за парты на несколько часов в день малышей — в классе, который ну совсем не похож на игровую комнату или на спортзал.

Дома я все мог организовать по своему усмотрению — и в школьные годы, и до школы. А кроме того, разработал множество специальных учебно-развивающих пособий и игр. И старался минимум по 20–30 минут в день уделять специальным планомерным занятиям по обучению чтению, счету, письму (печатными буквами), а также по развитию пространственного мышления и элементам геометрии, черчения.

Но центральную роль во всем этом играла большая книга «Солнечные сказки» — полностью рисованная (текст, иллюстрации, оформление). Над ней мы с Тимой, Колей и Машей работали в общей сложности десять лет. Она ориентирована на дошкольников и младших школьников и рассчитана преимущественно на чтение вслух взрослыми для детей. В ней содержится главное, чему мне хотелось научить своих детей и всех других детей.

В том же стиле, что и «Солнечные сказки», была создана серия развивающих игр для дошкольников. Их цель — передать в образно-сказочно-игровой форме психологическое состояние,

настроение правильного отношения к разнообразной учебной информации. То есть, по сути, заложить уже до школы некоторые основы умения учиться правильно, хорошо.

Данная серия игр есть на моем сайте «Папа Карп» (www.papacarp.ru) — так же, как и учебные пособия, и «Солнечные сказки», и другие книги для детей и подростков.

Конечно, весьма трудно объективно оценить, действительно ли эта серия развивающих игр передает дошкольникам умение учиться. Ведь как сие определишь? Но мне кажется, что все работает.

Дело, конечно, не только в играх, пособиях, сказках, специальных занятиях и т.п. Вся жизнь ребятшек в дошкольном возрасте — это одно глобальное приключение, одна мегаигра. Учит и развивает весь ход жизни. Каждый момент может открывать новые чудесные тайны.

Для обучения в школе чрезвычайно важно, как прошел дошкольный период. Если все было сделано верно, то к школе ребенок подходит внутренне готовым.

Коля рассказывает, что помнит, как он очень хотел учиться, а в школу еще не был записан. Я с ним занимался, а рядом ходил злой Тимоха-первоклассник и говорил: «Зря! Не учись, Колька, пока можно не учиться!»

МАТЕМАТИКА (НАЧАЛЬНЫЕ КЛАССЫ)

Необходимо осознать, что при объяснении ребенку математики (да, впрочем, и всех других предметов) существует не один путь, а множество. Какой из них выбирать в каждом конкретном случае, мы решаем сами. Я осуществляю выбор чисто спонтанно, интуитивно, по вдохновению. Но есть и некие общие ориентиры, о которых я стараюсь помнить.

Для начала, наверное, стоит сказать о программе. Давным-давно завуч младших классов нашей школы подарила мне

книжечку, где подробно расписаны программы по основным предметам 1-3 классов. Там четко указаны и объемы знаний, и необходимые навыки для каждого года обучения. Очень удобно. Я периодически сверялся с этой книжечкой и мог ориентироваться в обучении своих детей. Особенно по математике там все ясно изложено.

Работали мы по взятому в школе учебнику. Но довольно часто я объяснял как-то иначе, сам придумывал задачи и примеры. В конце учебника обычно есть задания на повторение — их мы обычно выполняли все (чтобы проверить, все ли усвоено хорошо).

Я следил за тем, чтобы мои дети глубоко поняли основы математики, а не только освоили чисто технически какие-то темы. Ведь тут все совсем не так просто, как может показаться. Та математика, которой мы сейчас пользуемся, создавалась сотни и даже тысячи лет умнейшими людьми. Ребенку требуется время и условия для привыкания к математической логике, к математическим понятиям, ко всей сфере математических методов. Не надо спешить. Сам по себе объем изучаемой в начальной школе информации по математике микроскопически мал. Основные усилия идут на прочувствование, на привыкание, на адаптацию к новому для ребенка способу мышления.

**КАК РАЗДЕЛИТЬ 5 ЯБЛОК
НА 6 ЧЕЛОВЕК ?**

ОДНОМУ НЕ ДАТЬ !

Маленький Коля никак не мог понять, почему разделить — это обязательно разделить поровну. А действительно, почему? Ведь в жизни далеко не всегда так бывает.

Или вот такая парадоксальная задачка. Как разделить пять яблок на шесть человек так, чтобы каждому досталось целое яблоко? Коля предложил простое решение: «Одному не дать!»

Что значит «понять»? Для меня тут — таинство. Я наблюдаю год за годом: не понимал, не понимал, не понимал... и вдруг — хоп! — понял! Как это произошло?! Не знаю. Только каждый раз внутренне замираю перед непостижимостью такой ситуации.

Но существует четкий ориентир: математика должна быть связана с реальной жизнью. Не какие-то абстрактные значки и алгоритмы действий, а решение обычных жизненных задач. Я постоянно делаю акцент именно на этом.

Мы можем считать яблоки, орехи, деньги, дома, зверюшек, людей. Складывать, вычитать, умножать, делить, решать простые и сложные задачки — все это можно делать, оперируя с интересными и понятными для ребенка объектами. А если еще придумать коротенькую сказочную или игровую ситуацию, то детям будет легко и весело. Не просто $240 + 130$, а сначала мы летели на ракете 240 парсеков, а потом еще 130 парсеков. Тут простор для творческой фантазии родителя-педагога.

Очень важно формировать умение выполнять математические задания осознанно, с четким и ясным пониманием смысла своих действий. При занятиях с ребятами из других семей я почти всегда видел, что они привыкли действовать формально, «по правилам», не задумываясь о сути выполняемых математических операций. В результате — «двойки» и «тройки». Надо не просто «как-нибудь получить правильный ответ», а быть абсолютно уверенным в правильности своих действий. И приучать к этому важно с первого класса.

Что такое, по сути, сложение? Ну, вот видите: две кучки яблок. В одной 7 штук, а в другой 5 штук. Вот мы их в общую кучу соединили (сложили). Сколько теперь будет яблок?

А что такое вычитание? А умножение? А деление? А как понять принцип обозначения дроби (что такое числитель и что такое знаменатель)? Что значит, по сути, решить уравнение? И так далее.

Я стараюсь добиться именно четкого понимания. Один из критериев — ребенок должен уметь объяснить и даже доказать свои действия. Но тут следует учесть и характер чада, и то, что многие вещи осваиваются как бы сразу, а не поэтапно (то есть ребенку трудно их разделить на составляющие). В любом случае, действия ученика должны быть осознанными и разумными — в каждом математическом действии, в каждом шаге решения задачи или уравнения.

Помню, во втором классе учительница на экзамене давала Тимоше задачи, решаемые в два или в три действия. Он их с легкостью решал в уме — почти сразу же говорил ответ. Но учительница хотела, чтобы он объяснил решение по действиям (так положено было по методике преподавания таких задач в школе). А Тимоша просто терялся и не понимал, чего от него хотят. Для него уже не было нужды действовать пошагово. Зачем? Ведь ясно же, какой ответ! Я тогда занял позицию посредника и примирителя. Кое-как разобрались.

В преподавании математики важна правильная пропорция логических объяснений и интуитивного, опытного, образного стиля передачи информации. Я часто вижу, что вместо долгих объяснений гораздо лучше что-то просто показать. Вот действия столбиком, например. Или технику решения примеров во много действий. Да и почти во всех темах так.

Нельзя упустить и такие вещи, как единицы измерения веса, времени, длины. Здесь тоже легко учиться прямо по жизни: определить время по часам, подсчитать общий вес сделанных в магазине покупок, измерить свой рост.

Цель и смысл изучения математики — научить человека думать, развить его логическое мышление. И важно, чтобы в каждом задании ребенок именно учился думать, а не тупо зазубривал, «какое число с каким нужно перемножить в задачах данного типа».

Очень помогают ключевые образы. Вот разделили прямоугольник на квадратики со стороной 1 см — и сразу же делается ясно, почему для вычисления площади прямоугольника длину его сторон нужно перемножить. Или нарисовали кубический дециметр как кубик из сложенных друг с другом «кубических сантиметриков» — и сразу же ясно, как соотносятся между собой

единицы измерения объема, а также как находить соотношения между различными единицами измерения объема.

Математика — наука точная. В ее правилах не бывает исключений. Она не зависит от эмоций. В ней есть четкие алгоритмы действий. Там не существует никаких «может быть», а есть лишь однозначные решения. Это стиль мышления, на устойчивости и объективной надежности которого держится вся современная цивилизация.

Важно научить ребенка этому новому для него стилю мышления. Ведь до школы человек живет в основном в стиле эмоционального, художественного типа восприятия. Важно не путать одно с другим. Подход к созданию картины совсем не такой, как к решению математического примера. Но, кстати, чувство гармонии присутствует и в логике.

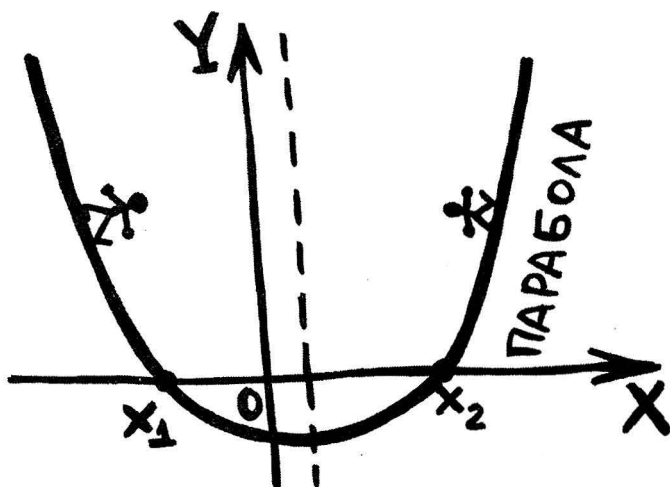
МАТЕМАТИКА

(СРЕДНИЕ И СТАРШИЕ КЛАССЫ)

Принципы преподавания все те же самые, что и в начальной школе. Разница заключается во все больших объемах учебного материала и в постепенном приближении к языку науки.

Мы работаем по базовому учебнику. Подбор задач и примеров там обычно вполне подходящий. Да и картинки бывают удачные. Удобно и то, что есть ответы — всегда можно проверить правильность решения. А вот то, как в стандартных учебниках объясняется материал, обычно меня абсолютно не удовлетворяет. Поэтому в основном объясняю сам.

Многие вводимые понятия, методы весьма трудны для восприятия детей. Например, понятие функции. Что такое график функции, тоже непросто внятно объяснить. Знакомство с отрицательными числами — это вообще новая эпоха. Да и почти каждый новый раздел. Понимая трудности детишек, я стараюсь быть терпеливым и изобретательным в объяснениях. Я стараюсь объяснять максимально просто.

Понимание принципа действия намного важнее запоминания формул. Формулы можно на листочке написать и поглядывать на них, решая задание. Так все и запомнится.

Например, в квадратных уравнениях очень важен образ графика соответствующей функции (параболы) — то, как и где она пересекает оси координат (и пересекает ли вообще). А во всех действиях и задачах с дробями очень важно полноценно понимать, что такое дробь, почему ее можно сокращать. Образ числовой оси — один из самых ключевых. Опираясь на него, удобно разбирать самые разные темы.

Очень большой акцент я делаю на умении ребенка самому оценить правильность своего решения — не только в целом, но и на каждом этапе. Тут человек не только учится быть внимательным и аккуратно действовать строго по правилам, но и развивает осознанность действий.

Например, умножал 12,5 на 11,3 и получил 1412,5. Легко оценить, что результат неправдоподобен: ведь мы умножали два числа, каждое из которых близко к 10, то есть результат должен был получиться близким к 100. А тут — больше 1000. Значит, нужно искать ошибку. Ищем. Находим: неправильно поставлена запятая. Верный ответ 141,25.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

То же и в задачах. Поехали в разные стороны из Москвы одновременно два поезда. И вдруг мы получаем, что за 3 часа расстояние между ними оказалось больше 10000 километров. Чушь. Такого пока не бывает — это ясно из примерных скоростей обычных поездов.

Я давно привык при решении задач позволять детям не досчитывать до конца, если они уже хорошо освоили соответствующие математические действия. И недорешивать уравнения разрешаю. Обычно в задаче главное — составить уравнение или систему уравнений. А на подсчеты можно время и не тратить. Лучше проработать побольше задач. Такой подход я начинаю внедрять еще в начальных классах.

Постепенно все же я приучаю своих детей и новый материал разбирать по учебнику самостоятельно. В старших классах Тима уже мог делать это совершенно спокойно. А Коля вообще учился в школе у высококвалифицированной учительницы по математике.

Сам я не считаю себя очень уж хорошим преподавателем математики. Мне кажется, что часто я объясняю путано и не очень внятно. Я гораздо больше действую как психолог, чем как логик. И в результате во многом не дотягиваю до уровня преподавания, необходимого в старших классах (особенно, если стремиться поступить в вуз, где высокие требования по математике). Да и в средних классах физико-математической школы преподавать бы не смог. Но для обычного спокойного знания математики в рамках базовой школьной программы моего подхода вполне хватает.

РУССКИЙ ЯЗЫК (НАЧАЛЬНЫЕ КЛАССЫ)

Основная задача — научить ребенка писать. Не сверхсложная задача. Просто требуется время и терпение.

Хорошо бы еще чадо усвоило хотя бы некоторые правила — на элементарном уровне грамотности. Да еще чтобы получило

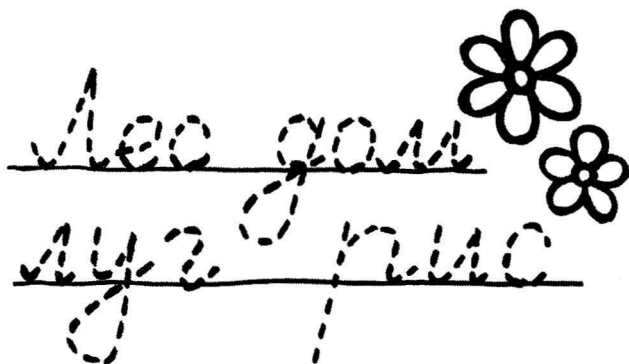
представление о частях речи, членах предложения, падежах, родах, временах.

Для сыновей я изобретал кучу всяких хитростей. Но не с целью найти особо эффективные методы обучения русскому языку, а чтобы мальчишки им занимались с меньшим отвращением. Собственно, дело в основном было в Тиме, а Коля и так без особых проблем изучал русский.

Основной мой стиль заключался в том, чтобы для работы подбирать тексты повеселее. Часто я сам сочинял упражнения и диктанты — пусть и не так строго-дидактично, но зато живо и интересно для ребят. А то в учебниках обычно такая скукота и тяготища в подборе текстов, что просто диву даешься!

Если вы посмотрите, как обычно составляются упражнения по русскому языку, то увидите, что принцип прост. Например, мы проходим «НЕ с глаголами». Немного настроившись и чуток воодушевившись, начинаю диктовать что-нибудь вроде: «Тимоха сидел за столом и не хотел учиться. Папа негодовал. Он не мог не учить сына, так как знал, что без знания русского языка в современном обществе не прожить. Коля в это время не скучал, а рисовал что-то. Маша все еще валялась в постели, хотя уже не спала. За окном еще не рассвело».

Но все же сил моих не так много. Да и к государственным стандартам нужно детишек приучать. Поэтому я включал в занятия и самостоятельную работу по учебнику (письменно или просто

карандашом прямо в книге). И диктанты диктовал иногда готовые (особенно в преддверии экзаменов).

Делал я и индивидуальные прописи, которые мои дети потом обводили по точкам. И образцы написания слов и предложений записывал — дабы детишки копировали. И аккуратности в тетради учил. Ну и все в таком духе.

Словом, одолели мы с сыновьями начальный уровень изучения русского языка — с огрехами, с недоработками, но более или менее приемлемо. За экзамены они в основном тогда получали «четверки». Однажды, правда, Тима получил «двойку» на зачете по чистописанию (контрольное списывание текста). Но потом собрался и сумел в другой раз хорошо переделать работу.

Маша изучает русский язык без особого рвения, но вполне старательно и успешно. Я для нее почти ничего уже и не изобретаю — практически нет нужды. Работаем по обычному учебнику. Сдает доченька в основном на «пятерки» все диктанты и задания.

То есть вы, уважаемые читатели, видите, что даже такой не очень сведущий в методах преподавания русского языка человек, каковым являюсь я, вполне может организовать изучение данного предмета на приемлемом уровне. Не блестяще, конечно. Но вполне нормально.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СРЕДНИЕ И СТАРШИЕ КЛАССЫ)

В средней школе и у Коли начало проявляться неприятие стандартных методов обучения русскому языку — то ли от старшего брата набрался, то ли методы эти очень уж неестественные.

Я знаю немало людей, которых в целом вполне устраивает принятая сейчас система преподавания русского языка в школе. Надо признать, что как-то данная система работает. Но лично мне она напоминает тюрьму. Или даже камеру пыток. В свои школьные годы я с ней отмучился — и даже научился писать грамотно. Но своим детям мне хотелось сделать жизнь радостнее.

Недавно Тима, наблюдая, как коряво я пытаюсь объяснить Маше какую-то тему, сказал: «Ты, батя, вкладываешь в преподавание русского языка свое отвращение к этому предмету». Слава богу, вырос сынуля, поумнел, может и отца уму-разуму поучить, открыть глаза на правду. Подумав, я понял, что Тима прав. Но первое, что мне пришло в голову: «Вот зараза! А сколько я с ним намучился, пытаюсь, чтобы он хотя бы чуть-чуть занимался русским!»

Наверное, тут дело в типе восприятия, в типе личности. Вот Маша довольно легко усваивает все эти разнообразные правила со множеством исключений, в которых не видно никакой логики, зато в изобилии присутствует хитроумная терминология. А меня просто тошнит!

Поскольку сыновей в свое время тоже тошнило (то ли оттого, что мое влияние было сильно, то ли оттого, что их природа в тот период была схожей с моей), я искал пути более свободного, интересного и логичного преподавания русского языка. С логичностью не особо получалось, а вот творческая свобода свое дело сделала — процесс пошел.

Кто-то сказал мне, что существует такая система, когда ученику просто дают переписывать текст: усвоение правильного способа написания слов происходит автоматически. Мне такой подход понравился. Тем более что я писатель. Дал сыновьям переписывать «Солнечные сказки». Потом пошел в ход и «Власте-

МЫ УЗРЕЛИ КРОКОДИЛА,
НЮХАЮЩЕГО ЦВЕТОЧКИ.
(ПРИЧ. ОБОРОТ)

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

лин колец» (любимая книга у нас в детские годы). Иногда давал что-то из учебника (подбирал поинтереснее). Разумеется, я проверял тетради и исправлял ошибки.

Иногда мы пользовали и учебник — нужно ведь было и по программе заниматься. Что-то получалось. Но в целом это была какая-то каша из хаотических, нервных, неэффективных действий. Экзамены в школе сдавали в среднем на «четыре». Коля двигался лучше, Тима — хуже.

В старших классах проблемы с русским языком у сыновей куда-то ушли. Я не прилагал к этому никаких усилий. Может, повзрослели ребята и научились сами как-то разбираться. А может, изменился их стиль восприятия.

С Машей я стараюсь опираться на учебник. Даже делается уже не так противно. Наверное, у доченьки сильный характер, и она потихоньку перестраивает меня в восприятии системы правил русского языка. Да тут еще столько вокруг знакомых специалистов-филологов, которые утверждают, что в языке все логично! Наверное, придется скоро поверить.

ЧТЕНИЕ

Читать я учил своих детей до школы — по собственным развивающим играм и пособиям. Я знаю, что существуют разные методики. Мне было интересно делать по-своему.

Какой-либо специальной тренировкой навыка чтения мы в школе абсолютно не занимались. Просто дети сами читали книжки, которые хотели. И скорость чтения, выразительность, умение воспринять содержание текста и кратко пересказать его, ответить на вопросы по тексту — все это развивалось само собой. И экзамены по чтению мы всегда сдавали на «пять с плюсом».

Выучить наизусть десяток-другой стихотворений, прочитать необходимые по программе художественные произведения — труда никогда не составляло. Правда, иногда попадались произведения не очень интересные, но это мелочи.

Экзамен по чтению я всегда воспринимал как самый легкий. И времени сверх необходимого минимума для подготовки к нему не выделял.

Наверное, уместно сказать, что в нашей семье мы весьма много читали с детьми вслух. Такое дело еще моя бывшая жена начала активно внедрять. А потом и мне приходилось. А потом Тима стал читать вслух для Маши. Даже когда сыновьям было 14-15 лет, они временами с удовольствием слушали, как я читаю вслух мои истории-фэнтези про Древнюю Русь. А уж на «Солнечных сказках» Тима, Коля и Маша просто выросли — я читал их год за годом десятки раз.

Сами дети тоже всегда много читали, в том числе и когда учились в начальной школе. У нас дома много хороших книг, мы ходили в библиотеку, брали книги у знакомых. Да я и сам читать люблю.

ЛИТЕРАТУРА

Стандартный подход к преподаванию в школе литературы вызывает у меня массу вопросов. Я не понимаю, почему упор делается на русскую классику и другие взрослые книги, а не на произведения, вызывающие активный интерес у детей. Возможно, я не прав. В любом случае, есть госпрограмма, которой необходимо следовать. А развивать в детях любовь к чтению хороших книг приходится путем, не зависящим от школьного учебного процесса. Ведь среди детей и подростков очень мал процент тех, кто любит классику. У остальных она вызывает скуку, непонимание и отторжение (а в результате — радикальное уменьшение интереса к чтению книг вообще).

Поймите, я с огромным уважением отношусь к русской классической литературе. Во взрослом возрасте я множество раз перечитывал романы Толстого и Достоевского, да и Пушкина с Гоголем смог оценить по-новому. Но я до сих пор помню, как тягостно и неинтересно было читать «Войну и мир» в 16 лет. Я просто не понимал, о чем идет речь — ведь жизненного опыта не было.

Приспосабливаясь к требованиям школьной программы, я старался облегчить своим детям процесс восприятия произведений Гоголя, Пушкина, Чехова, Некрасова... Как? Объяснял специфику жизни в России в то время. Объяснял, для чего авторы писали свои книги, как они жили, о чем мечтали... Часто приходилось делать экскурсии в историю, в психологию, в историю религии.

А еще я иногда читал Тиме и Коле особо трудно воспринимаемые произведения вслух — иначе они просто были не в состоянии одолеть текст. Так делать мне посоветовала их учительница по литературе. Читая вслух, можно не только варьировать интонации и использовать прочие драматические приемы, но и делать паузы, если дети устают слушать. А главное — в любом месте можно прервать чтение и разъяснить, что там в книге происходит. Скажем, в «Тарасе Бульбе» описана совсем другая эпоха, совсем другой уклад жизни, совсем другая психология людей.

Детям и подросткам трудно воспринимать и анализировать книгу как сложную и тонкую интеллектуально-психологическо-философскую композицию. Их привлекает сюжет и жизненность. Схема «прочитали-расчленили-проанализировали» меня коробит. Поразмышлять можно. Можно как-то осознать прочитанное — но в свободном, естественном, ненадуманном режиме.

Словом, мы не особо анализировали. Готовясь к экзаменам, мы кое-как отвечали на соответствующие вопросы из учебника, говорили о характерах главных героев, о композиции, об общей идее произведения, но все это делали по обязанности, а не из-за того, что видели в таком подходе большой смысл.

Я почти уверен в том, что аналитический подход может убить всю магию произведения. Я не хочу, чтобы мои книги для детей и подростков когда-нибудь анализировали в школе: «Богатырь Ваня обладал следующими качествами характера...» Даже страшно подумать! Он ведь живой человек! А для меня — друг, почти родной.

Я учу своих детей разбираться в ситуациях, в людях. Мы можем подолгу обсуждать, в чем причины тех или иных конфликтов, психологических противоречий, идейных разногласий. По сути, это то же самое, для чего существует в школе обсуждение литературных произведений — научиться думать, научиться понимать жизнь и людей.

На зачетах по литературе Тима и Коля не блистали. Они приходили подготовленными, но сам стиль вопросов, сам подход не вызывал у них энтузиазма. Многие вопросы учительницы вызывали у них недоумение. Да и мне в голову не приходило, что такое будут спрашивать. Но в целом ребята справлялись нормально.

Маша сейчас легче одолевает специфику аналитического изучения литературы. Временами я вижу, что обсуждать книгу перед экзаменом ей вполне интересно. Ну и хорошо — как-никак тоже форма развития интеллекта.

Зато вот в краткой форме выразить свое общее отношение к прочитанной книге — это нам близко. Особенно точно и выразительно получается у Тимы. Он даже иногда пишет аннотации к моим историям-фэнтези. А в пятом классе в сочинении по одной из моих сказок (можно было выбрать любую сказку) он написал: «Обычно в сказке герои решают какую-то проблему. А тут никакой проблемы нет. А есть только настроение радостной, веселой игры». Сам такое придумал — мы и не обсуждали ничего вовсе.

Сочинения мы писали сначала с большим трудом, а потом все легче и легче. Темы старались выбирать (если был выбор) общего, а не узко-аналитического характера.

Я учил детей, что сочинение — это не набор заранее готовых ответов на вопросы, а свободное размышление на тему книги. Тут совсем не как в математике, где есть четкое «правильно — неправильно». Мысли — любые. Формы — любые. Но читающему должно быть понятно. А еще лучше, чтобы читать сочинение было интересно, чтобы это давало какой-то новый взгляд, новое впечатление. Пусть учительница читает сочинения сотнями. Ну и что?! А ты постарайся сказать что-то свое, выразить свою позицию!

На первых порах я сильно помогал Тиме и Коле писать сочинения. Это реально трудно — преодолеть первичный психологический барьер и начать просто писать. Я и сам в школе испытывал огромные трудности. Кто б мне тогда сказал, что я стану писателем! Я не понимал, что сочинение текста — это не логические выкладки, а поток сознания, движимый вдохновением. Я не умел свободно плыть в этом потоке, а судорожно дергался и захлебывался на мелком месте.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Понимая трудности детей в данном плане, я мог мягко помогать им освоиться в стихии литературного творчества (именно так концептуально я подходил к написанию школьных сочинений). А начинается все с умения связно излагать свои мысли. Это в любом деле пригодится. Постепенно грань между мыслями в голове и текстом на бумаге стирается. И вот они уже сливаются в один процесс.

Все трое моих младших детей сочиняли сами (а Тима и Маша и сейчас сочиняют) стихи, песни, сказки, рассказы. Конечно, такой опыт существенно облегчает и школьное изучение литературы. Многие задачи автоматически решаются через самостоятельное свободное творчество и через самостоятельное заинтересованное чтение разнообразных (в том числе и весьма серьезных) книг.

У моих детей вовсе не сформировалось отвращения к классике. Когда Коля проходил в школе Достоевского, он по собственной инициативе прочитал «Идиота», с тех пор это одна из его любимых книг. Маша уже несколько лет назад прочитала «Мастера и Маргариту» — когда кто-то из братьев изучал эту книгу по программе.

Хорошо, когда нужная книга приходит к человеку в нужное время — он готов, он ждет ее, она открывает ему нечто принципиально важное именно в данный момент его жизни. Как такое реализовать в массовой школе? Не знаю.

ПРИРОДОВЕДЕНИЕ

Смысл занятий природоведением — научиться любить Природу, научиться удивляться многообразию ее тайн, научиться понимать самые обычные природные явления. Именно с такой позиции я и подходил к преподаванию данного предмета. Знания из учебника, конечно, важны, но они — лишь дополнение к общему процессу.

Я не зацикливался на школьной программе. Просто мы гуляли, играли в лесу, в поле, в парке, на даче. Наблюдали все вокруг.

Что-то обсуждали, чем-то просто восхищались, что-то использовали (ягоды ели, грибы собирали, лекарственные растения сушили). Мы узнавали разные породы деревьев, исследовали устройство цветков, следили за насекомыми. На озере мы измеряли глубину с помощью груза на веревке. Во время грозы мы считали, сколько секунд проходит между вспышкой молнии и звуком грома, а потом подсчитывали расстояние до того места, где ударила молния.

Мы совершали дальние прогулки, в том числе и зимой. Мы видели следы всяких животных. Подолгу смотрели на жизнь лесного муравейника. Глядели на звезды. Приручали ящериц, живущих на нашем дачном участке. Спасали непонятным образом очутившегося в городе лягушонка (его мы не поленились отнести за край города и выпустили там у небольшой речки). Мы видели журавлей — совсем близко. И гадюк видели.

Я учил детей правильно обращаться с костром — чтобы не устроить в лесу пожара. Уходя, мы всегда его заливали водой. А пару раз нам пришлось тушить оставленные кем-то костры.

Так природоведение изучается естественно. Не надо особого времени. Я считаю, что детям нужны не только впечатления и переживания, но и определенное интеллектуальное понимание увиденного, прочувствованного. Небольшие разъяснения, минилекции, миниисследования рождаются по ходу дела. И полу-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

чаются глубокие знания. А потом по учебнику их только немного надо систематизировать и дополнить.

Бытовые явления, домашние предметы, разнообразная техника — это тоже входит в природоведение. Почему ложка, если ее опустить в кружку с горячим чаем, тоже делается горячей? А зачем мешать кашу при ее приготовлении? Почему нельзя пить воду прямо из озера? Кто такие микробы? Зачем мы мажем ранку йодом? Чем батарейка отличается от розетки? Почему холодит холодильник? Отчего бывает зима и лето?

Кстати, тут уже и ОБЖ немного. Ведь для того, чтобы избежать многих опасностей, необходимо понимать природу соответствующих явлений. А иначе ребенок попадает в запутанный и чисто умозрительный для него хаос запретов и угроз.

Я очень люблю Природу. Могу часами сидеть на крыльце своего дома на даче и просто смотреть на поле, на деревья, на плывущие облака, на незатейливые цветочки... А купание в лесном озере или прогулка по лесу — это вообще нечто сокровенное. Вот если бы еще и комары не кусались!

Природоведение закладывает базу для дальнейшего изучения географии, биологии, физики, химии. Причем, на мой взгляд, не только и не столько на уровне логических знаний, а на уровне отношения, интереса, сопереживания.

ГЕОГРАФИЯ

Мне очень симпатично, как начинается изучение географии — с ее базовой, физической части. Учебник для шестого класса почти идеален. Но чем дальше, тем учебники делаются хуже: сложнее, перегруженнее, эклектичнее. К тому моменту, когда мы доходим до экономической географии, все уже настолько неудобоваримо, что приходится прилагать немалые усилия, дабы помочь ребятам разобраться с материалом.

Мне кажется, что критерий удачности для учебников географии, истории, биологии очень прост: можно ли их просто читать как интересную научно-популярную книжку. Все должно

быть просто и с картинками. Да в общем-то и к учебникам по всем другим предметам данный критерий во многом подходит.

Учительница по географии из нашей школы консультировала меня каждый год перед началом изучения курса — что необходимо знать в первую очередь, что является самым важным, а какая информация в учебнике приведена чисто иллюстративно, для сведения интересующихся. Вот мы и ориентировались на главное, на суть. Вот если бы еще и учебник был так организован, что сразу было бы ясно, где основное, а где второстепенное!

Все изучение географии опирается на географические карты. Их много, и они бывают разные. Я всегда считал очень важной работу по картам. Нужно, чтобы дети научились легко ориентироваться по ним, быстро находить нужные объекты, оценивать расстояния. Я полагаю, что это весьма важное умение — не только в плане изучения школьной программы, но и для жизни.

Сюда же примыкает умение понимать план местности, ориентироваться по сторонам горизонта. Все это можно потренировать в лесу, во дворе или даже прямо в квартире. Мы многократно и со вкусом разглядывали карты нашего города и области, особенно знакомых мест и маршрутов.

Я не заставлял своих детей детально заучивать расположение географических объектов на картах. Но общая ориентация на планете Земля, по-моему, должна быть не проблемой для любого человека. А то, слушая новости или читая книгу о приключениях, не будешь понимать, где все происходит.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

То же можно сказать и о принципе обозначения географических координат. Его достаточно один раз хорошо понять. И тогда все романы о морских путешествиях станут гораздо яснее. Тут очень удобен глобус (он у нас дома давно пребывает просто в виде шара — безо всяких подпорок).

В некоторых своих частях география тесно примыкает к биологии: где какие зверюшки и птички живут, где какие травы и деревья растут, где какой климат, как существуют природные сообщества... Поэтому, изучая один предмет, легко можно повспоминать и другой.

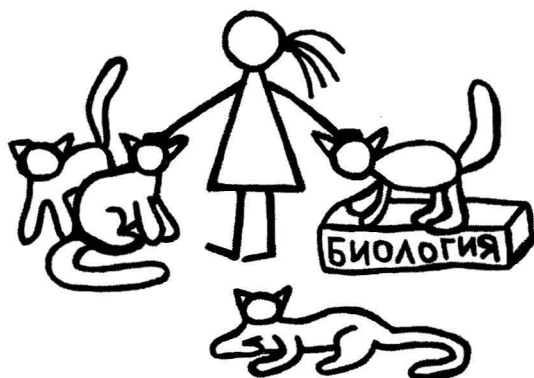
БИОЛОГИЯ

Сам я в детстве биологией много интересовался. Собирался даже стать врачом. Потом думал учиться на биолога. Но затем интерес к физике все перебил. Я, правда, имел мысли заняться биофизикой, но как-то не сложилось, хотя еще и в институте почитывал книжки по биофизике, физиологии, нейрофизиологии и с интересом разглядывал анатомические атласы.

Многое я с тех пор помню, многое позабыл. Но интерес, вовлеченность в своеобразный стиль научно-биологического мышления остались. Мне нравится читать учебники по биологии, хотя они и далеки от совершенства, а местами просто безобразны.

Так получилось, что все разделы биологии мои дети изучали без моей особой помощи. Они сами читали учебник и ходили к нашей знакомой учительнице на зачеты — сдавали небольшими кусочками, по несколько параграфов. А учительница еще и рассказывала всякие интересные вещи, разъясняла сложные вопросы. Мне оставалось лишь поддерживать интерес и энтузиазм да помогать (глядя в учебник), проверяя знания перед зачетом. И я был рад, что не надо напрягаться.

Маша даже одно время думала стать ветеринаром. Но потом поняла, что в животных ее больше интересует их поведение, их психология, а не физиологическое устройство. По-моему, кста-

ти, курс зоологии очень выиграл бы, если в него ввели бы элементы зоопсихологии и даже дрессировки.

Дети обычно очень интересуются зверюшками, птицами, насекомыми, рыбами... Я старался всегда этот интерес понимать и поддерживать. Вот Маша маленькая ходила по садоводству и мяукала — подзывала кошек. Иногда кошки, похоже, ее воспринимали по-родственному. А однажды, сидя на крыльце, Маша увидела пищущую землеройку. Доченька и запищала сходным образом. И представляете, землеройка побежала к ней на зов — видно, решила, что ее зовет подружка!

ИСТОРИЯ

Просто читали учебник. Если он удачный, то вообще нет проблем. Например, отлично написан стандартный учебник по истории Древнего мира. Я его и сам читал с удовольствием — узнал много интересного про Древнюю Грецию, Древний Рим, другие древние процессы.

Если учебник не очень удачный, то я помогаю выделять главное, понимать суть и взаимосвязи исторических процессов. Ино-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

гда делали так: Тима и Коля сначала прочитывали раздел, потом мы его обсуждали (я глядел в книгу), потом ребята еще раз читали — уже с большей ориентацией. Помогали и подчеркивания в тексте наиболее существенных фактов и выводов.

Я стараюсь комментировать изучаемый материал, показывать его связь с современными процессами, проводить параллели между событиями в разных странах в разное время. С моей точки зрения, это очень важно.

Например, недавно мы с Машей готовились к зачету по теме «Война английских колоний в Северной Америке за независимость и образование США». Ну как тут было не поговорить о том, что созданная тогда система политического устройства государства теперь является в мире одной из основных, в том числе и у нас в России?! Сравнивая то, как было тогда в США, и то, как есть у нас сейчас, мы могли глубже и четче понять весь этот материал. А говоря про деятельность Джорджа Вашингтона, мы заодно поразглядывали однодолларовую купюру с его портретом.

Еще я считаю чрезвычайно важным использование при изучении истории карт. По ним все видно наглядно. Я постоянно напоминаю детям глядеть на карту, когда они читают текст. И разъясняю материал с опорой на карты в учебнике истории.

В шестом классе у Маши изучение истории строилось по учебнику и по рабочей тетради. Очень удобно: читаешь параграф и

тут же выполняешь в рабочей тетради к нему задания. Получается многократное повторение всей информации, ребенок учится осмысливать материал, структурно работать с текстом. Да и сдавать потом легко.

Иногда мне жаль, что я совсем не историк. Я не очень понимаю эту науку. На мой вкус, там слишком много разнообразных фактов, дат, документов, а четкой логической структуры нет. И каждый интерпретирует историю по-своему.

Вот и я затеялся сочинять фэнтези про Древнюю Русь. Но у меня там совсем другая история — не по учебникам и не по летописям. Частично сказочная, частично настоящая, частично современная...

ФИЗИКА

Может, вы думаете, что я преподаю физику как-то особенно круто? Ничего подобного. Просто идеально. Я очень хорошо представляю, из каких кирпичиков уложено здание физического изучения Природы. И тщательно слежу, чтобы каждый из этих кирпичиков, который изучается в школе, улегся точно на свое место — дабы была в голове ясность, система и порядок. А вот на объемы знаний выше среднешкольных я и не захожу. И всякие задачки повышенной сложности со своими детьми не решаю.

Я не уверен, что я объясняю физику очень здорово. Но стараюсь. Особый акцент делаю на образности, на жизненности, на единстве физической картины мира.

Поначалу я устраивал для Тимы и Коли лекции перед изучением каждого раздела. А потом уже они сами читали параграф за параграфом и решали задачки под моим контролем.

Затем ребята перешли на самостоятельное изучение физики. А на подготовительных курсах (перед поступлением в вузы) они еще и там черпали информацию (уже за пределами для меня сложности).

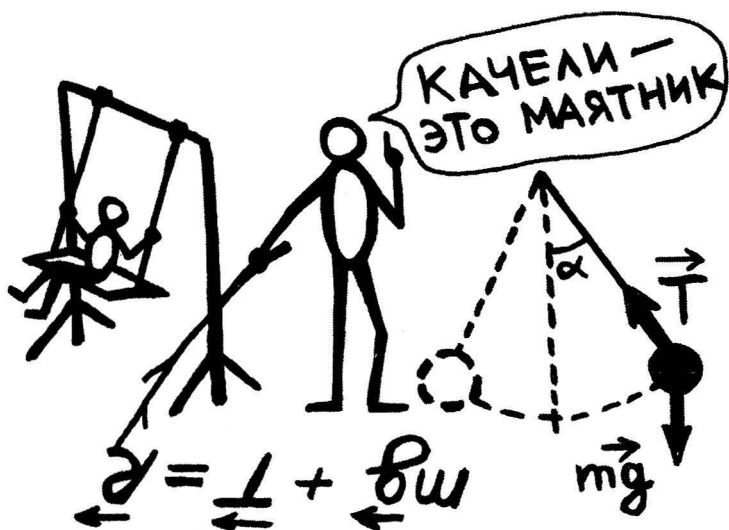
Я так серьезно занимался физикой последние три класса школы, а потом так страстно изучал ее в Политехническом инсти-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

туте, что у меня сложились особые отношения с этой наукой. Я много читал и об ученых-физиках (Эйнштейн, Планк, Бор, Ландау), и об истории физики, и о новых веяниях. И знаете, у меня нет ощущения, что все сие прошло впустую. Ведь даже в объяснении второго закона Ньютона или формул тепловых процессов можно передавать сущностное, глубинное понимание физических принципов и методов.

Физика во многом иррациональна, даже мистична. Ее невозможно понять чисто логикой, как математику. Физику нужно почувствовать: в ощущениях, в образах, в эмоциях даже. И тогда открывается ее стройность и естественная логичность, взаимосвязь разделов.

А начинается все с ответа на детские вопросы о том, как ток бежит в проводах, о том, почему брошенный камень падает вниз, о том, зачем на колесах машин делают протекторы... Отвечая год за годом на подобные вопросы, я учил детей понимать сущность физических процессов и явлений. Именно сущность. Поэтому потом и более строгое, математизированное и системное изучение физики в старших классах шло легко.

Как учить физические формулы? Для начала (и это главное!) нужно очень хорошо и очень четко понимать то, что происходит, понимать механизмы и законы. Еще необходимо ясно понимать смысл всех используемых физических величин и их взаимосвязи друг с другом. А уж потом формулы можно выписать на листочек и подглядывать в него, решая задачи. Так они все потихоньку и запомнятся.

Нелишне также помнить, что при изучении физики важно устойчиво владеть соответствующими математическими навыками. Преобразование формул, действия с числами в стандартном виде, решение систем уравнений, графики функций, векторы. Тогда, кстати, и математику делается веселее учить — понимают детки, зачем она нужна в жизни.

ХИМИЯ

Зная физику, легко перейти и к изучению химии. По сути, это одна наука. Мне глубоко непонятен принятый в большинстве учебников подход, когда химию преподают в последовательности ее исторического развития. Ученики попадают в

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

какую-то непонятную кашу из труднообъяснимых слов: «валентность», «моль», «ряд напряжений металлов», «элемент». А тут еще и всякие химические реакции начинаются: и такие, и сякие... Если же начать с устройства атомов и с Периодической системы элементов, то смысл всех химических понятий, процессов, закономерностей делается абсолютно очевиден. Тогда легко ориентироваться, решать задачи, запоминать материал.

Сыновьям я объяснял химию в первый год изучения в восьмом классе. А потом они двигались сами без проблем и абсолютно без моего участия.

Для удобства запоминания типов химических реакций Тима активно использовал схемы, которые сам составлял: на большом листе ватмана изображаются примеры всех основных реакций — для каждого типа химических соединений (кислоты, основания, соли, оксиды).

Изучение химии как стройной системы несколько затрудняется обилием частных случаев — нужно запоминать не только общий принцип, но и массу нюансов. Но в целом системный подход и тут хорошо работает.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

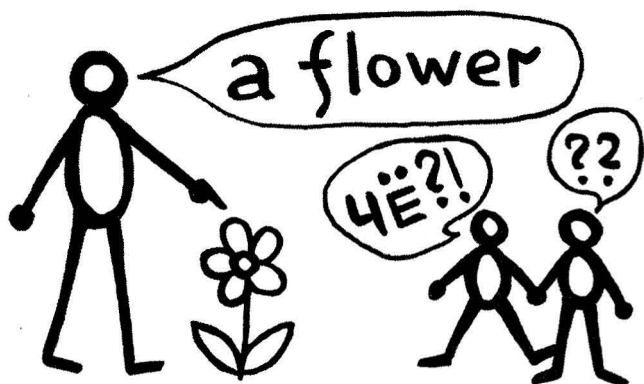
Сам я много занимался изучением английского языка — и в школе, и в институте. Но толком так и не выучил. Почему? Во-первых, у меня нет специфических способностей, а во-вторых, методики и учебники в наше время были малоэффективные (по крайней мере, те, которые я тогда использовал). Читать тексты я со словарем могу (но только технические, а не оригинальные художественные). Кое-как объясниться с иностранцем (частично словами, частично жестами) я тоже могу. А вот свободно и правильно разговаривать по-английски не умею.

С сыновьями мы занимались изучением английского языка с пятого класса. Учебники попадались то чуть лучше, то чуть хуже. В целом потихоньку двигались. На фоне других ребят из их школы получалось очень даже неплохо.

Моя бывшая жена занималась с детьми английским по хорошему самоучителю — еще до школы и в младших классах. Не очень регулярно, но достаточно грамотно. Так что кое-какая база у Алены, у Тимы, у Коли была.

В школе Алена проявила очень хорошие способности к языку. И мы решили ее даже отправлять на уроки английского в школу, так как сами не чувствовали в себе достаточно квалификации. А в школе все же есть возможность учиться у профессионала.

Учительница очень доброжелательно относилась к Аленушке, и та поначалу старательно занималась. Но общее разгильдяйское отношение к учебе большей части класса быстро сделало свое дело — Алена тоже начала разгильдяйничать. Я уж не помню, перестала она ходить на те уроки или нет, но толку в них не стало, хотя учительница была очень хорошая.

Нам на помощь пришла дальняя родственница, работавшая переводчицей и немного преподававшая язык индивидуально. Она очень тепло отнеслась к Алене. Дочка стала ездить на занятия 2-3 раза в неделю — занималась в паре с какой-то девочкой. Денег нам это не стоило никаких (их и не было), а эффект был просто замечательный! Жаль, что потом все прервалось в связи с переездом Алены в другой город. Правда, потом и та женщина уехала с мужем работать в Англию.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

У Тимы способностей к языку не было совсем. Я мучился сам и мучил его, пытаясь вложить в голову сына простейшие сведения: название дней недели, вопросительные слова, построение предложений... Нервов и сил уходило очень много, двигались по чуть-чуть. Одно было утешение: заниматься можно было на улице во время прогулки.

У Коли с английским языком отношения складывались много лучше, чем у брата. Он и запоминал легче, и произносил правильно, и читал хорошо. Так они обычно и сдавали: Коля на «отлично», а Тима на «хорошо». Правда, к старшим классам Тима улучшил показатели и сумел окончить школу с «пятеркой» по английскому. А в университете, переводя технические тексты, вообще освоился и учился весьма успешно.

У Маши очень хорошие способности к английскому языку. Да и учебники нам попались замечательные (Верещагиной и Прилькиной). Дело движется пока хорошо. А прошлым летом сложилась удачная возможность Маше позаниматься (безвозмездно) с очень хорошей преподавательницей — в компании двух девочек.

В плане изучения иностранного языка я не изобрел никаких продвинутых приемов. Все делаем по учебнику. Иногда подключаем знакомых, хотя бы разово — объяснить сложную тему (особенно трудно понять английские времена), потренироваться в свободном разговоре, расширить запас употребительных выражений и оборотов.

В современном мире знание английского языка является очень важным. Школьные педагоги — обычно люди квалифицированные. Но индивидуальные или парные занятия неизмеримо эффективнее, чем изучение иностранного языка в большом классе (пусть и поделенном на две группы).

ЧЕРЧЕНИЕ

В изучении черчения три стороны: пространственное мышление, знание нормативов и аккуратность.

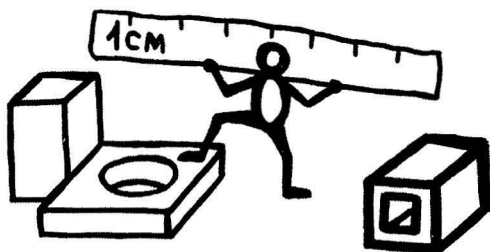
Пространственное мышление мы развивали еще с дошколь-

ных времен: конструкторы, моделирование, специальные развивающие игры (особенно, на мой взгляд, удачна игра Б.П. Никитина «Кирпичики»), рисование... Так что с данным аспектом проблем у сыновей не было.

Нормативов в черчении немного. Выучить их не составляет труда.

А вот с умением выполнить чертеж аккуратно пришлось немного поработать. Не так ведь просто проводить линии строго необходимой толщины да еще нигде их не смазать. Да и чертежный шрифт — штука специфическая.

Все держалось на том, что и Тиме, и Коле делать чертежи было достаточно интересно. А потому я в данном деле почти и не участвовал — только проверял все в конце. Есть ведь учебник, где все разъяснено.

В университете Тима вообще стал чертить мастерски. В нем помимо объемно-пространственного мышления откуда-то появилась изрядная аккуратность и удивительная старательность. Для меня загадка, как такое случилось.

СМЕНА СТРАТЕГИЙ УЧЕБЫ

В организации дома учебного процесса возможны различные стратегии. И нужно отслеживать, когда какие использовать, подбирая наиболее адекватную.

Есть стратегия пошагового многомесячного медленного изучения предмета. По кусочку, по чуть-чуть. Не спеша. Без напряжения. Методично прорабатывая каждую тему, каждый нюанс.

А бывает «мозговой штурм»: за несколько дней до экзамена все другие дела откладываются и мы буквально с остервенением вгрызаемся в материал.

Стратегия может быть цикличной: прошли весь курс, а потом еще раз с самого начала повторили, а потом еще разок. Стратегия может быть хаотичной: мы достаточно случайным образом знакомимся с отдельными кусками курса — без всякого порядка. Такой подход может быть целесообразен при первом обзорном знакомстве с предметом — особенно если чадо не жаждет старательно учиться.

Да и стратегия всего учебного года может быть разной. Мы обычно начинаем с тех предметов, которые нам легче учить, которые вызывают меньше отторжения у детей. А уж потом добираемся до остальных. Смысл тут в том, чтобы ребенок вошел в процесс, привык, почувствовал уверенность в себе, ободрился хорошими результатами, морально подготовился к трудностям.

Иногда в изучении одного предмета необходимо в какой-то момент изменить стратегию занятий. Вот изучать, например, математику несколько месяцев регулярно и понемногу, а потом вдруг налечь на занятия и наконец «довести до ума» всю работу. Или совсем наоборот: отложить математику на пару недель или даже на пару месяцев — пусть будет пауза. И заняться другими предметами. А потом вновь вернуться к математике — с новым настроением, со свежими силами, с большей внутренней готовностью.

Стратегии могут отслеживаться и в более развернутых масштабах: за несколько лет или даже за всю школу.

Управление стратегией своей работы — очень важный навык. В успешности нашего семейного учебного процесса он сыграл одну из ведущих ролей.

Довольно часто я, к сожалению, сталкиваюсь с тем, что родители год за годом упорно придерживаются одной и той же стратегии действий, хотя она не дает хороших результатов. Недавно разговаривал с мамой, у которой сын учится в седьмом классе. Умная, образованная женщина. Говорит: «Занимаюсь с ним каж-

дый день по часу, а то и больше. А он все на «двойки» и «тройки» учится». У меня тут же возникает резонный вопрос: «А вам не кажется, что стратегия ваших действий неэффективна? Может, ее стоит пересмотреть?» Возможно, индивидуальная учебная ситуация в этом случае весьма сложна. Но зачем же носить воду в решете?

Само понимание, что стратегию помощи ребенку в учебе можно выбирать из множества вариантов, дает существенное облегчение. Гибкий подход в данном вопросе иногда позволяет увеличивать эффективность в несколько раз.

Как выбирать стратегию? Я делаю это в основном интуитивно. Временами ошибаюсь, временами угадываю верно. Но главное: все время слежу, дает ли выбранная стратегия приемлемые результаты.

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ

Когда я говорю, что год за годом учусь преподавать школьные предметы, то я вовсе не имею в виду все более и более виртуозное владение какими-либо алгоритмами и техниками объяснения материала. Какие-то методические приемы изобретаются у меня прямо в процессе занятий, какие-то мне рекомендуют школьные учителя или просто знакомые, что-то подсказывают сами дети. Я использую тот или иной способ ведения занятий, а потом его бросаю, чаще всего вообще забываю. Жизнь идет вперед — она ставит новые задачи, формирует новые условия, меняет всех нас.

Когда я говорю, что учусь преподавать — это означает, что я привыкаю следовать этому потоку жизни — не пытаюсь «прыгнуть выше головы», но и не упуская возникающих благоприятных возможностей.

Как я уже писал, для меня педагогика — это на 75% психология. Нюансы эмоциональной атмосферы во время урока так же важны, как логика объяснения новой темы. Ритм и громкость моей речи влияют на то, как дети понимают меня — иногда это

влияние может изменить эффективность учебы в несколько раз. Владение детским языком помогает быстрее находить резонанс в восприятии даже сложных тем, существенно облегчает для моих учеников весь учебный процесс.

Вам приходило в голову, что эффективность урока может радикально зависеть от того, как и в какой комнате ребенок усаживается за занятия? Вы пробовали в грустный пасмурный день начать урок с веселых шуток (дабы все приободрились)? А вот если дети перед учебой бурно играли, то можно сначала посвятить 10–15 минут спокойной неторопливой беседе, рассказу о каких-то прошлых интересных впечатлениях.

Всего и не перечислить. Для меня учиться преподавать — это, в первую очередь, означает учиться чувствовать ребенка, учиться его понимать (и в целом, и сию минуту). Когда следуешь такому подходу, все остальное получается само собой.

Огромным преимуществом является то, что в моих руках не только 40–45 минут урока (как в школе), не только набор учебников и других пособий с подобранными там заданиями, не только официально утвержденный набор методик. В моих руках — весь день, весь учебный год, учебные и внеучебные занятия, свободное общение, режим дня. Я могу привлекать в учебный процесс любые книги, придумывать любые методики и упражнения. Дело не в том, чтобы все было новым и разнообразным. Дело в том, чтобы подходило, чтобы давало хорошие результаты.

Психология — это не только понимание других людей. Это, в первую очередь, понимание самого себя, постоянная работа над собой, постоянный внутренний поиск. Существует масса хороших книг по психологии. Я выбираю те, где поменьше заумных слов, а побольше жизни, практики.

Хотя я и опираюсь в основном на чувства, на интуицию, но и логический анализ психологических ситуаций, психологических проблем во многом тоже очень важен! Логика структурирует наше понимание, делает его более четким. А интуиция помогает находить верный путь.

Родительская педагогика, конечно, значительно уступает школьно-учительской, если оценивать по тем профессиональным знаниям и опыту, на которые можно опираться, строя

учебный процесс. Но родительская педагогика имеет и огромные преимущества: мы очень-очень давно и очень-очень хорошо знаем своих детей, мы глубоко и всесторонне связаны с ними, мы многим похожи на них, мы наблюдаем их круглые сутки. А путь освоения профессионального педагогического мастерства открыт для любого родителя всегда.

Мне кажется, что дело даже не столько в том, насколько человек «умеет преподавать». По-моему, главное — насколько он вкладывает в это дело душу, насколько он в контакте с детьми.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Традиция хорошей учебы — очень давняя в нашей семье. Оба дедушки и обе бабушки моих детей окончили школу с медалями. И мы с бывшей женой тоже учились на «пятерки». Даже многие наши с ней дедушки и бабушки успешно двигались по стезе образования.

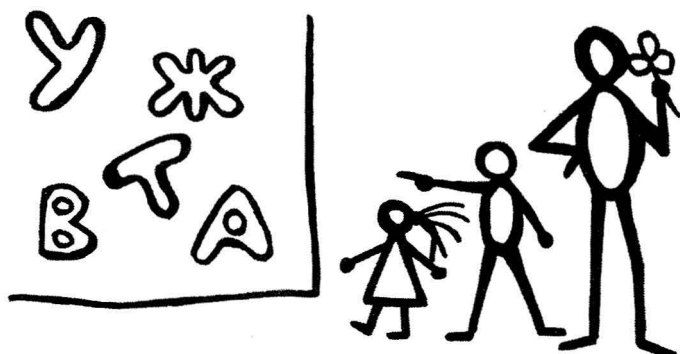
Наверное, все это повлияло и на наших детей. Насколько я могу судить, дело не только в неплохих способностях, передаваемых по наследству, но и в самом духе семьи, в общей атмосфере.

Ну а поскольку я еще и занялся педагогикой в столь расширенном масштабе, мои дети тоже естественно впитали стиль и навыки педагогической практики. Получается уже такая своеобразная семейно-педагогическая традиция.

Когда Тима и Коля учились еще в начальных и средних классах, я временами поручал одному из них объяснить другому решение задачки, смысл физической теории, правило русского языка. Я вел данную линию стратегически: и детям польза, и мне легче. Довольно часто ведь один уже понял, а до другого еще не все до конца дошло.

Объяснять другому — прекрасный способ лучше понять самому. Да и общеинтеллектуальные навыки в процессе такого взаимодействия тренируются прекрасно.

Разумеется, я довольно активно стал подключать сыновей к обучению Маши — в том числе и задолго до школы. Они ри-

совали для нее плакаты с буквами и числами, тренировали се-стричку читать слоги и простые слова, складывать и вычитать. Мальчишки с энтузиазмом излагали маленькой Машеньке множество разнообразных сведений об устройстве окружающего мира: от ботаники и физики до астрономии и правил дорожного движения. Маша то слушала внимательно, то капризничала и говорила, что ей неинтересно так много знать про устройство моторов и ракет. Но в целом знания она усваивала в достаточно большом объеме — просто из таких вот разговоров.

Постепенно дело дошло и до школьной учебы. Я без проблем могу поручить Тиме и Коле объяснить Маше конкретную тему, позаниматься с ней устным счетом, проверить по учебнику выученный параграф или стихотворение, порешать с ней примеры определенного типа. Тима на зимних студенческих каникулах ездил с Машей в деревню к бабушке — и там занимался с ней математикой по всем разделам учебника пятого класса. А в седьмом классе алгебре Машу учил в основном Коля.

Подключая я иногда сыновей и к некоторым другим своим ученикам — объяснить что-то, вместе решить сложный пример, подготовить к зачету, да и Маша уже имеет опыт преподавания. Однажды я никак не мог объяснить одной девочке действия с дробями. Поручил Машеньке. И у нее получилось. Видно, сработала какая-то близость психологий.

А иногда братья просят Машу по учебнику или по методичке проверить их: английские слова с переводом, формулы интегри-

рования, сигнальные знаки МЧС. Она повздыхает, поотнекивается, а потом поможет.

В школе Коля по просьбе учительницы занимался с отстающими — достаточно успешно. А в университете и Тима, и Коля активно помогают сокурсникам. Тима даже сказал, что поработал бы преподавателем, если бы зарплата была нормальная, а не такая мизерная, как сейчас.

Причем у нас совершенно разные стили преподавания. Тима говорит громко, эмоционально, ярко. Из него энергия так и распространяется. Чем-то похоже на артистическое выступление. Но и смысл он подает четко. А Коля излагает спокойно, логично, не повышая голоса, без каких-либо эмоций. Он просто излучает уверенность и достоинство. И это тоже, конечно, действует.

Маша, если ее попросить позаниматься с кем-то, объясняет деловито, рассудительно, немного строго. Ей нравится аккуратность и конкретный практический стиль. И покомандовать немножко нравится.

Я не могу сказать, что учу своих детей педагогическим методам как-то специально. Они просто видят мою работу, что-то перенимают, но в основном вырабатывают свой подход — соответствующий типу личности каждого из них.

Даже частые конфликты между Тимой, Колей и Машей (я так и не научился справляться с данной проблемой) не нарушают солидарности между ними в вопросах учебы. Поругаются, поорут друг на друга, похлопают дверями в ответ на мои увещания. А потом: «Тима, ты не помнишь, как решаются дифференциальные уравнения такого типа?» И Тима тут же делится с братом своим опытом. Словно бы и не ссорились только что.

Разумеется, семейная традиция обмена знаниями важна не только в школьной учебе. И в освоении компьютера, и в приготовлении пирогов, и в умении подклеить разорвавшуюся книжку, и в правильном выполнении упражнения на турнике — во всем дети могут учить друг дружку, передавать опыт. А дело находящегося рядом взрослого — поддерживать такой дух.

И ведь что интересно. Дети не учились ни в каких педагогических вузах, им никто не объяснял методики преподавания, у них нет особо широкого интеллектуального кругозора, а вот ведь по-

лучается научить младшую сестричку счету — обычными методами! Не всегда так ловко, но многое у детей получается успешно в преподавании. Почему?

ПРОСТОТА И РАЗУМНОСТЬ

Завершить данный раздел книги мне хочется неким обобщением. Какие четкие ориентиры мы можем использовать, выбирая те или иные методы преподавания? Что является основой для эффективности наших действий? Как решать трудные учебные ситуации? Чему мы сами должны учиться в первую очередь? Естественно, я могу говорить лишь о своем опыте.

Говоря коротко, я всегда старался действовать разумно и по возможности выбирал самые простые методы.

Вот, например, недавно взялись мы с Машенькой в первый раз за учебник физики. Я не ломал голову, не выдумывал никаких особых подходов. Сказал несколько слов в качестве вступительного слова — и дал дочке читать первый параграф. Прочитала. Обсудили немного. Вижу, что все поняла. Даю читать следующий. Прочитала. Обсудили немного. Двигаемся дальше... И так мы примерно за час прошли первые двенадцать параграфов. Мы не спешили. Просто не было нужды тянуть. Материал в начале курса легкий, поэтому самое разумное — двигаться в бодром темпе. Заодно войдем и в нормальный тонус для работы с последующим более сложным материалом.

Другой пример выбора наиболее простого и естественного решения. Каждый учебный год я сталкивался с тем, что видел: мои возможности ограничены. Надо бы и русский получше преподавать, и на английский приналечь, и математику поглубже копнуть. Но ясно понимаю, что на все сил и умений моих не хватит. И я следовал принципу: делать то, что можно сделать сейчас. Могу научить ребенка математике — учу. Не умею грамотно построить преподавание русского языка — не делаю этого пока. Появилось у детей желание самим изучать игру на пианино — пусть пробуют. Нет такого желания — значит, не будут осваивать

это дело. Есть у меня силы вести урок — веду. Нет сил — поручаю что-то в качестве самостоятельной работы.

То есть я действовал не от некоей абстрактной и идеальной программы («как хотелось бы», «как надо», «как принято»...), а от конкретной ситуации. И такой подход оказался очень жизненным. Реалистичность спасала от ненужной дерготни, позволяя двигаться вперед.

Я не изучал никаких методик преподавания. Возможно, если бы я работал с целым классом, то не смог бы эффективно учить сразу столько разных детей, не владея какими-то готовыми методическими разработками. Но сие и не моя судьба. А у себя в семье я абсолютно спокойно могу сказать своему ребенку: «Знаешь, я совершенно забыл, какие глаголы к какому спряжению относятся. Давай вместе посмотрим по учебнику». От учителя в школе ребятам такое услышать было бы странно. Но в моей ситуации такое предложение — очень разумное. Действительно, так просто — вдвоем сесть и по учебнику разобраться!

В преподавании каждого предмета я последовательно действовал по принципу «делать то, что можно сделать в данных обстоятельствах». Разговорному английскому я могу учить с трудом. Значит, придется это отложить. Зато переводить тексты умею хорошо. Поэтому упор сделаем на работе по учебнику и на чтении дополнительных книжек на английском языке. Мы будем устойчиво продвигаться вперед. Недоработки будут. Но в каком реальном педагогическом процессе их нет?

Выбирая для своего ученика пример по математике, я следую не каким-то изопренным идеям, не какой-то особо тонкой интуиции. Я просто смотрю, решил мой ученик предыдущий пример правильно и уверенно или нет. Если решил правильно и с полным осознанием — можно следующий пример дать немного посложнее или другого типа. Если не смог решить — разберемся вместе. А потом я дам пример, похожий на предыдущий. Метод движения очень прост и естественен. Я следую обычному разумному подходу.

Как диктовать диктанты? Это совсем не сложно. Но тут есть некоторые существенные моменты. Их легко понять, слегка попрактиковавшись и понаблюдав за пишущим под диктовку ребенком. Сначала читаю весь текст — для исходного знакомства.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Потом читаю первое предложение. Потом диктую его по кусочкам. Говорю внятно и четко. Смотрю, в каком темпе пишет ребенок. Не отвлекаюсь. Это не сложнее, чем чистить картошку или мыть посуду.

В ходе урока мне хочется для себя определенного удобства. Помоему, это вполне нормально. В роли школьного учителя я был бы зажат в какие-то рамки принятого поведения. А если мне во время урока захотелось пожевать бутерброд? Или немного попрыгать? Дома это не проблема. Последнее время я довольно часто параллельно с обучением Маши тренируюсь физически — отжимаюсь, приседаю, выполняю другие упражнения. Дочку это не отвлекает — она давно привыкла к такому поведению папы. А я экономлю время, делая два дела сразу. Просто? Разумно?

Сила индивидуальной педагогики в очень большой степени и заключается в возможности действовать, находя простые решения. На мой взгляд, учить ребенка индивидуально намного проще, чем в большом классе. Мы можем опереться на трезвый, разумный подход и не напрягаться. Мы можем ощутить вкус и очарование свободного педагогического процесса.

Сначала я думал на этом и закончить книгу. Но через некоторое время понял, что описал не все. Многие чрезвычайно важные моменты не вписались ни в четко структурированные и логичные две первые части, ни в обзорно-методическую третью часть. И вот родилась четвертая часть книги — рассказ о более глубоких, внутренних, более сущностных аспектах моего родительско-педагогического опыта. Не всегда мне было легко их формулировать. Но я старался следовать простому и разумному подходу — рассказывал так, как понимаю и чувствую сам.

Часть 4

Дополнения

СВОБОДА

ОТ ПРИВЫЧНЫХ МЕТОДОВ

Общаясь с педагогами и родителями, я постоянно вижу, как одновременно и помогают, и мешают те формы преподавания, к которым люди привыкли.

Что требует наше время — настойчиво и мощно? С одной стороны, опираться на проверенные технологии и методы работы. А с другой стороны, непрерывно и очень активно осваивать новые методы, новые подходы, новые концепции. В практической педагогике все точно так же, как и в строительстве, в бизнесе или в информационных технологиях. Но почему же тогда наша педагогика меняется так медленно, почему она так буксует и тормозит?!

Мне кажется, педагог должен быть свободен от любых рабочих схем, которые он (и масса других людей) использовал десятки лет в организации учебного процесса, во всей практической работе с детьми. Если ситуация требует — схемы надо менять или существенно модернизировать. Не потому, что схемы плохие. Они не плохие, они ведь работали хорошо. Просто время изменилось. И дети изменились. И мы изменились. И все общество изменилось.

Для любого родителя тоже важно не быть слишком привязанным к тому, «как нас учили во времена нашей юности». Нас выучили, и мы «стали людьми». Хорошо. Но почему мы часто

убеждены, будто бы все должно быть неизменным?! Понятно, что нам хочется покоя и надежности. Понятно, что мы ностальгируем в глубине души по своему детству. Понятно, что нам не хочется ломать голову в поиске новых решений. Но нам придется их искать — если только мы хотим нормально выучить своих детей.

Один из таких стереотипов — уверенность, будто «специалисты все сделают как надо». Мы привыкли так думать. Мы осознаем значение профессиональной квалификации в любом деле. Но одни педагоги не могут справиться с воспитанием и обучением детей и подростков.

На мой взгляд, выход только такой: каждый родитель должен стать, если не профессионалом, то, по крайней мере, весьма грамотным человеком в области практической педагогики. А для этого нужно не законсервированно хранить свои воспоминания детства о сущности данной сферы деятельности, а быть готовым к радикальным переосмыслениям.

Родители ругают систему народного образования и в то же время ждут «решений сверху». Но не созреют «наверху» никакие гениальные решения, пока основная масса общества не станет готова их воспринять и поддержать.

Это действительно ужасно — видеть, как взрослый человек (успешный в профессии и в целом по жизни) пытается год за годом помещать своего ребенка в отжившие и устаревшие рамки представлений о том, как нужно учиться. Что-либо объяснять такому родителю — дело пустое, ибо он свято убежден (сознательно и подсознательно) в правильности своей линии. И не заставляют его задуматься ни ужасающе низкая успеваемость его чада, ни отклонения в поведении, ни постоянное нервное переутомление.

Насколько я сам свободен в данном плане? В достаточной степени свободен. Мне «повезло»: школьные годы не вызывают у меня ностальгии (хотя сохранились очень хорошие воспоминания о многих прекрасных преподавателях, учивших меня). Я с детства привык учиться в основном сам, а учителей воспринимать не в качестве абсолютных авторитетов, а как умных и грамотных помощников. Поэтому видел и их сильные, и их слабые стороны. То же было и в Политехническом институте.

Занявшись работой над собой, раскрытием своего творческого потенциала, я обнаружил, что внутри меня существует масса препятствий для реализации новых оптимистичных идей. Путем многолетних целенаправленных усилий и с Божией помощью некоторые из них удается убирать или хотя бы ослаблять. Я просто привык, что это есть реальность жизни: новые обстоятельства требуют новых решений.

Но часто ведь и старое хорошо работает. Вот, скажем, шахматы — как универсальное средство развития интеллекта. Идут века, а правила не меняются.

Свобода от привычных методов вовсе не означает полный от них отказ. Просто внутренняя позиция педагога или родителя делается более гибкой, более адаптирующейся, более мудрой. И священные для нас детские воспоминания о доброй учительнице, помогавшей нам умнеть и взрослеть, ничуть не пострадают. Мы просто продолжим ее дело. Продолжим по-настоящему — не по форме, а по сути.

ТВОРЧЕСКИЙ БАРДАК

Я не знаю, как там на Западе или на Востоке, но у нас в России в народе есть очень много иррационального, нелогичного, неупорядоченного. Думаю, во многом поэтому у нас и не удаются педагогические реформы — как ни крути, они ведь всегда представляют собой какую-то форму строгой упорядоченности, рациональности, подконтрольности. Глубинная психология нации отторгает такие конструкции как чуждые и инородные.

Почему в массовых школах такой бардак? (Я вовсе не хочу обидеть учителей, завучей, директоров, РОНО, я имею в виду поведение и отношение к учебе детей и подростков.) Может быть, причина заключается в чрезмерной жесткости и сухости всей системы обучения? Психика детей и подростков ищет возможности для адаптации, для выживания, для развития — вот и компенсируют они своей безалаберностью чрезмерную рациональность обучения.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Каждому человеку нужна и доля «свободы», и доля «упорядоченной организованности». По-моему, сие есть универсальное психологическое правило. И его необходимо учитывать, организуя учебный процесс. Как это возможно в массовой школе, я не знаю — пусть думают те, кто там работает. А вот у себя дома вполне легко опытным путем подобрать правильную пропорцию «творческого бардака» и «системной дисциплинированности».

Тут нужно чувствовать. Вот мы несколько дней ударными темпами осваиваем математику — по несколько полноценных уроков в день проводим. Так бы и продолжать весь учебный год! Но я чувствую, что потенциал такой организованности уже иссякает у моих сыновей. Они вот-вот начнут отлынивать или скандалить по малейшему поводу. Зачем ждать?!

Можно просто переключиться. «Ребята! — говорю я им утром следующего дня. — Математика задолбала! Ну ее! Поехали в Кавголово за грибами! И костерок там разведем! Как вы думаете?!» Реакция детей, думаю, вам ясна.

Работа над картинками особенно хорошо позволила мне почувствовать, как важно творческому человеку отойти от норм чрезмерной организованности. Но подчеркиваю: исходно я был очень склонный к рациональной дисциплине человек, а научился быть свободным и творческим лишь со временем. У кого-то может быть совсем иная пропорция.

Чуть выше меры детей отпустишь — и уже полный хаос, дела учебные совсем не идут. А чуть перегнешь палку с дисциплиной занятий и уровнем их серьезности — тускнеет интерес, проявляется апатия, возникает внутреннее противодействие ученика учителю.

Сейчас я осознаю, что обилие творческих видов деятельности в нашей семье и соответствующий стиль жизни весьма способствовали хорошей учебе детей — как своеобразный психологический противовес, как удобная и естественная компенсация интеллектуальных нагрузок. А заодно и как более оптимальная организация этих нагрузок.

Творческий бардак (но в меру и под контролем) — мощное педагогическое средство. Я использую его практически каждый день. Я стараюсь дружить с иррациональной частью нашей пси-

хики, со стремлением каждой личности не только «равномерно забивать по гвоздю в минуту», но и «болтаться безо всякого дела», «сидеть и ничего не делать», «танцевать на грани собственного восторга», «тащиться неизвестно куда просто так»...

Вспомните, с каким энтузиазмом школьники воспринимают любые неожиданные ситуации, ломающие привычный учебный режим! А когда я сочиняю детям сказки, где в школе появляется Фиолетовый Педагог и буквально ставит все на уши, то чувствую, как хотя бы в сказке реализуется эта жажда — разломать установленный порядок и вдохнуть приключения. Ну, не совсем чтобы разломать, а так, иногда и частично...

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

Я придаю данному аспекту очень большое значение. Обстановка, в которой ребенок учится, настолько сильно влияет на весь учебный процесс (да и на все остальные стороны жизни ученика), что ее значение трудно переоценить. Но важно понимать и чувствовать, что именно и как следует учитывать в организации учебно-развивающего пространства.

Я не знаю глобальных рецептов. Я могу лишь попробовать показать свой подход.

Во-первых, эмоциональная позитивность, комфортность, радость обстановки. Это как бы общий фон всех уроков. Особенно для детей и подростков с какими-то существенными психологическими проблемами, с высокой нервной чувствительностью, с эмоциональной подвижностью. Важно работать в приятной и поддерживающей среде.

Домашняя обстановка существенно отличается от школьной. Много лет одним из основных учебных мест у нас был симпатичный синий столик около дивана. С другой стороны столика стояло кресло. Я мог усадить сразу двоих детей друг напротив друга во время урока. Им было удобно и нескучно.

Когда сыновья подросли, они стали обустраивать личные рабочие места в соответствии со своими вкусами. Коля раскрасил

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

стенку стеллажа над столом, создав очень гармоничную композицию в бело-сине-голубых тонах. Тима привез с дачи рейки и оргалит и смастерил у себя на письменном столе оригинальную конструкцию из угловых полок. А Маша на своем столе рассадилла такое количество крошечных мягких игрушек, что писать там уже просто негде. Но доченьке это и не надо — она предпочитает учиться в постели.

Многочисленные картины, развешанные по всей квартире, и рисунки на обоях — важная часть нашего учебного пространства. Обратите внимание: речь идет не о взрослой эстетике, а о том, чтобы детям было радостно на все это смотреть.

Во-вторых, интересность, глубинная наполненность, открытость пространства. Не просто функциональная обустроенность, но и некий «дух места». Он автоматически впитывается пребывающими там людьми, влияет на все психические процессы, на работоспособность и на силу воли.

Это нечто иррациональное. Я не могу объяснить логично, чем обстановка старинного замка отличается от сухого и стандартного дизайна коридоров массовой школы. Но ведь мы все понимаем, чувствуем эту разницу?

Живое пространство квартиры несет особую тонкую магию. Из чего она складывается? Из нашего большого спортивного комплекса. Из цветов на подоконнике. Из разбросанных везде игрушек. Из ободранных нашими любимцами-грызунами обоев. Из пятен краски на полу, возникших вследствие неаккуратных занятий рисованием. Из старинного пианино. Из валяющейся год за годом на полке обычной сосновой шишки...

Я весьма много внимания посвятил глубокому прочувствованию пространства нашей квартиры. Время было. С моей точки зрения, такой подход очень помог.

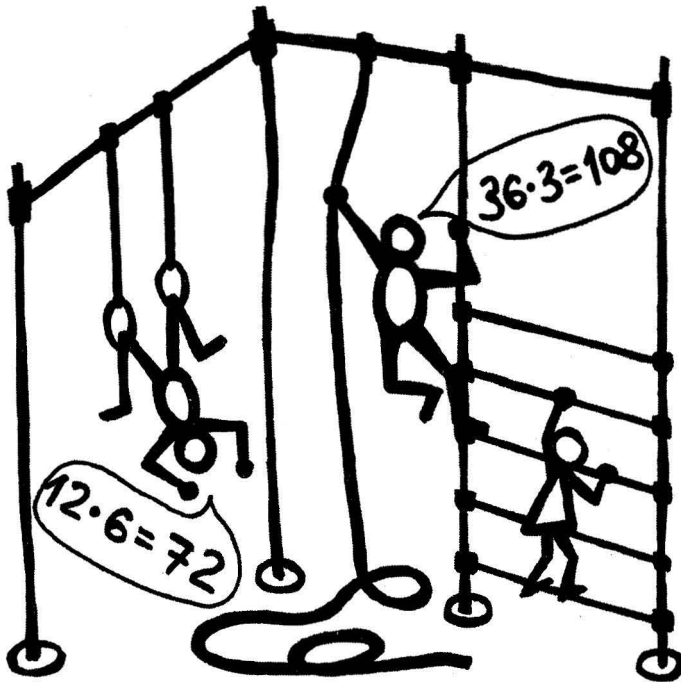
В-третьих, многофункциональность. Для ребенка жизнь — это далеко не только учеба (в том числе и во время урока), а еще и игра, разглядывание всего вокруг, общение, движение, поиск себя. Предметы, стены, вид из окна, учебники — все должно помогать не только учиться, но и жить.

Пространство обычного школьного класса ориентировано на чрезвычайно узкий диапазон функций. Поэтому огромное число детей там маются. Им скучно. А значит, и учеба идет у них

плохо. Учителя, конечно, пытаются украсить класс, но это не меняет обстановку радикально. Тем более, что традиционно для украшения используются материалы по учебным предметам.

Ну, а в квартире — совсем другое дело. Мы здесь не только учимся. Мы тут живем. Все под рукой, совсем рядом.

Традиционно все мои дети любили заниматься устным счетом, забравшись на спорткомплекс. Почему-то им нравилось складывать, умножать, вычитать и делить, расположившись наверху шведской стенки или усевшись на турник. И качество работы ничуть не снижалось. Даже наоборот.

Очень здорово, когда учебные занятия не мешают реализации других потребностей развития ребенка. Общая энергия процесса возрастает, он делается более естественным.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

В-четвертых, реальные возможности для вариаций дизайна, интерьера и оборудования. Далеко не всегда необходимы дорогие и трудоемкие решения — тем более что, возможно, через месяц все захочется изменить. Мы можем использовать то, что под рукой.

У нас с деньгами было совсем туго. Но все равно я видел массу возможностей для того, чтобы лучше сонастраивать организацию среды с реальными нуждами развития детей. Например, серьезный взрослый человек, посмотрев на наш дом, бросил бы все силы на ремонт, на замену сантехники, на покупку новой мебели... А я сосредоточился на рисовании. И детей вовсю подключил. Новая сантехника нам, разумеется, тоже бы не помешала. Но рисунки на стенах для развития детей гораздо важнее. В десятки и в сотни раз важнее. Да и дешевле несравненно, к тому же.

Ну и уж совершенно очевидно, что сделать шкаф или стеллаж своими руками — это здорово. И деньги сэкономим, и мастерить поучимся вместе с папой. Пусть, не совсем шикарно будет выглядеть наше творение, но оно будет именно наше.

Примерно на эти четыре принципа я опирался, организуя учебно-развивающее пространство у нас дома. Началось все, разумеется, еще с дошкольного периода. И даже еще раньше — когда мы ждали Алену. Из частей старого пузатого низкого шкафа я соорудил узкий и высокий шкаф — места в комнате стало больше.

Затем появился большой спорткомплекс. Постепенно создавались новые шкафы и стеллажи (в их рождении уже участвовали и сыновья). Весь интерьер постоянно трансформировался — с учетом текущих задач и наших вкусов. Потом на стенах появились картины...

Чего нам не хватало? Конечно, пространства. Приходя в гости в частные школы и детские развивающие центры, я думал: «Вот бы мне столько места! Вот уж я бы развернулся!...» А дома, как ни крути, тесно — ни побегать как следует, ни в футбол поиграть, ни потанцевать толком. Да и просто глаза все время в стенки упираются.

Как-то я пришел в гости к своему приятелю, которого не видел много лет. Он за эти годы сумел существенно продвинуться в

сфере бизнеса, а также женился и родил сына. Мы ходили по его огромной квартире, перестроенной из двух квартир, и разглядывали, как все обустроено. Это впечатляло. Мне реально все очень понравилось. Но поскольку мои мозги повернуты исключительно в одну сторону, я не мог сдержать удивления и спросил: «А где же у тебя тут спортивный комплекс?!» Мой приятель ответил, немного замявшись: «Да как-то места не нашлось». Наверное, я его обидел. Мне до сих пор неловко.

Взрослые, организуя учебное, развивающее, жилое пространство для детей, часто исходят из своих взрослых вкусов и представлений. А я исходил лишь из того, как видел и понимал потребности роста и развития своих детей. Я действовал свободно — без оглядки на вкусы родителей-клиентов (как вынужден делать директор частной школы), без оглядки на вкусы начальства (как вынуждены делать директор и учителя государственной школы), без оглядки на такие вещи, как престиж и общепринятый стиль (как часто ориентируются люди у себя дома).

Разумеется, все это очень субъективно. Люди, приходящие к ним в гости, обычно реагируют одним из двух способов. Первый: «Ну вы даете! Да... Нестандартно, конечно...» Второй: «Здорово у вас тут!» Ясное дело, что по первому типу чаще реагируют взрослые (особенно серьезные), а по второму типу — дети (которые тут же лезут на спорткомплекс).

Мои дети принимали всегда самое активное участие в обсуждении и реализации всех наших интерьерных проектов. Сейчас, правда, сыновья интересуются совсем другими вещами. А с Машей мы продолжаем экспериментировать над нашей квартирой. А если бы еще и деньги на это были, так мы бы... Возвращаясь к теме учебы, я могу сказать, что реально убедился в том, как работает подходящая обстановка в квартире. Я не могу логично сформулировать, что значит «подходящая». Но это как-то сразу чувствуется. Вот приходишь к кому-нибудь заниматься и видишь, ощущаешь, чего «не хватает» в помещении. Но ведь не будешь же советовать! У людей свои вкусы, свой стиль, свой ход жизни. Ну, иногда картину подарю (рисунок, сувенир) — все же хоть что-то изменится.

Можно, например, просто взять и во время урока по физике или по математике положить на стол красиво раскрашенные ку-

бики или камушки — пусть полежат, пока мы учимся. А можно их и для каких-то объяснений использовать. Или в руках вертеть по ходу разговора.

Ну а уж как важно пространство книги, по которой ребенок учится! Оно может или открыть восприятие, или закрыть его наглухо, или помогать, или мешать. Словом, тут непаханое поле для развития всей нашей педагогики. Обстановка в помещении, в котором проходит урок математики, не менее важна, чем методика преподавания. Красивый и практичный «евростандарт» явно недотягивает по сравнению с незатейливым, но живым дизайном. Дав детишкам возможность поиграть в специально оборудованном пространстве для подвижных игр, их потом гораздо проще усадить за столы для занятий русским языком или черчением.

Пространство всегда таинственно, романтично и мистично. Оно таит массу возможностей, массу ощущений — явственных и почти неуловимых. Педагогическая архитектура и педагогический дизайн ждут своего часа. Но многое доступно нам уже и сегодня — просто в живом реальном творческом поиске, в обстановке одной комнаты или одной квартиры.

Всей данной теме я посвятил целую книгу. Она называется «Принцип безграничности, или Как создавать развивающую среду для детей». Там я подробно описываю наш семейный опыт и формулирую основные практические ориентиры, которыми руководствовался.

АБСТРАКТНОСТЬ И МИСТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГИКИ

Мне очень хочется упомянуть о том, что существенно отличает всю сферу воспитания и обучения растущих личностей от, скажем, техники или сельского хозяйства. Ведь если берешься за педагогику, то надо понимать четко ее специфику, не путаться в ожиданиях, не применять неподходящих критериев и ориентиров.

Я как-то сразу понимал, что работа родителя (как и воспитателя, учителя) достаточно абстрактна — в том смысле, что нельзя однозначно прогнозировать конкретные желаемые результаты. Мы воспитываем растущего человека, учим его год за годом, вкладываем душу, деньги и время жизни в его развитие, но мы не знаем, кем он вырастет, как оценит потом наши труды и старания, каким путем пойдет.

Разумеется, мы ищем хорошо зарекомендовавшие себя методики, изучаем опыт успешных педагогов, много размышляем. Но мы должны быть готовы и к тому, что все наши усилия закончатся неудачей, что результаты будут совсем не такие, какие мы ожидали. А наши дети не только не поблагодарят нас, а даже совсем наоборот — будут ругательски ругать нас за наши педагогические методы.

Вот я вырос и увидел, какие серьезные ошибки (во многом катастрофические) делала моя мама, воспитывая меня. А ведь она меня очень любила, не жалела никаких сил, была умной и образованной женщиной! Но мудрость каждого человека весьма ограничена. И я вполне готов к тому, что мои дети со временем расскажут мне о моих ошибках в их воспитании. Что я им отвечу? Отвечу, что старался, как мог.

Кое-кто из родственников уже предрекал, что мои дети вообще отвернутся от меня, сказав, что я испортил им детство. Посмотрим. Пока, слава богу, не заметно такого. Скорее, наоборот. Тима даже называет меня гениальным педагогом. Коля существенно более сдержан в оценках (хотя и претензий не предъявляет). Маша очень ценит комфортность и удобство в семейном обучении и понимает, что я многое делаю для создания ей таких благоприятных условий (знания ее пока не очень волнуют).

Как я могу сказать, успешный ли я педагог? В чем-то — очень успешный (особенно в организации для своих детей семейного обучения и в развитии у них творческих способностей). А в чем-то — почти полный неудачник (в частности, в попытках помочь лучше учиться детям в других семьях).

Если понимаешь, что педагогика представляет собой достаточно абстрактное (в плане результатов) приложение усилий, то все стратегии педагогических действий приобретают реаль-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

ность (а не надуманность). Начинаешь ориентироваться не на умозрительные полуфилософские теоретические представления и не на бытовые привычки и традиции, а на живое чувство процесса. Мы ведь, елки-палки, не дом из кирпичей строим по заранее придуманному чертежу. Педагогика скорее похожа на то, как будто мы помогаем расти дереву — в соответствии с его собственной природой. И далеко не только от нас зависят результаты.

А сознание все равно ищет какие-то надежные ориентиры, какие-то правильные методы. Так ему, нашему сознанию, и положено. Иначе как же вообще работать?! Тем более, что педагогика — штука не только абстрактная, но и вполне конкретная. Например, хорошо подготовился и собрался — и получил на экзамене «пятерку».

КАК РАЗГРЕБАТЬ УЧЕБНЫЕ ЗАВАЛЫ?

В нашей семейной практике такой вопрос вставал не часто. Разве что в каких-то отдельных моментах. Бывало, конечно, перед экзаменом по русскому языку мы с мальчишками «обнаруживали» недоработки по всем разделам курса и пытались их кое-как за несколько дней исправить. Но при этом я не ставил задачи достичь нормальных знаний (сие было нереально). Надо было лишь сдать экзамен — хотя бы на «тройку». То есть, по сути, мы не разгребали завал, а быстренько через него перелезали и двигались дальше.

Как я действовал? Это был «свирепый интенсив». Отложив все дела, мы погружались в стихию правил русского языка, осмыслили грамматику, тренировались в письме под диктовку... Поскольку русский мы традиционно сдавали в конце учебного года, то наши занятия часто проходили на улице. Устраивались на какой-нибудь детской площадке, на скамеечке. Маша играла поблизости, а мы с сыновьями пытались за несколько дней (а то

и за несколько часов!) наверстать упущенное за несколько лет. Самое смешное, что в определенной степени получалось. Коля сдавал обычно экзамен уверенно и не ниже, чем на «четыре». Но чаще на «пять». Тима стабильно колебался между «тройкой» и «четверкой». Но, бывало, ухитрялся и «пятерки» получать за грамматические задания.

В чем был секрет эффективности нашей предэкзаменационной подготовки? Главное — мальчишки очень хотели успешно сдать экзамен. Поэтому и занимались с высокой концентрацией, очень заинтересованно и активно. Благодаря их интенсивному включению, продуктивность занятий возрастала в десятки (я не шучу!) раз.

Дополнительным фактором, обеспечивающим успешность таких «погружений в предмет», было то, что я хорошо знал своих сыновей, у нас был наработан правильный способ взаимодействия в учебном процессе. Да и общее умение учиться у них было развито. То есть все происходило не на пустом месте, а на хорошей основе.

Не могу сказать, что с гордостью вспоминаю те многочасовые уроки. Все же они являлись расплатой за разгильдяйство сыно-

вей и за недостаток у меня педагогического мастерства. Мне гораздо более по душе размеренный учебный процесс, когда все проходит заблаговременно и спокойно. Но реальность диктует свои требования.

Однажды примерно так же мне удалось помочь девочке тринадцати лет, причем даже по телефону. Это была дочка наших знакомых, у нас было хорошее взаимопонимание. Она завалила годовую контрольную по алгебре. Ее математика вообще не интересовала абсолютно. Но общий уровень интеллектуального развития у той девочки был очень хороший. Родители много с ней занимались, она училась в серьезной художественной школе, читала глубокие книги. Поэтому при необходимости она смогла (когда очень захотела) интенсивно включиться и при моей помощи быстро разобраться во всех основных темах годового курса. Нам понадобилось всего три раза по часу.

Разумеется, это не учеба, а безобразие. Но мне жалко было юное художественное дарование, которому грозило остаться на второй год. Да и просто интересно было попробовать, что можно сделать в такой ситуации.

А вот с другими детьми никогда так не получалось. Более того. Даже за много-много занятий мне обычно не удавалось разгрести накопленные за годы учебные завалы. Удавалось лишь немного помочь и облегчить ситуацию. Но в целом всегда оставалось чувство глубокого неудовлетворения.

Суть всех этих неудач сводится к тому, что у детей за годы неправильной учебы формируется привычка учиться неправильно. И переломить эту привычку чрезвычайно сложно. По крайней мере, у меня это практически никогда не получалось.

Недавно я обнаружил, перевернув учебник физики, что все, что я несколько уроков с воодушевлением втолковывал моему очередному ученику-разгильдю, там написано — просто, понятно и доступно. Они это «уже прошли». И такое зло взяло! А ведь не грудной ребенок! Парню тринадцать лет! И с интеллектом, слава богу, все в порядке.

К сожалению, это общее состояние огромного количества детей и подростков. И я не знаю, улучшится ли здесь что-нибудь в ближайшее время.

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ

В моем самобытном пути мне очень помогало понимание глобальных тенденций развития современной педагогики и вообще глобальной ситуации с воспитанием и обучением детей в России и в мире. Откуда и как я могу судить обо всем этом? Из наблюдений, из опыта работы, из общения с педагогами и родителями, из книг, из статей в журналах и газетах, из телевизионных передач. Даже магазины игрушек и детские аттракционы могут помочь. И даже русская классическая литература.

Я не утверждаю, что мое видение глобальных педагогических процессов такое уж точное и всесторонне адекватное. Главное, что оно мне помогает ощущать себя не потерянным и одиноким странником в хаосе непонятных путей, а одним из тех, кто трудится в общем строю. Хотя я и иду своей дорогой, но мы все делаем общее дело.

Когда я примерно понял, куда движется современная педагогика, мне захотелось работать, так сказать, на ее «эволюционном острие». Ну, просто характер такой. Когда ощущаешь глобальную энергию развития, то она очень помогает решать все конкретные ежедневные задачи и проблемы. И дает оптимизм.

Но глобальное ощущение в педагогике — это не только то, как взрослые дяди и тети воспитывают и учат детишек и подростков. Это еще и непосредственное ощущение внутреннего запроса от всех тех, кого мы растим. Чего от нас хотят наши дети? Что они сейчас переживают? Каковы их проблемы?

Отсюда и рождается моя уверенность в себе, в своих действиях (которой всегда, впрочем, не хватает). Когда я пишу книги или рисую развивающие пособия, то словно бы вижу перед собой много-много-много детей — всех тех, ради кого и стараюсь. Я словно бы вижу их глаза, ощущаю их потребности развития, которым я должен помочь. Может, все сие есть иллюзия, но она мне здорово помогает и направляет, дает силы и вдохновение.

Занимаясь с любым ребенком, я через его конкретную психологическую, учебную ситуацию как бы ощущаю огромное множество подобных ситуаций у других детей. У меня как-то само собой

все время получается так думать. И, кроме того, так получается намного интереснее — мир распахивает свои бескрайние просторы.

Но глобальное видение дает и глобальную грусть. Сколько (если попытаться осмыслить в масштабах страны, мира) страданий, сколько ненужных мучительных заморочек, сколько изломанных, исковерканных судеб! Кажется, что нет просвета. И что я могу сделать в таком огромном океане скорби?!

Такие вот колебания маятника психологического настроя. Постепенно я привыкаю к ним и учусь жить и действовать, не впадая в депрессию и не переоценивая своих возможностей. Конечно, мой труд — это лишь капля в море. Но все же я вижу большой внутренний смысл в том, чтобы делать свое дело.

Мне кажется, что каждому педагогу, родителю, детскому психологу необходимо в той или иной степени ориентироваться в глобальных масштабах. Эволюция педагогики происходит, и нам необходимо в этом материале ориентироваться (хотя бы примерно), чтобы более точно определять свое место, свою позицию. По сути, это очень практический вопрос.

То, что семейное, индивидуальное обучение набирает силу во всем мире — объективный факт. Я раньше и не знал об этом. Но когда узнал, мне стало намного веселее, мне стало легче двигаться. Я понял, что мои усилия в данном плане — часть поисков очень многих родителей и педагогов. Мы уже не отдельные чудачки. Мы возрождаем традицию — на новом эволюционном витке развития общества.

Ведь когда-то семейное образование было совершенно естественным. Особенно в России с ее просторами и с ее традиционным семейным укладом. Человеку в XIX веке не нужно было доказывать, что учить детей дома удобно, эффективно и престижно. Так вырастали целые поколения дворян, купцов, интеллигенции. Конечно, были и школы, и пансионы. Но домашний учитель (особенно на уровне начальных и средних классов) в дореволюционной России — фигура очень обычная. А иногда занятия со своими детьми вели и родители.

Сейчас время снова изменилось. Причем неимоверно быстро. За двадцать послеперестроечных лет политика, бизнес, строительство, торговля, техника, связь — все так сильно изменилось, что не успеваешь привыкать. А советская педагогическая систе-

ма за те же двадцать лет почти совсем не изменилась. И все больше отстает от велений времени, от стремительной эволюции общества.

Я часто думаю, что бы такого можно было тут придумать — в масштабах страны. Но здравых идей не приходит. Я вижу лишь свое место, свои задачи, свой фронт работ. Для меня интересно развивать перспективные вещи — то, что станет обычным и широко распространенным через десятки лет, через полвека...

А может, я ошибаюсь? Может, эволюция педагогики пойдет совсем не так, как мне представляется? Может, мои разработки никогда не будут особо востребованы? Возможно, конечно. Но что значит «востребованы»? Если они нужны хотя бы какому-то (пусть и весьма узкому) кругу людей, то уже все не зря.

Да, собственно, дело и вовсе не конкретно в моих разработках, а в их соответствии тем новым педагогическим идеям, которые властно входят в современный мир — не по желанию отдельных людей, а как объективный фактор.

И знаете, я вовсе не борец со старым, с консервативным. Я очень уважаю труд педагогов, родителей, ориентирующихся в основном не на новые идеи, а на гораздо более традиционные и проверенные методы. Как бы мы двигались вперед, если бы не было той платформы, той основы, на которой мы стоим, на которую опираемся?!

САМОИРОНИЯ

Если бы я не умел посмеяться над собой, то я бы, наверное, просто свихнулся за те трудные годы, через которые пришлось идти. Меня выручали и выручают не только родительский инстинкт и глобальность мышления, но и элементарные навыки самоиронии. По-моему, умение шутить над самим собой, умение воспринять свои убеждения, действия, переживания с комической стороны — это один из факторов психологического здоровья.

Когда я слишком долго серьезен, мне делается как-то не по себе. А вот поприкалываюсь немного над своими заморочками в

беседе с детишками или с друзьями-приятелями — и полегчает. Статус, конечно, немного теряется, но я ведь человек неформальный — бог с ним, со статусом. Все же быть психически адекватным важнее.

Место шутки в родительско-педагогической работе — одно из важнейших. Ни дети, ни взрослые обычно не любят, когда смеются над ними. Посему, дабы избежать ненужных психологических напряжений, остается шутить либо абстрактно, либо над самим собой. Да и по-честному получается: ведь у ученика и у учителя и так несколько неравноправные позиции. Если над учеником еще и сильно шутить, то ему вообще станет грустно. А над собой учитель пошутить всегда свободен.

Я действительно часто кажусь себе забавным во многих ситуациях. Мои дети часто и со вкусом шутят надо мной, разыгрывают. Но всегда по-доброму. А потом еще долго вспоминают и всем рассказывают, как я повелся на тот или иной розыгрыш, повторяют мои спонтанные выражения.

Шутка делает легче любой учебный процесс. Она как бы импульсно переключает восприятие и освежает ум. А избыток серьезности утомляет.

Тут нельзя путать с недостатком уважения и доброты. Я очень тщательно слежу за этим. И если вдруг стало обидно, тут же сообщаю о своем неудовольствии. Да и вообще шутки не должны полностью заменять учебу и превращать все в хаос.

На самом деле, подшучивая над собой и позволяя это детям, мы не открываем ничего принципиально нового. Вспомните,

как ученики всех классов любят за глаза смеяться над учителями. Мы можем просто сделать сей процесс открытым. Дома, в семье, такое осуществить совсем легко.

Но хочется еще раз вернуться к внутренней самоиронии. С ее помощью мы делаем себя мягче, гибче, спонтаннее. Мы легче идем новыми путями. Мы ощущаем больше радости — в том числе и в педагогическо-родительских трудах.

УСТУПЧИВЫЙ, КАК ВОДА

Мне очень близок образ из традиционной китайской философии: течь, как вода. В практике педагогической работы я использую в основном именно такой подход. Образ воды является для меня как бы внутренней моделью действий.

Учебный процесс в своей семье я строю мягко, но целенаправленно. Именно так течет вода — огибая препятствия, выбирая удобные пути, уступая неодолимой силе, просачиваясь сквозь песок, принимая в себя все.

Я не пытаюсь заставить все происходить в точности так, как я задумал. Естественный ход вещей может предложить свои варианты развития событий. Гибкая смена общей стратегии и

легкая смена конкретных тактик действий позволяют почти без усилий решать многие сложные задачи. А уж если надо где-то напрычаться, то учишься делать это с умом, а не впустую.

Развивая такую линию в воспитании и обучении, я вижу, что она в моей ситуации работает очень хорошо. Да и по жизни в целом я стараюсь двигаться примерно так же.

Кое-кто из знакомых упрекает меня в излишней мягкости, в неконкретности, в нелогичности... Но вы посмотрите, сколько мне удалось сделать! Так что метод в целом оправдан. Ну а недостатки и слабые стороны есть в любом подходе, конечно.

Я бы даже сказал, что тут для меня важна не философия, а живое ощущение свободного движения — во всех моментах и переживаниях учебного процесса. Напряжение и заученные алгоритмы постепенно трансформируются в устойчивость и спонтанную точность при любом действии.

Ясное дело, в реальности все далеко не так идеально. Нервы шалят, детишки гнут свое, сил не хватает, забот много. Сочетание мягкого стиля с интеллектуальной структурированностью и общей системностью является, по моему опыту, очень эффективным в организации реального учебного процесса. Одной мягкости мало. Нужна еще и четкая логическая конструкция, единая линия в организации всей информации, трезвая оценка результатов.

Древние китайские мудрецы предложили замечательную концепцию действий хорошего лидера: он старается облегчать то, что происходит. Он чувствует естественные процессы и помогает им — смягчая негативное и поддерживая позитивное.

Такой подход позволяет реально учить детей, имеющих проблемы и трудности в обучении. Но и в ситуациях благополучного движения ребенка в учебе тоже очень удобно не «давить», не «строить», а свободно двигаться вместе.

Умение уступить, но при этом продвинуться к цели, является для меня одним из ключевых. Причем продвинуться, не «ломая» человека, а бережно поддерживая его. Постепенно учишься действовать в соответствии с такой моделью даже в острых и жестких ситуациях.

Вода может быть еще и стремительной, мощной, создающей напор. Иногда приходится так действовать. Но каждый раз ста-

раюсь не переусердствовать и не впасть в иллюзии по поводу собственной мудрости и энергичности.

Мне весьма сложно описать более конкретно, как все это происходит. Ведь дело не во внешних поступках, словах или ситуациях, а во внутренней психологической позиции, в прочувствованности мягкого стиля воды.

РОДИТЕЛЬ УЧИТСЯ ВМЕСТЕ С РЕБЕНКОМ

Даже объясняя своим детям давно и хорошо известные мне вещи по разным школьным предметам, я как бы изучаю их заново — еще глубже, в новом ракурсе, с новыми вариациями. А уж когда мы изучаем темы, в которых я хуже ориентируюсь, то тем более учимся вместе.

Мне просто в самом деле интересно. Многие удивляются: «Что интересного — изучать который раз арифметику или закон Ома?» А вот интересно!

Если самому учиться вместе с ребенком, то многие проблемы отпадают автоматически. И главное — наступает резонанс. Ведь мы с моим учеником действуем из сходных позиций — оба изучаем новый материал. Я могу почувствовать, как идут дела у моего младшего напарника. Я могу лучше понять его трудности. И мне не скучно — я узнаю столько нового!

Вчитываясь в десятый, в двадцатый раз в страницы учебника физики или в известный мне с детства учебник истории, я почти всегда ощущаю радость. Да и во всем так. Отсюда во многом рождается и мой энтузиазм в осуществлении учебного процесса.

Люди (взрослые и дети) часто думают, что они «это уже поняли». Но я вот, скажем, специалист в физике, а вовсе не могу сказать о себе, что «понял второй закон Ньютона». Что значит «понял»? Или вот кладу на картину красную краску. Я понял красный цвет? Наверное, всегда можно поставить вопрос так: «На сколько глубоко я понял данную тему?»

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

А кроме того, все забывается. Да и жизнь меняется. Читая вместе с дочкой историю про Дубровского, я обнаружил, что уже почти забыл ее. Прочитал ее — и воспринял совсем не так, как раньше.

Когда родитель умеет находить для себя интерес практически в любой учебной информации из школьных курсов, то ему и своему ребенку легче помочь ощутить такой интерес.

БЕЗ ФАНАТИЗМА

По-моему, следует помнить, что хорошая учеба в школе — это еще далеко не залог последующих успехов в профессии, не залог счастья в жизни. Конечно, приятно, если чадо учится старательно и хорошо. И мы, разумеется, должны способствовать такому ходу дела. Но нельзя заикливаться на учебе как на чем-то сверх-важном. Ведь у каждого своя судьба.

В XX веке в нашей стране сформировалась такая концепция образования, когда все предметы преподаются в школе на уровне, достаточном для последующего поступления в профильные вузы. Причем, по всем предметам сразу! В программы старших классов втиснуто столько, что прилежному ученику не позавидуешь. И с каждым годом учебники усложняются, вводятся новые курсы.

По-моему, ничего страшного нет, если ребенок после школы не пойдет в вуз. Для мальчиков, конечно, встанет вопрос об армии. А вот для девочек вообще все просто.

Я стараюсь, чтобы школьные годы моих детей были наполнены интересными и нужными впечатлениями, переживаниями, делами. Я стараюсь изо всех сил, чтобы учеба не давила. Хорошо учиться гораздо легче, чем плохо — и времени, и сил человек тратит существенно меньше, а результаты радуют. В семейном обучении я больше всего и ценю сбалансированность жизненных нагрузок для детей и особенно для подростков.

Вот, к примеру, у Маши в седьмом классе определились два серьезных направления: рисование и английский язык. Значит, на них мы в основном и сосредотачиваемся. А все остальное — по возможности.

Меня радует то, что Тима и Коля поступили в хорошие университеты и там получают достойное образование. Но я не расстроюсь, если Маша никуда после школы поступать не будет (пока она и не хочет). Я подхожу к данному вопросу, как и ко всему школьному обучению, без фанатизма.

ДОЛОЙ УЧЕБНЫЕ НЕВРОЗЫ!

Речь пойдет о специфических неврозах, которые формируются у некоторых детей в процессе школьного обучения. Не у всех детей. Далеко не всегда. Но весьма часто. По крайней мере, все те школьники, родители которых обращались ко мне за помощью в ситуации хронической плохой учебы, страдали описанными ниже формами невротических реакций.

Возможно, не все психологи согласятся с определением данных отклонений в учебном поведении как неврозов. Не суть, как их называть. Важно, что мы имеем дело с устойчивыми неадекватными психологическими реакциями. Причем, наблюдая их многие годы, я мог увидеть, что они почти стандартны у разных детей и подростков.

Я не сумел научиться быстро и эффективно помогать в таких ситуациях. Старался, искал, пробовал всякие методы, но радикального эффекта обычно не получается. Хотя в чем-то иногда и удается продвинуться.

Здесь мне хочется просто вкратце описать данные неврозы — как ориентацию для родителей и педагогов в плане их предупреждения. Эти отклонения гораздо легче предупредить, чем потом исправлять. Заметив их на начальных стадиях, можно быстро поправить дело. А вот если прошли годы, то уже очень трудно.

Сам я вначале совсем не думал обо всем этом. Я просто учил своих детей, сообразуясь со своим разумением и с их характерами. И уже потом, когда стал помогать мальчишкам и девчонкам из других семей, увидел, что все мои педагогические методы представляют собой помимо всего прочего еще и хорошую профилактику таких вот учебных неврозов.

Психология — штука тонкая. Я не готов описать, как конкретно предупредить то или иное отклонение. Все очень взаимосвязано. И очень индивидуально.

Но мне кажется, если видеть возникающий учебный невроз и понимать его сущность, то уже будут открыты возможности для оптимизации процесса. Во многих случаях педагогические приемы, которые целесообразно применить, вполне очевидны.

Невроз поспешного ответа

Урок в классе идет всего 40-45 минут. Детей много. Успеть нужно много. Поэтому учитель не может позволить ученику думать над ответом очень долго (в случае устного опроса). Темп работы класса требует определенной скорости. Кто-то просто не успевает сообразить. А кто-то зажимается от самой необходимости думать быстрее. Кто-то боится строгого учителя. А кто-то не хочет выглядеть дурачком перед всеми. Да и «двойку» не хочется получать.

И вот формируется невротическая реакция: поскорее что-нибудь ответить. Главное — не молчать слишком долго! Ляпнул что-то — и уже не так плохо! А там видно будет. За годы такая реакция становится привычной. И проявляется уже не только в обстановке дефицита времени, но и вообще безо всякого повода. Формируется устойчивое невротическое кольцо в психике: что-то спросили — что-то скорее ответить.

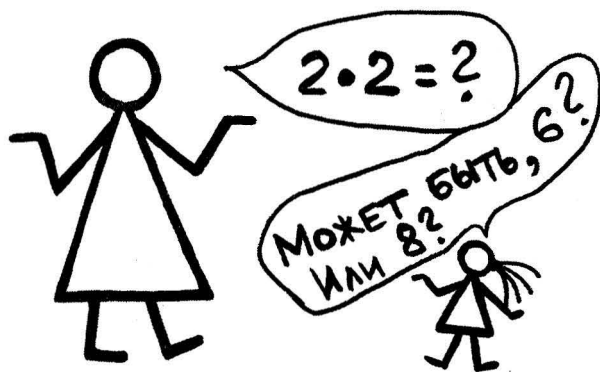
Как тут быть? Лично я действую тупо и прямо: раз за разом предлагаю не торопиться с ответом. Предлагаю сначала подумать, а потом уже говорить. Объясняю, что мы не в классе на уроке, что у нас времени сколько угодно. Я говорю, что не буду сердиться и ругаться, не буду жаловаться родителям ученика на то, что он «долго думает». Разъясняю ненужность и неудобность привычки поспешно отвечать — и с точки зрения знаний, и с точки зрения оценок. Хвалю, когда вижу сдвиги к лучшему. Ругаю, если ученик упорно держится за привычку спешить с ответом. Рассказываю всякие истории из жизни.

Так или иначе, обычно дело движется с мертвой точки. Но приходится попотеть.

Невроз угадывания ответа или решения

Одна из причин — тоже спешка. Но тут, видимо, есть и какие-то более глубинные механизмы: какая-то апатия, отстраненность от учебного процесса, нежелание думать.

Человек просто пытается угадать ответ. Или угадать правильный ход решения задачи. Безо всякой логики. Ему так кажется проще. Тем более, что иногда ведь получается угадать правильно! Особенно виртуозно получается у интуитивных натур. Иногда и не поймешь, в чем дело: одну задачу решил ребенок верно, а другую — неверно, а третью — снова верно, а четвертую — опять неправильно. Пока сообра-

зишь, что он просто угадывает, поломаешь голову над методикой преподавания.

Невротическая реакция угадывания, если становится устойчивой, искореняется весьма трудно. Ведь уже формируется своеобразный стиль мышления. Во многих случаях интуитивная ориентация прекрасно работает. А школьная программа перегружена. А математика ребенка, может, вообще не интересует (именно там угадывание особенно противопоказано как общий подход).

В таких ситуациях я действовал тоже тупо и прямо: объяснял, что надо думать, а не гадать. Но эффект обычно был гораздо слабее, чем в случае невроза поспешного ответа. Или вообще ничего не удавалось изменить.

Но на начальных стадиях такие неадекватные реакции, думаю, корректировать не должно быть особенно трудно. Я и сам, когда своих детей учил в начальных классах, уделял некоторое внимание данной проблеме. Просто следишь и поправляешь, если надо.

Невроз ориентации на учителя, а не на информацию

Более распространен у девочек. Может особо не замечаться в ходе обычной учебы, но ставит серьезные барьеры в какие-то периоды.

Суть невроза заключается в том, что ученик не сам судит об адекватности своих учебных действий, а делает это полностью на основании реакций учителя (похвалил — не похвалил; сказал «верно» — сказал «неправильно»). Особо чуткие натуры смотрят в глаза и ловят малейшие движения души преподавателя. И тут же артистично и виртуозно выбирают линию поведения и рассуждений. Цирк — да и только!

Иногда мне удавалось методом убеждений перестроить человека на адекватный подход (когда ученик самостоятельно оценивает правильность своих рассуждений). А иногда не удавалось. Для некоторых людей тонкая и многогранная ткань человеческих отношений неизмеримо интереснее, чем всякая там химия и физика.

Я пытался тут и психотерапевтические сказки сочинять, и вести пространные разговоры о жизни и об интеллекте. Пытался использовать всякие драматические и ситуационные приемы. Но в целом обычно ощущал полное свое бессилие.

В небольших дозах данная невротическая реакция довольно часто проявляется у школьников. Важно ее вовремя отслеживать и направлять внимание ученика на суть дела, на учебу, на конкретную информацию. Я объясняю, что могу ошибаться, что со мной можно спорить. Я стараюсь следить за своими эмоциями, чтобы не давить, не пугать. А иногда я даже специально ошибаюсь в каком-то примере или задачке — чтобы ученик включился в правильный режим.

Невроз осуждения учителя

Встречается сплошь и рядом. И в условиях семейного обучения с ним приходится временами бороться. Ну а уж у тех, кто ходит в школу, такой невроз — штука почти обычная.

Дети и подростки переносят на конкретных педагогов свою обиду на всю систему народного образования. Педагог легко становится буквально воплощением зла и идиотизма. Малейшая оплошность трактуется как моральное уродство или как изворотливое стремление поиздеваться над учениками. Да часто и повода никакого подавать не надо — дети все равно найдут, за что зацепиться.

Конечно, я несколько утрирую. Но, с другой стороны, вы послушайте неформальные разговоры школьников — особенно старшеклассников!

Моя линия тут полностью опирается на христианскую традицию. Терпимость. Начинать критику с себя. Любить людей.

Видеть их реальные проблемы. Понимать, как трудно учителю работать в школе, где почти все дети учиться не хотят.

Я стараюсь разъяснить ребятишкам, что не надо пыхтеть злобой на учителя (далеко не идеального, но ведь и не совсем гада). Абсолютное большинство педагогов в школе — совершенно нормальные люди. Со своими достоинствами и со своими недостатками.

В своей семье я имел в данном плане существенно больший успех — может, в связи с тем, что тема эта является мировоззренческой. А мы ведь много общались, много делали вместе. А в других семьях сложнее объяснять. К тому же, там очень многое зависит и от позиции родителей.

Невроз узких рамок работы с материалом

Иногда дети в школе привыкают только к одному способу решения задач, оформления тетрадей, написания сочинений... Во многом это зависит и от позиции учителя, и от родителей. Формируется патологическая зауженность интеллектуальных реакций. Человек словно бы сам на себя навешивает цепи — ему и не повернуться, и не побежать. Стандартное объяснение: «А от нас так требуют! Учительница велела делать только так!»

Постепенно ученик теряет адекватность восприятия учебной информации. Он блуждает в лабиринтах, не видя света. А ведь

обычно его никто туда не помещает — в эти чрезмерно зауженные рамки. Чаще всего ребенок их сам себе придумывает. Почему? Не знаю. Может, во многом по причине нашего глубинного стремления к надежности и безопасности.

Метод борьбы с таким неврозом — показывать более широкое пространство возможных действий. Да, учительница требует делать вот так, но ведь можно в принципе и по-другому решить. Ты, конечно, сделай так, как требует учительница. Но имей в виду, что можно действовать и иначе. Примерно такой принцип.

А иногда ребенок просто в страхе фантазирует себе какие-то нелепые якобы требования, в которые он должен вписаться. И тут уж надо сразу же ясно и четко показать, убедить его в его свободе, в его возможностях выбора. У нас так было, когда учились писать сочинения. И я не жалел сил, времени и красноречия на то, чтобы убеждать своих детей в иллюзорности ими же выдуманных строгих требований к школьному сочинению.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Занимаясь с двоечниками, мне иногда удавалось существенно продвинуться в освоении какой-то темы только вследствие того, что я показывал возможность подходить к материалу совсем не так, как человек привык. Покажешь — и все. Человек удивится, попробует, поверит и засмеется: как же все легко.

Наблюдая, как идет учеба у его ребенка, каждый родитель может следить за общей адекватностью процесса. И при необходимости помогать, направлять все в правильное русло.

Законы психологии можно постигать всю жизнь. И все равно многое останется непонятым. Но те простейшие учебные невроты, которые я тут описал, по-моему, не так уж сложны в выявлении. Достаточно некоторой наблюдательности.

И поскольку хочется завершить данную главу на оптимистичной ноте, выражу надежду на то, что педагоги и психологи скоро разработают эффективные методы профилактики и исправления подобных невротических реакций в ходе школьной учебы — у детей и подростков самых разных типов.

Где взять вдохновение?

Лично ко мне вдохновение во время обучения детей приходит, в основном, от нужды, когда я вижу, что мое участие в данный момент (или в данный период) необходимо. Думаю, тем, что я люблю своих детей и хочу о них заботиться, я ничем не отличаюсь от большинства родителей.

У меня есть определенная склонность к педагогике и психологии — меня всегда интересовало «устройство» человеческой души, всегда интересовало то, как человек может развиваться.

По жизни я получил хорошее образование и развил в себе интеллект. Но не как-то уж особенно круто. Когда я разговариваю с каким-нибудь знакомым мозговитым мужиком, то вполне ясно ощущаю по сравнению с ним свою интеллектуальную слабость и ограниченность.

С ранних лет я понял, что над собой нужно работать — в основном в плане улучшения своих духовных качеств. Ну и работаю с тех пор. Работы в данной сфере для любого человека — пруд пруди. С педагогикой и психологией много тут общего. Но все же это немного разные сферы.

А вот что дала мне внутренняя работа в большой мере, так это развитие творческого потенциала. И всего видения мира. И

своего места в нем, своего предназначения. Отсюда тоже появляется вдохновение. Хотя рисовать картины и сочинять сказки мне нравится гораздо больше.

Самостоятельность позиции была характерна для меня еще в раннем детстве, а потом это качество только развивалось. Разве что вот со временем дополнилось глобальным пониманием своего несовершенства, то есть в определенной степени уравновесилось.

Я не могу сказать, что благодаря развитию творческих способностей моя жизнь стала легче. Скорее, она сделалась много труднее. Но и много радостнее. Я бы не хотел жить по-другому.

Когда меня родители, педагоги, психологи просят поделиться своим опытом обучения и воспитания детей, то я понимаю: главное — поделиться вдохновением, творческим отношением. Все остальное — детали, следствия. Они могут быть такие, а могут быть иные. Главное — принцип творчества.

Но как его «передать»? Я не знаю. И вот начинаю рассказывать о своей жизни, о своих детях, о тех или иных ситуациях, о моих педагогических методах. Но все время чувствую, как трудно передать главное. Я стараюсь его выразить общим строем книги, логичными рассуждениями, примерами из практики, возвышенными словами, какими-то сравнениями и образами. Но оно невыразимо. Хотя, вроде бы, кое-что передается.

Мне кажется, очень многое зависит от самого читающего книгу человека, от его личной внутренней позиции, от его личных устремлений и поисков.

Вдохновение — это когда тебя толкает что-то. Ты делаешься словно бы больше и сильнее. А потом оно отступает. И ты остаешься со своими заморочками, с ощущением полного бессилия и полной собственной неразумности.

Иногда я завидую людям, которые более стабильны, более уверены в каких-то вещах, более устойчиво строят свою жизнь. Но я бы не хотел с ними поменяться.

Много лет я ломаю в себе внутренние барьеры, мешающие движению через меня новых идей, новых картин, новых книг. И мне кажется, что чем меньше таких барьеров остается внутри человека, тем легче занимать творческую позицию в той или иной сфере. Получается такое постепенное освобождение самого себя изнутри.

В родительско-педагогической практике данный процесс вну-

тренней работы глубоко и тесно переплетается со всем, чем живут дети и подростки. Они все время теребят, чего-то хотят, куда-то тянут, о чем-то просят, во что-то хотят поиграть. Они не дают спать, они не дают «спокойно жить», они не дают застыть на месте. Они тоже толкают — как и вдохновение, которое мы воспринимаем, как идущее свыше. Видимо, все это один процесс. Будничное усаживание детей на горшки для меня почти неотделимо от взлета души в небеса, которое случается как праздник.

Мне кажется, что один из родительских стереотипов, мешающих педагогическому творчеству, заключается в разделении на «высокое» и «низкое». Будто бы есть какое-то такое особое взрослое высокое творчество, умная взрослая жизнь, а есть примитивная возня с детьми. Мне так один сосед и сказал: «Как ты, Леша, образованный человек, можешь тратить свою жизнь на то, с чем легко справится любая неграмотная бабулька?!» Я даже тогда не нашелся, что ответить. В тот период я открывал для себя непостижимые просторы детского мира вместе с маленькими Аленой, Тимой и Колей. Моя жизнь стала такой интересной, что прямо дух захватывало!

Другой распространенный стереотип, который очень мешает родителю-педагогическому творчеству, можно сформулировать так: «Я не умею. У меня нет необходимой квалификации. У меня ничего не получится. Мне нужны четкие инструкции». Но это просто страх нового дела. Совершенно обычное состояние для любого человека. И мне страшно, когда берусь за что-то совсем новое. И в процессе страшно: когда делаю картину, когда пишу книгу, когда пытаюсь помочь в сложной педагогической ситуации. Страшно делать каждый шаг — ведь он может или привести в нужном направлении, или увести в сторону, или даже обломать весь процесс. Но я просто привык к страху. Он даже помогает: делает меня собраннее, точнее, искреннее. Но в какой-то момент процесс захватывает и ведет меня, а страх отступает. И уже нет сомнений, а есть точное ощущение пути.

Третья группа стереотипов может быть выражена словами: «Делать можно только так, так и вот так! А по-другому делать нельзя. Нельзя — и все!» Почему нельзя? Ответы обычно либо эмоциональные, либо философские, либо невразумительные, либо просто: «Не принято так делать!» А ведь каждый из этих

ответов я могу найти в глубинах и своей души. Все мы где-то там похожи, все друг с другом связаны — архетипами какими-то. Но все же стереотипы данной группы и обсуждать не хочется. Как сказал маленький Коля, когда мы фантазировали на тему, что будем делать, если нам подарят здание детского сада, который расположен у нас во дворе: «Убрать перегородки!»

Стереотипы не всегда быстро уходят. Да и не все они такие уж вредные. Но вот если мы начинаем относиться к ним не как к чему-то богом навсегда данному, а как к временному рабочему явлению, то уже делается много легче, веселее и свободнее.

Да и вообще. Вдохновения-то на проведение всяких уроков с детьми у меня очень часто вовсе и нет. Просто делаешь то, что необходимо. Иной раз и неохота, и устал, и другие дела манят. А вот надо — и делаешь. Прямо как все нормальные люди, которые ходят на работу не по вдохновению, а каждый день. Прикинул объем работы, прикинул примерный план действий, оценил текущую ситуацию — и вперед.

Когда я давал свое первое интервью о семейном обучении, журналист спросил меня, почему я все это делал. Я ответил, не задумываясь: «Жизнь заставила». Он сделал большие глаза. Действительно, странно как-то получается. Но в этом ответе — вся правда.

СЕКРЕТ УСПЕХА

Я думаю, что дело вовсе не в моих талантах преподавателя и организатора учебного процесса (которые есть, но весьма слабые). И не в моих знаниях, приобретенных в школе, в институте и из книг. И не в семейной традиции хорошей учебы. И вовсе не в каких-то творческих методических разработках, хотя я очень ценю их, вкладываю в них силы и время.

Мне думается, основная причина успеха нашего семейного обучения заключается в том, что я все эти годы не отделял себя от детей, был с ними одним целым, жил с ними одной жизнью. А еще в том, что я упрямо, настойчиво и целеустремленно гнул свою линию.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Я множество раз хотел бросить все, плюнуть, пойти на нормальную работу. Особенно после окончания учебного года каждый раз была такая усталость! Но тут вдруг Тимоха споев свою новую песню, которую он сочинил утром (в то время, как все дети находятся в школе), и я понимаю: буду и дальше тащить это дело, пока только хватит сил, пока жизнь не принудит прекратить.

Меня воодушевляло и поддерживало то хорошее, что я объективно видел: успехи моих детей в учебе, качество их знаний, год за годом улучшающееся поведение, наши общие успехи в литературном и художественном творчестве, наша дружба и состояние единой команды, наши прогулки по лесам и паркам, наши большие и маленькие приключения.

Когда я слышал в свой адрес такие определения, как «духовный урод» и «самая большая педагогическая ошибка во всей нашей большой семье», то только проглатывал обиду да немножко жаловался своим детям или кому-то из сочувствующих знакомых.

Когда мои старые друзья и приятели, задумчиво глядя на меня, говорили: «Ну, может, пора уже детей в школу отправить, а тебе все же идти работать...», то я думал про себя: «Чем такие неуместные советы давать, лучше бы помогли материально».

Когда на меня нападала депрессия, то я просто молился, чтобы Господь дал мне силы вырастить и выучить детей. В православном издательстве «Сатись» меня попросили написать книгу о том, где я брал силы. Но для книги материала нет. Ответ короткий и прост: сил практически не было, поэтому я искал оптимальный путь — с минимумом энергозатрат. А теперь я вижу, что в этом была мудрость жизни, специфика моей судьбы. И очень рад, что не свернул, не сдался на полпути.

Я опирался преимущественно на интуицию и на психологическое чутье, на понимание взаимоотношений с детьми и со взрослыми. Это мои наиболее сильные стороны. Я не «пробивал» дорогу. Я мягко ее искал: и в каждом уроке, и в общей стратегии учебного процесса, и во взаимоотношениях с педагогами нашей школы.

Некоторый волевой напор (преимущественно внутренний) и определенная логичность и четкость тоже послужили данному

делу. Но, скорее, на втором плане, в качестве дополнения. Иногда необходимо дозированно надавить на ситуацию. Да и умение структурировать всю работу (не забывая об ее целостности) тоже весьма полезно.

Основная трудность: я был один.

Основное преимущество: я был не один, со мной были трое моих детей. Я всегда ощущал поддержку со стороны Тимы, Коли и Маши — даже когда они были совсем маленькие.

Разумеется, все сие было бы невозможно без Божьей воли на то. Складывались обстоятельства, находились люди, находились хоть какие-то силы, были минимальные денежные средства, появлялось понимание в голове. Я часто думал, что, раз все более-менее складывается, то значит, есть воля Бога на то, чтобы продолжать такое дело. А если бы увидел, что все радикально перестало складываться, то и свою стратегию жизни стал бы пересматривать.

РОДИТЕЛЬ-РЕГУЛЯТОР

В какой бы ситуации ни происходило обучение школьника, родители всегда могут регулировать учебный процесс. В той или иной степени. Если учить детей в семье, то родители берут под свой контроль очень многое. Если ребенок учится в школе, то тоже существует масса факторов, на которые родители могут влиять. И все это нельзя недооценивать.

Тут нет никакого противоречия ни с позицией школьных учителей, ни с политикой Министерства образования. Просто родитель ближе к своему ребенку. И посему может быть достаточно конкретным участником, регулятором всех функций.

Все просто. Вот Коля в одиннадцатом классе размышляет: поехать ли на четыре дня на туристические соревнования? Ведь придется пропускать школу. А он идет на золотую медаль. Может лучше посерьезнее поучиться? Но я вижу, что сын до предела устал. Четыре дня активных физических нагрузок в лесу для

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

него сейчас важнее. И я высказываю свою четкую позицию. И, конечно, с учебой ничего страшного не произошло.

Я могу ненавязчиво подсказать своим взрослым сыновьям более оптимальный режим их учебы. Да и любой другой родитель может увидеть возможности оптимизации. Мы можем регулировать движение наших детей в потоке учебных нагрузок, в потоках учебной информации.

Фактически, всю данную книгу можно рассматривать как описание опыта такого регулирования. У каждого родителя, разумеется, свой стиль. Со школой не нужно воевать, с ней нужно дружить. Мне видится, что во многих случаях это возможно. А нужно нам (всех-то дел!) терпение, мудрость и вдохновение.

ЭЛЕМЕНТЫ СЕМЕЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

Вся описанная в этой книге система семейного обучения может быть использована не целиком, а отдельными элементами. Вы можете выбрать понравившуюся и приемлемую для реализации в ваших конкретных условиях идею — и творчески использовать ее. И сами оценить результаты.

Очень многие родители тратят изрядное количество времени и сил на помощь своему чаду в приготовлении уроков и в общей организации его (чада) на продуктивный учебный процесс. Тут масса возможностей для оптимизации. Хотя бы для начала перестать делать глупости, не мешать ребенку, а стать его союзником.

Конечно, мой взгляд на другие семьи в данном плане весьма однокбок: меня ведь обычно просят помочь тогда, когда уже накопились многолетние трудности в учебе и в поведении. Не у всех так плохо. Многие справляются более-менее приемлемо. Но почти всегда и везде я вижу одни и те же ошибки в позиции родителей.

Первое, о чем хочется не просто сказать, а прямо-таки прокричать. Родители почему-то в большинстве случаев занимают по от-

ношению к своему ребенку-школьнику позицию не союзников, а почти врагов. Ужас! Почему-то люди считают, что на детей мало давят неадекватные школьные программы, перегруженные и издерганные учителя, общий информационно-социальный стресс, глубинные психологические проблемы, семейные неурядицы, глобальный экологический кризис. Почему-то родители часто еще и сами становятся фактором усугубления общей ситуации — своей жесткой, непродуманной, чрезмерно требовательной позицией. И главное — полным непониманием трудностей ребенка.

Я — за мягкость, гуманность и поддержку ребенка, подростка. Требовательность хороша лишь в сочетании с разумностью, с ясным видением учебной ситуации школьника.

Надо быть на стороне своего ребенка. Надо быть его союзником в его трудном пути взросления в нашем полусумасшедшем мире, в нашей перегруженной и бессистемной системе школьного обучения. Наш ребенок должен чувствовать нашу поддержку. Мы не должны считать его придурком и лентяем. Мы должны видеть, как ему трудно.

Заняв такую внутреннюю позицию, мы сразу же открываем массу позитивных возможностей. Мы приоткрываем дверь доверия. Мы можем лучше понять взаимоотношения нашего чада с учителями и одноклассниками и можем помочь построить их более гармонично. Мы гораздо более умело подключимся к решению учебных проблем. Мы сделаем атмосферу в доме спокойнее и веселее.

Все это я прожил и на собственном родительском опыте, и участвуя в учебных процессах в других семьях. Десятки детей и подростков и их родители подарили мне массу жизненных впечатлений. И главное я только что описал.

Во многом принципы моей педагогической работы в своей семье выкристаллизовывались, когда я видел, как не надо делать, как не нужно учить детей. Причем речь именно о родителях, а не о школьных учителях.

Родителей, конечно, тоже жаль. Всех нас жаль. Мы бьемся с множеством проблем, на нас висит масса забот. А сил мало. И времени мало. И хочется часто просто уехать на необитаемый остров в теплом море и с бананами на пальмах — чтобы пожить там по-человечески и отдохнуть.

Но таков праздник нашей жизни, что мы все равно трудимся над решением проблем — в том числе и связанных с воспитанием и обучением наших детишек. И я утверждаю следующее: разумный подход и понимание ребенка облегчают жизнь и ему, и нам. Плюс есть шансы продвинуться в решении хотя бы некоторых проблем. Именно таков мой опыт.

Мне кажется, что дело не в том, какие конкретно методы семейной педагогики и практической психологии родитель возьмет на вооружение. Дело именно в смене внутренней позиции: с позиции «пассивного наблюдателя» или с позиции «строгого толкателя и заставлятеля» на позицию доброго, разумного, сочувствующего помощника.

Я потратил огромное количество времени и сил на то, чтобы втолковать данную идею родителям тех двоечников, с которыми занимался. Безрезультатно. Глухо, как в танке. А как же тогда помочь ребенку в такой ситуации?! Я не представляю.

В ряде случаев обращающиеся за помощью или за консультацией родители занимали в целом правильную позицию. Это всегда радует. Это открывает простор для оптимизма и развития. Можно двигаться быстрыми темпами, а не решать годами элементарные проблемы (без какого-либо продвижения). Конструктивность и разумность родителей — мощнейший фактор прогресса педагогики. Энергия родительского инстинкта, направленная в правильное русло, — вот что, наверное, выведет нас из кризиса системы образования.

Родители, которые ответственно и творчески подходят к школьному обучению своих детей, могут более трезво ориентироваться в выборе школы и класса, в необходимости своевременного подключения репетиторов, в подборе оптимального режима занятий и отдыха для ребенка.

Элементы семейного обучения вводить легко. Вариантов много. От предоставления ребенку скользящего дополнительного выходного до перевода на месяц-другой в режим самостоятельного обучения дома. Сейчас в школе очень легко договориться. Важно лишь хорошо организовать процесс — чтобы на пользу пошло.

А можно освободить ребенка от посещения одного или нескольких предметов и учить их самим. Неосновные предметы можно вообще не сдавать, а заменить их соответствующи-

ми другими формами (например, спортивные секции вместо физкультуры, студия рисования вместо школьных уроков). Тут встает вопрос расписания и правильного понимания со стороны учителей и одноклассников. Но сие есть решаемая проблема.

С другой стороны, ученик, посещающий не все занятия с классом, а лишь часть, будет чувствовать себя «белой вороной», он рискует несколько выпасть из общего состояния коллектива. Но я думаю, со временем гибкий вариант посещения занятий в школе станет естественным: все просто привыкнут, что индивидуальный учебный процесс у каждого немного (или сильно) свой. Тут нет ничего особо нового или трудного. Просто требуется ломка некоего привычного стереотипа того, что значит «ходить в школу».

Ну а уж в ходе выполнения домашних заданий все описанные элементы семейного обучения могут легко внедряться.

Кому-то станет легче от того, что ему разрешат читать учебник, развалившись на мягком диване, а не сидя за столом. А кто-то ощутит вдохновение к написанию сочинения по литературе, если ему позволят перенести сей процесс на глубокую ночь. Кого-то надо учить математике на прогулке. С кем-то необходимо сначала поиграть в настольные игры.

Еще раз подчеркиваю, что важна гибкость, готовность действовать нестандартно, умение «ловить ситуацию». И часто не требуется даже дополнительного времени.

Вот два примера.

Первый. Шли мы как-то с Машей от моего привычного ученика. Я был злой и усталый — занятия, как и обычно, шли туго. Парень просто меня достал! Ну а моя доченька была в хорошем расположении духа — они с мамой того мальчишки на кухне пили чай и вели женские разговоры.

Вот меня Маша участливо и спрашивает, чего я такой печальный. Я рассказал. А она и поинтересовалась, что за тему в математике мы никак не можем одолеть. Ну, я и объяснил ей тут же принцип сложения и вычитания дробей с одинаковыми и с разными знаменателями. Примерно за полчаса ходьбы от дома до дома. Хотя Маша училась еще в начальной школе. И запомнила она все с одного раза и навсегда.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Что от меня требовалось? Почувствовать момент. И я, несмотря на изрядную усталость и растрепанность чувств, момент подходящий не упустил. И сэкономил тем самым себе и дочери в будущем много времени и сил. Примерно месяц данную тему в школе проходят. Не то чтобы я как-то особенно здорово объяснял. Вполне обычно объяснял. А результат — о-го-го!

Второй пример. Я шел по улице и встретил знакомую женщину с ее дочкой-школьницей. Завязался разговор. Тетенька рассказывала интересные вещи о своей работе. Девчонке хотелось все понять. Она периодически встревала с вопросами (так как многие слова были ей непонятны, да и вообще смысл некоторых аспектов повествования ускользал). Мама каждый раз строго ставила дочку на место: негоже детям перебивать взрослых! Становилось грустно и тошно. Я пытался направить ситуацию в более разумное русло, вовлекая девочку в разговор и объясняя ей по ходу дела непонятные слова и моменты. Но мама строила свою линию и мои инициативы не поддерживала. В конце концов девочке стало наплевать.

Столько было упущено! Тут и развитие речи, и общий кругозор, и доверительные отношения мамы и дочери, и уважение к личности ребенка, и интерес к узнаванию нового. И все обломано! А так просто было бы сделать иначе! Проявив элементарное неуважение к дочери (уже не маленькой) и полное непонимание ее потребностей развития, мать даже ведь и своей «воспитательной цели» не добилась. Вы думаете, та девочка научилась не перебивать взрослых?! Она получила ясный и наглядный урок неуважения к находящемуся рядом человеку и непонимания его. Вот и все.

Таких ситуаций я вижу много. А ведь та же мама (женщина весьма образованная) могла бы дочери все непонятные слова между делом разъяснить — и разговор стал бы общим, и многие воспитательно-развивающие задачи решились бы. То есть опять вопрос позиции, вопрос свободы от стереотипов и вопрос чуткого подхода.

Тут нет никакой особой разницы, по сути, учится ли ребенок дома или же ходит в школу в обычном режиме. Когда Коля стал ходить в школу, я просто переключился в другой режим помощи ему. Но суть осталась та же самая. Я даже не ощутил внутри себя

никакой особой перестройки. Хотя, кстати, весьма сомневался, что ему понравится в школе.

Понимая трудности и специфику школьных нагрузок, я мог поддержать Колю наиболее адекватно. Многое, конечно, уже было заложено. Но многое он осваивал впервые. Моя роль в общем-то была маленькая — учился он сам. Но иногда что-то можно было пообсуждать, где-то нужно было немного помочь.

А на родительские собрания в школу я не ходил. Просто жалел время. Один раз все же пришел в десятом классе (классная руководительница настояла). Из двух часов собрания час шло обсуждение того, как родители будут контролировать оценки и посещаемость школы у своих детей — учительница согласовала со всеми способы взаимодействия. Я сидел, слушал и не понимал, о чем они говорят. Людям по шестнадцать лет! Хотят — учатся, не хотят — не учатся. Я Колю не контролировал абсолютно.

Словом, проблема вовсе не в том, что у родителей нет сил, времени и желания заниматься вопросами учебы своих детей. Занимаются, насколько я могу видеть, очень много — не меньше, чем я. Но вот оптимально приложить свои силы, выбрать эффективные подходы, наладить со своим ребенком взаимопонимание — это умеют, к сожалению, далеко не все. Вот тут и есть огромный потенциал для развития национальной педагогики!

По мере освоения все более широкими слоями родителей элементов семейного обучения и школе станет легче, и обстановка станет постепенно нормализовываться. Школьные учителя смогут легче вздохнуть, почувствовав такую мощную и эффективную поддержку. Чиновники системы образования разработают простые и ясные инструкции, облегчающие участие родителей в учебном процессе и индивидуализацию обучения каждого ученика. Всем станет легче и веселее.

Возможно, все это выглядит как фантазия. Но посмотрим, посмотрим, куда пойдет эволюция нашей педагогики. Может, мы еще и покажем всей планете, как нужно делать. Ведь у них там — технологии, а у нас — душа народа.

ТРЕТИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

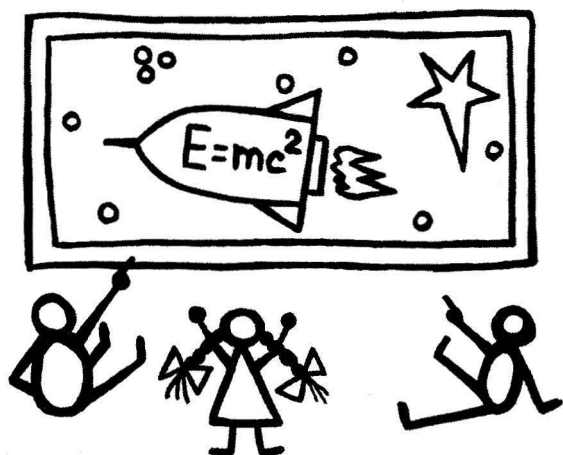
Первый потенциал — это педагоги. Второй — родители. Ну а третий потенциал — сами учащиеся.

Я не знаю, насколько быстро будет происходить активизация самостоятельной работы школьников. Возможно, процесс затянется лет на сто или двести. Но может, вдруг все пойдет быстрее. Информационные технологии настолько высокими темпами меняют мир, что прогнозы делать очень трудно. Но вектор развития педагогики направлен, в частности, и в сторону радикального изменения позиции самого ученика: от пассивного слушателя и заучивателя к активному искателю и самоорганизатору. Что мы можем на данный момент? Для начала нужно осознать, что многовековая парадигма пассивного ученика уходит в прошлое — жизнь требует иного.

Сейчас большинству школьников и их родителей даже ведь и в голову не приходит, что ученик может в значительной степени сам организовывать свое учебное пространство. Ребенка пытаются с первого по последний класс вести жестко и дисциплинарно. За него все уже решено и расписано взрослыми и умными дядями и тетями. Вся система, весь общий подход убеждают, что он не может быть самостоятельным и ответственным. Так чего же потом ждут?!

Тут очень важна внутренняя линия родителей. Если они ориентируют своего ребенка на развитие личностной позиции, на осознанный подход к учебе, то и результаты обычно хорошие. А если только зажимают и требуют, то и чадо формируется пассивным и безответственным.

В своих условиях семейного обучения я мог максимально последовательно проводить стратегию, направленную на развитие самостоятельной активности детей в обучении. Было трудно. Но в конце концов получилось. И главное: я не сомневался никогда, что именно так и надо.

Мне кажется, что в данном плане со временем многое сделают хорошие, интересные книжки для чтения, которые сначала существенно дополняют, а затем радикально потеснят строгие официальные учебники. Наверное, постепенно появится и множество интересных фильмов, реально позволяющих эффективно разобраться в той или иной учебной теме. Возможно, будут разработаны и компьютерные игры, где ребенок сможет постигать материал школьной программы, путешествуя в интересной и доброй виртуальной реальности.

Ну а пока мы можем просто день за днем, шаг за шагом показывать своему ребенку преимущества самостоятельного подхода в реализации индивидуальной траектории учебы. В какой-то момент дети понимают, что, взяв часть управления на себя, приняв на себя существенную долю ответственности за ход всего процесса, они делаются свободнее, а учеба сильно облегчается.

Например, можно сесть за написание сочинения не когда мама строго приказала, а когда самому удобно. Главное — хороший результат. А еще самоуважение, чувство свободы личности!

Я много раз объяснял своим детям все это. И они постепенно осознали. И, разумеется, вошли во вкус. А я уже только наблюдал со стороны.

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

В ситуации, когда ребенок посещает школу, тоже достаточно пространства для выработки самостоятельной активности. Можно очень многое менять в режиме выполнения домашних заданий. Можно в начале учебного года читать многие учебники — чисто для интереса. Можно попытаться договориться с учительницей о нестандартных темах для сочинений по литературе. Можно сдать часть курса досрочно, а потом отдыхать. Можно изобретать свои учебные приемы.

Моя книга «Ты умеешь хорошо учиться?!» написана именно с позиции обращения к ученику. Но это, конечно, слишком мало, чтобы сильно изменить привычные для ребят подходы. Я писал с целью хотя бы дать некие впечатления, некие идеи для размышлений, воодушевить хоть кого-то на самостоятельные поиски. А вот если родитель внимательно изучит эту небольшую, но очень концентрированную книгу, то он сможет во многом повлиять на развитие активности своего ребенка в учебе.

И обратите внимание: когда я говорю о самостоятельной активности учащегося, то я вовсе не имею в виду, что она будет огромная, что все вдруг станут «ботаниками». Речь идет в первую очередь о самостоятельности выбора, о самоорганизации, о личной ответственности. Если человек осознанно решил, что одни предметы он учит на «отлично», а другие — лишь бы в следующий класс перейти, то, на мой взгляд, тут все в порядке. Именно так Тима и Коля много лет подходили к изучению русского языка и ряда других предметов. И я уважал их позицию, их решение.

В старших классах сыновья перешли в более приятный для меня режим. Часть предметов они учили глубоко и очень серьезно, а остальные — лишь бы сдать на обычную школьную «пятерку». Но сие стало возможным лишь вследствие многолетнего освоения навыков эффективной учебы. И я сам в свое время в Политехническом институте учился по тому же принципу: теоретическую физику и высшую математику учил изо всех сил, а остальные предметы просто сдавал на «отлично» и тут же забывал.

Я верю, что дети и подростки будут делаться все более активными и все более самостоятельными в своей учебе. Но в этом им нужно существенно помогать.

ПРАКТИКА ЖИЗНИ И УЧЕБЫ

Мне бы очень хотелось обратить внимание всех вас, уважаемые читатели, что реальная жизнь, реальная практика обучения и воспитания всегда важнее любых концепций, идей, методик и теорий. На мой взгляд, любая теоретическая схема в педагогике или в психологии чрезвычайно условна. Нам нужны интеллектуальные модели — чтобы лучше ориентироваться в происходящем, чтобы обсуждать свой опыт. Но все эти модели — лишь следствие практики, которая всегда неизмеримо многообразнее и глубже любых теорий.

В педагогике и в психологии теоретическая модель вовсе не несет таких однозначно объективных качеств, как, например, в физике или в математике. Один и тот же физический опыт может быть повторен в самых разных странах — он всегда даст те же самые результаты (и сейчас, и во времена Ньютона). Соответственно, и фундаментальные физические теории весьма объективны и универсальны. Их логическая стройность опирается на простой принцип: выделяются ключевые, самые сильные взаимосвязи, которых немного, — именно для них пишутся формулы и уравнения. А большинством других взаимосвязей пренебрегают.

Мы видим успехи техники, и нам кажется, будто бы в педагогике все так же. Мы хотим надежной ориентации в процессах обучения и воспитания. Но тут дело обстоит не так, как в физике или технике. Практический путь педагога, родителя, психолога состоит в постоянном поиске и обновлении, в постоянном развитии искусства чувствовать и понимать те самые «неглавные» взаимосвязи, которых очень-очень много.

Как только мы принимаем такую точку зрения, мы уходим от теоретизирования, от страхов, от неуверенности — к реальным ежедневным учебным делам. И из них и черпаем уверенность, смелость и мудрость.

Когда я разговариваю с родителями школьников и пытаюсь объяснить им какие-то конкретные вопросы помощи их детям по учебе, то обычно вижу диссонанс: люди готовы часами раз-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

говаривать и слушать, а требуется-то в первую очередь их личное исследовательское старание. Родитель говорит: «Я не умею, у меня не получается, расскажите мне, объясните мне, как учить ребенка». Но я вижу, что взрослый человек занимает в целом достаточно пассивную, инертную позицию. Родитель готов тратить время, но не готов искать реальные и разумные пути. А я столько раз за последние пятнадцать лет радикально менял свои взгляды и практические подходы, что уже и не помню их всех.

Когда родитель берется за практическую педагогику всерьез, то ежедневная учеба ставит массу абсолютно конкретных вопросов. Общий принцип таков: сначала — практика, а уж затем — теория, обобщение, осмысление. Я уверен в фундаментальных преимуществах именно такого подхода. Наверное, одна из главных причин того, что педагогические реформы в нашей стране идут крайне туго, заключается в том, что их разрабатывают и планируют люди, весьма далекие от ежедневной практической работы с детьми и подростками.

Точно то же и в каждой семье. Когда вкладываешь душу в обучение детишек, когда каждый день вместе с ними ищешь реалистичные и эффективные пути в усвоении учебного материала, когда готов меняться — то практика и указывает верный путь.

ЧТО ТАКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СВОБОДА?

Мне кажется, что из всех новых идей в сфере воспитания и обучения идея педагогической свободы — самая фундаментальная. Она входит в наш мир день за днем, реализуясь в новых разработках педагогов, в ежедневных крошечных открытиях ведущих уроки учителей, в самостоятельном поиске родителей, в психологических находках воспитателей детских садов.

Но все же пока все мы очень несвободны в педагогической сфере. Свободы, как воздуха, не хватает всем нам: ученикам, учителям, родителям, директорам школ, сотрудникам РОНО.

Кто-то это осознает острее, кто-то — менее остро. Кто-то вполне нормально приспосабливается к существующему положению, а кто-то ищет новые пути. Но само слово «свобода» вызывает резонанс внутри каждого человека. Каждый хочет быть свободным.

Люди ругают друг друга, государство, догматы, человеческую натуру, самих себя. И сам я ругаю временами, хоть и понимаю в целом бессмысленность такого подхода. Но реально что-то меняют лишь наши конкретные шаги, наши действия — пусть совсем небольшие, посильные для нас на данном этапе, не претендующие на моментальное изменение мирового порядка в соответствии с нашими представлениями о добре и свободе.

Я стараюсь направлять свою энергию стремления к свободе на поиск тех возможностей, которые открыты уже сейчас. Воспитывая и обучая детей, можно уже сейчас быть достаточно свободным — и внутренне, и внешне. Наш социум совсем не так уж плох. А внутри себя самих мы и тем более можем многое менять, если захотим.

Идея педагогической свободы позволяет учителю выйти в значительно более широкое пространство методов, идей, приемов, режимов занятий. Учебники и стиль преподавания, мебель в классе и формы общения, индивидуальный подход и неожиданные приключения, творческие открытия и снижение общих нагрузок. Пока что в домашних условиях все это реализовать существенно проще, чем в школе. Но ведь и в школе есть свои преимущества. Отсутствие при семейном образовании команды специалистов по разным предметам создает существенные степени несвободы. Так же, как и недостаток учебного оборудования и общего пространства.

Родитель, засевший со своими детьми дома, теряет очень много степеней внешней свободы. Я ощутил это на себе в полной мере. Отдых и личная жизнь, интересы и поездки, выбор работы и круг общения — все уже зависит от главной линии — организации правильного учебного процесса, организации всего образа жизни, в котором обучение и общее развитие детей стоит на первом месте.

Но так уж получилось, что, потеряв очень многое в свободе внешней, я открыл для себя очень-очень многое в плане свободы внутренней — именно через воспитание и обучение своих

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

детей. Окупилось с лихвой. И я ни о чем не жалею. Хотя, честно говоря, иногда взгрустнется, как подумаю о многом упущенном в своей жизни.

Мне кажется, что одна из фундаментальных причин мирового педагогического кризиса заключается в том, что детей и подростков заставляют учиться. Так уж повелось с незапамятных времен. И, вроде бы, трудно представить иной подход. Дети ведь учиться не хотят, а хотят играть, бегать и развлекаться. Попробуй предоставь им свободу! И не будут учиться — с радостью! Вырастут лодырями и бездельниками. «Вот меня заставляли учиться — и я вырос, поумнел и понял, что учение пошло мне во благо», — так рассуждает большинство взрослых. А те, кто в детстве учился плохо, тоже хотят своих детей приобщить к сокровищам образования.

Все так. И не так. Время изменилось. Люди изменились. Дети и подростки стали другими. И маленький растущий человечек теперь готов биться за свою свободу чуть ли не с пеленок. И до школы, и в школе родители и педагоги тратят немереное количество сил и времени, дабы все же как-то втиснуть свободолюбивое чад в рамки учебной дисциплины. А уж когда дело доходит до переходного возраста, то и совсем «весело» делается. Если подросток в учебе еще может сохранить здравую линию, то уж на взаимоотношениях с родителями он отыграется.

Дети и подростки бьются за свою свободу, они протестуют и даже бунтуют. Иногда этот процесс почти незаметен, но на самом деле он идет своим чередом — где-то в глубине души. А что делают взрослые? Кто-то пытается подавлять своеволие, кто-то пасует и опускает руки, кто-то ищет компромиссы, кто-то пытается вразумлять чад по-хорошему. Кто-то просто терпит, надеясь на то, что жизнь научит каждого, что все встанет на свои места, А кто-то впадает в истерику.

Я испробовал в той или иной степени каждый из перечисленных путей. И понял для себя, что самый лучший путь — делаться свободнее самому. Прежде всего — внутренне, но и в каких-то внешних аспектах тоже.

А еще я понял, что нужно предоставлять больше свободы самим детям и подросткам. Не устраняясь от контроля и не исключая временами волевое давление. Я год за годом учусь сотру-

ничать с инстинктом свободы у детей, и все больше и больше убеждаюсь в конструктивности такого подхода.

Свобода самому определить расписание своих занятий и их форму дает ученику раскрепощенность. И ответственность. И опыт. И совершенно иную внутреннюю позицию в учебе.

Я не могу знать, сколько времени потребуется, чтобы идеи педагогической свободы утвердились в обществе в глобальных масштабах. Может быть, уйдет пятьдесят лет. А может — века. Но лично я просто не вижу никакого другого пути.

Ну а пока приходится приспосабливаться. И в этом тоже есть мудрость жизни. Ведь дай нам всем сразу абсолютную свободу во всем — тут такое начнется, что не приведи господь! Многие из тех барьеров, которые кажутся нам мучительными и душительными, играют в обществе роль сдерживающих факторов — до поры до времени. А потом они уходят — стараниями людей или сами собой.

Мне кажется, что все это относится в полной мере и к свободе педагогики. Мне понятны стремления и трудности педагогов-новаторов, буквально пробивающих новые пути. Но мне понятны и трудности чиновников, отвечающих за обучение тысяч и миллионов детей, за всю структуру образования в стране, за координацию работы миллионов педагогов. У каждого свой взгляд, своя позиция, свои возможности.

Лично для меня не видится никакого противоречия между государственной школьной системой и семейным обучением. Это две дополняющие друг друга формы. Сотрудничество со школой очень помогало мне — как в отдельных методических вопросах, так и в целом организационно. Я уверен, что новаторы и консерваторы прекрасно могут работать в одной упряжке, дополняя друг друга.

Развивая новые методы и будучи изрядно стеснен внешними рамками (например, неудовлетворяющей меня школьной программой или отсутствием достаточного количества денег для нормальной жизни), я все же находил самые разные степени свободы и в данных условиях. Слишком перегруженная программа? Можно не уделять внимание второстепенному, а сосредоточиться на главном. Нет денег на большую квартиру? Можно перестроить мебель, выкинуть кое-что лишнее, сде-

лать перестановку — и места станет существенно больше. И так далее.

Но конечно, я радуюсь, если внешние трудности отпадают! Ведь иногда они бывают непреодолимы. И столько сил уходит на них!

Иногда я думаю: «А стоило ли так напрягаться?! Ведь выучить детей можно было и другими путями. Что-то было бы хуже, а что-то — лучше». Но потом повспоминаю все конкретные обстоятельства и понимаю, что стоило делать именно так, как делал. И даже вовсе не с точки зрения конечных результатов, а с точки зрения ощущения в своей душе, что поступал правильно, что шел предназначенным мне и моим детям путем. А результаты не всегда объективны. Как их оценишь в полной мере? Как узнаешь, что было бы, если бы действовал иначе?

Мне не раз говорили, что я деспот, что я не пускаю своих детей в школу, что я лишаю их свободы выбора, что я подавил их волю своим патологическим стремлением сидеть дома. Но мне, честно говоря, плевать на такие суждения (хотя я всегда очень внимательно прислушиваюсь к любой критике — нужно ведь стараться видеть ситуацию с разных сторон, нужно искать и находить ошибки в своих взглядах). Мой старший сын, поздравляя меня недавно с днем рождения, сказал: «С каждым годом, отец, я понимаю все больше и больше, как много ты для нас сделал». А Машенька часто говорит мне, что я очень хороший папа. Коля у нас по-мужски суров и сдержан, но и он понимает, чем я был занят столько лет.

Еще одно стандартное обвинение звучит примерно так: «Что же, ты считаешь себя самым умным?! Думаешь, что все другие — дурачки?! Это у тебя, брат, неимоверно разросшаяся гордыня!» Ну, во-первых, я действительно считаю себя умным. Сие есть, по-моему, вполне адекватная самооценка. Я ведь не считаю себя физически очень сильным или обладающим музыкальным слухом, или понимающим законы бизнеса. Во-вторых, я вовсе не считаю кого бы то ни было дураком. Я вижу, что могу многому учиться почти у каждого человека. В-третьих, я уважаю право других людей иметь собственные взгляды и действовать в соответствии с ними. И себя считаю вправе иметь свои взгляды и действовать в соответствии с ними.

Идея педагогической свободы не всегда может быть понята адекватно. Само слово «свобода» разные люди понимают очень по-разному. Стремление к свободе каждый реализует по-своему. Мне ближе всего такой подход: за свободу надо терпеть и ради нее целенаправленно трудиться. А свободу я больше всего ощущаю как присутствие Божие, как соприкосновение с сокровенной основой нашего бытия. Ну а во внешнем плане свобода для меня — это подходящие условия для работы по своему усмотрению.

Педагогическая свобода не есть некая абстракция. Она реально существует в каждом нашем воспитательном или обучающем действии. Мы медленно осваиваем ее возможности, открываем ее многогранные смыслы, привыкаем к ее безграничности.

Мы стараемся дать нашим детям знания, чтобы они были более свободны в жизни, чтобы обладали более широким спектром возможностей. Получается ли у нас решить такую глобальную задачу в должной мере? Безусловно, не получается. Но что-то мы все же делаем.

Мой отец еще в самом начале моих семейных заморочек сказал очень мудрые слова, которые надолго стали для меня принципом действий: «Леша! Ты должен понять, что есть ситуации, когда ищут идеальное решение. А есть ситуации, когда ищут хоть какое-то решение. Ты должен осознать, что находишься во второй ситуации. И действовать соответственно». Ясное дело, что мой папа вовсе не имел в виду учить детей не в школе, а дома. Но сам принцип, по-моему, сформулировал очень точно.

Став педагогом и в изрядной степени психологом, я все время искал «хоть какое-то решение». И — так или иначе, лучше или хуже — находил.

Я желаю и вам, уважаемые читатели, искать и находить разумные и приемлемые решения во всех реальных ситуациях воспитания и обучения детей, с которыми вы сталкиваетесь. А если придется туго, вспомните, что она совсем рядом, она ждет нас, она всегда готова нам помочь — Великая Педагогическая Свобода.

Завершается сия книга, но тема педагогической свободы еще только начинает свое медленное, но триумфальное шествие по эволюционной арене планеты Земля. Мой семейный опыт — лишь крошечная крупинка в песочных часах движущейся

энергии развития педагогики. Через какое-то время люди, возможно, лишь снисходительно улыбнутся, узнав про мои идеи и методы, — так все продвинется, так очевидно станет то, над чем я годами ломал голову.

Но я был одним из первых. Вернее, мы с моими детьми были одними из первых. Мы отыскивали свою тропу по бездорожью. И мы нашли ее. А теперь вот я, как смог, описал ее.

Примерно год назад мой хороший приятель (по роду занятий — предприниматель, а по интересам — интуитивный психолог) сказал мне, что я должен рассказывать людям о своей идее, стараться передавать ее. Я удивился и спросил, какая такая идея есть у меня. А он и ответил (как само собой разумеющееся): «Ну, идея педагогической свободы». И я подумал: «Как точно человек сформулировал!»

Так я осознал, чем столько лет занимаюсь. И вскоре родилось название данной книги. Мне кажется, что сами эти слова — «педагогическая свобода» — очень воодушевляющие, ориентирующие, дающие силы и ясность мышления. Я повторяю их про себя, и мне делается радостнее. Я чувствую, что все было не зря.

Судьба каждого ребенка очень драгоценна. Это может понять любой родитель. Педагогическая свобода нужна не только в глобальных масштабах социума. Она нужна в каждой конкретной семье, в обучении каждого конкретного ученика. Без нее все остановится и задохнется, станет серым и унылым — даже если будет построено по прекрасным методикам, апробированным на миллионах детей.

Педагогическая свобода нужна каждому школьному учителю — чтобы решать ежедневные живые проблемы, чтобы верить в свои силы, чтобы искать новые пути и возможности.

Педагогическая свобода нужна всем чиновникам министерства образования. Ведь ничто так не помогает находить мудрые решения и строить стратегии развития, как дух свободы.

Педагогическая свобода нужна всему нашему обществу. Ведь дети — необъемлемая часть всех социальных процессов. Мы движемся в будущее. И куда же без педагогики?!

И завершить главу хочется шуткой. На память пришло такое сравнение (оно родилось у меня в ходе мучительных попыток научить одну восьмиклассницу правильному подходу в учебе).

Представьте, что вам нужно вести автомобиль. Вы можете это сделать: руки-ноги на месте, голова работает, правила дорожного движения знаете, практика вождения у вас имеется. Но почему-то вы садитесь на сидение водителя задом наперед. Вам приходится изогнуть за спину руки, чтобы держаться за руль. Вы, изрядно напрягшись, достаете ногами до педалей. Шею тоже приходится изогнуть — дабы лицо было обращено в сторону движения машины. Вам будет удобно так ехать?

А ведь это прекрасный образ неверного подхода к обучению. Именно так учатся очень многие дети и подростки. А нужно (всего-то!) правильно сесть на водительское сидение. И сразу будет легче! И вы помчитесь вперед!

Вот в этом и заключается педагогическая свобода — в том, чтобы выбрать удобное положение для развития, для действий, для путешествия, для движения вперед.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Мне часто залают вопрос: «А что же дальше?» Определенно могу сказать только одно: я жутко устал от практической педагогики, от активной работы с детьми. Мне хочется пожить по-другому. Учить Машу совсем легко. А вот браться за других детей сил уже больше нет. Может быть, к тому времени, когда появятся и вырастут внуки и когда придет время учить их в школе, я отдохну и снова созрею.

С другой стороны, мне хочется продолжать развивать те направления педагогических разработок, которые я веду столько лет. Мне хочется участвовать в процессе постепенного внедрения в жизнь новых педагогических идей и технологий.

Я не сомневаюсь в том, что все больше и больше родителей будут занимать активную и грамотную позицию в отношении учебы своих детей. Не обязательно это будет семейное обучение. Во многих случаях и обучение в школе можно построить очень оптимистично, важно лишь найти правильный подход. Но количество детей и подростков, которые учатся дома, безусловно,

будет возрастать. Возникнут самые разные организационные формы данного процесса.

Внедрение компьютерных технологий открывает новые возможности. Будет появляться все больше сайтов, где родители смогут свободно скачивать ясные и конкретные методические рекомендации по каждому предмету, хорошо составленные учебники, красиво иллюстрированные учебные пособия, наборы заданий по каждой теме. Обязательно появится система видеоуроков. Вы представьте: пропустил ребенок в школе по болезни несколько тем, а мама скачивает с педагогического сайта соответствующие видеоролики и дает чаду посмотреть. А не врубилось чадо — можно ведь и по второму разу посмотреть, и по третьему. Идиллия, да и только!

Одновременно радикально возрастет роль индивидуального преподавания. Информационные технологии — штука хорошая, но живой человеческий контакт в реальном (а не виртуальном) физическом пространстве ничем не заменишь. Поэтому технологии индивидуального обучения и обучения в маленьких группах будут развиваться чрезвычайно интенсивно. Они далеко уйдут от тех форм, которые сейчас используются в больших классах.

Как я вижу свое место во всех этих процессах? Исчерпав энергетические ресурсы в качестве индивидуального педагога, я решил переключиться на работу по развитию своего сайта. Ну и книги, конечно, буду продолжать писать — и для взрослых, и для детей.

Одним из основных направлений на ближайшие (а возможно, и не только ближайшие) годы будет создание рисованных учебных пособий по математике по всем классам. Наверное, немного охвачу и другие предметы.

В такой работе мне видится большой смысл. Я хочу в ней совместить свой опыт индивидуального преподавания, свое знание детского языка образов, свою любовь к физике и математике, свое системное видение всего процесса школьного обучения. Я много раз мог убедиться в том, что удачно нарисованная картинка существенно облегчает понимание материала. И даже просто крупно и красиво нарисованный арифметический пример — это уже очень хорошая поддержка для проведения урока.

Непринужденный художественный стиль помогает детям находить психологический контакт с математическими методами.

Я не могу тут не упомянуть о том, что реализовалась моя давняя мечта — наконец родилась художественная форма для таблицы умножения. Я много лет думал о ней. Кому-то это может показаться странным и смешным, но таков уж склад моего характера. Я на практике увидел, какое количество детей знают таблицу умножения плохо. И если моя разработка поможет хотя бы какому-то числу учеников, то, значит, я уже трудился не зря.

Так что, уважаемые читатели, приглашаю вас всех на мой сайт «Папа Карп» (www.papakar.ru). Учебные пособия, развивающие игры, сказки, многие мои книги, рисунки — все там находится в режиме свободного доступа. Скоро надеюсь начать размещать на сайте видео мастер-классы для родителей и педагогов (по рисованию, по моим развивающим играм и учебным пособиям, по другим формам занятий с детьми).

Если думать о педагогике в общенациональных масштабах, то я все же верю в изменения к лучшему. Мне сложно судить, как это будет происходить. Но всяческая поддержка государственными школами родителей, решивших идти по пути семейного обучения, а также просто методическая помощь родителям учеников — это, безусловно, один из ключевых моментов. Со стороны же родителей тоже потребуется изменение: от пассивных и стереотипных способов участия в образовательных процессах к современному динамичному подходу.

Многие годы меня воодушевляло желание облегчить учебную и психологическую ситуацию для своих детей. При этом хотелось дать им качественное образование. Я выбрал нестандартный путь — с точки зрения общества. Но мне самому он всегда казался абсолютно естественным и логичным — с точки зрения нашей конкретной семейной ситуации, с точки зрения индивидуальной ситуации развития каждого из моих детей. Пришлось узнать очень много об общей педагогике, о различных методах преподавания, о детской психологии. Но еще раз подчеркиваю: я шел от жизни, от практики, а не от теории.

Я верю, что новое в педагогике может гармонично и дружелюбно сотрудничать с привычным, с устоявшимся. Мой опыт полностью подтверждает это убеждение. Трудности и шерохо-

ПОВЕСТЬ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

ватости всегда, конечно, встречаются, но это рабочие моменты. Их можно решать, с уважением относясь друг к другу и находя приемлемые варианты.

Жизнь показала мне, что основной резервуар свободы — внутри каждого из нас. Когда работа по воспитанию и обучению детей и подростков опирается на сию простую истину, она неминуемо делается эффективной. Когда педагогические технологии используются на данной надежной основе, они становятся живыми и теплыми, добрыми и мудрыми. Когда родители школьников воодушевляются этим подходом, для ребят открываются новые возможности.

Успехов вам! И всего доброго!

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ
УСПЕШНОСТЬ
СЕМЕЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

Подводя итоги, хочется сформулировать самые важные моменты, обеспечивающие успех в семейном обучении. Это не только мой опыт организации домашнего образования для своих детей, но и обобщение опыта многих других родителей. Я проанализировал удачи и неудачи, сильные и слабые стороны в каждом случае, с которым довелось познакомиться. И вот получился список из двенадцати пунктов.

1. Выделяйте время и внимание не только на преподавание детям школьных предметов и на аттестацию в школе, но и на планирование, продумывание и коррекцию всего вашего семейного образовательного процесса.

Научитесь реалистично оценивать свои силы, свои слабые стороны, возможности вашего ребенка. Определяйте для ваших детей максимальный допустимый уровень загруженности. И не переходите за эту грань — даже ради хороших оценок, престижа или планов на будущее. Всегда избегайте перегрузок.

Научитесь отслеживать свои ошибки и неудачные подходы в преподавании и своевременно переходите на новые способы работы. Не привязывайтесь к неэффективным, неудобным для вас методам домашнего обучения. Ищите оптимальные формы и режимы построения семейного образовательного процесса.

Научитесь распределять силы и время — ваши и ваших детей — в течение всего учебного года и в течение каждого этапа (месяца, недели). Не забывайте про периоды отдыха от учебы и про непредвиденные обстоятельства (плохие и хорошие), которые обязательно будут.

Определите главные цели и задачи для вашего ребенка в изучении школьных предметов. Выделите самые важные направления — и неуклонно реализуйте именно их. Безжалостно отказывайтесь от того, что не является обязательным, если ваш ребенок перегружен, если у него проблемы со здоровьем, если он просто не хочет глубоко изучать то, что ему не нравится. Не ориентируйтесь свыше меры на государственную учебную программу.

2. Умейте меняться и будьте готовы к изменениям, к неожиданностям, к трансформации ваших взглядов на школьное образование в целом и на конкретные способы домашнего преподавания.

Жизнь — это опыт. Мы можем планировать домашний учебный процесс и весь ход нашей семейной ситуации лишь частично. А частично не можем. Наше понимание педагогики и детской психологии развивается день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Иногда происходят резкие качественные переосмысления. Иногда изменения нашего мировоззрения накапливаются постепенно и почти незаметно.

Будьте готовы экспериментировать. Не бойтесь нового. Главное, не затягивайте неудачные эксперименты.

Наблюдайте за вашими детьми, предоставляйте им право высказываться по поводу всех деталей домашнего учебного процесса, будьте внимательны к их инициативам и мнениям. Дети — наши учителя в педагогике. Они помогут выстроить семейное обучение так, как это оптимально конкретно для них.

3. Сделайте акцент на развитие в детях умения учиться самостоятельно: по учебникам, по видеоурокам, по другим пособиям. Это должно быть стратегическим подходом. Неуклонно реализуйте данную линию.

Однако и не забывайте о том, что ваш ребенок может не в равной степени легко осваивать разные школьные предметы. Всегда помогайте там, где это требуется, в тех дозировках, в которых это необходимо.

Постепенно приучайте детей самостоятельно планировать учебу. Начинайте уже в первом классе. Пусть такой подход станет в вашей семье обычным. При этом, разумеется, отслеживайте ситуацию и регулируйте ее при необходимости.

Особое внимание обратите на выработку умения адекватно оценивать свои знания, понимание каждой конкретной темы, каждого задания. Не на уровне «Послушал, почитал и вроде понял», а на уровне «Могу сам объяснить данный материал, могу сам решать задания по данной теме».

4. Домашняя педагогика существенно отличается от школьной.

Ведь отличаются друг от друга, к примеру, разные области техники, разные области науки. Со сферой образования и воспитания дело обстоит точно так же. Преподавание в школе, в вузе, в детском саду — это совершенно разные вещи. И, конечно, обучение дома представляет собой особую область педагогики.

Учитывать данный факт нужно буквально на каждом шагу: и чтобы свободно подбирать оптимальные формы семейного учебного процесса, и чтобы родитель ощущал определенную уверенность в себе.

Выкиньте из головы все, что вы знаете про школу — плохого и хорошего. Оставьте только то, что необходимо для адекватного общения с учителями и администрацией, для понимания их условий работы.

Не пытайтесь создавать домашний аналог стандартной государственной школы. Школьные уроки — не образец для вас. Будьте особенно внимательны по отношению к данному вопросу, проанализируйте свой опыт, свои взгляды на преподавание. Стил ь обучения в классе, режим школьной учебы, формы занятий в больших группах — все это со времен нашего детства вложено в наше подсознание, буквально въелось в мозг. Но вы должны освободить свой ум от всех этих стереотипов.

Не думайте, что вам невероятно далеко до школьных преподавателей, получивших профессиональное образование и имеющих большой опыт. Специфика индивидуального обучения дома совершенно иная. И не впадайте в иллюзии: не так уж здорово учат в педагогических вузах и колледжах.

У вас есть огромные преимущества перед школьными учителями: полная педагогическая свобода, глубокий и постоянный контакт с ребенком, мягкий и удобный домашний режим, существенно более широкий спектр возможностей влиять на ситуацию.

5. Не занимайте по отношению к государственной школьной системе позицию конфронтации. Научитесь строить с ней конструктивное взаимодействие. А еще лучше — научитесь с ней дружить.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ УСПЕШНОСТЬ СЕМЕЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

Это относится как к вашим отношениям с общим процессом функционирования системы образования и ее нормативами, так и к вашему общению с каждым конкретным учителем, завучем, директором школы, с которыми вы сотрудничаете.

Относитесь с уважением к другим людям, даже если они осуждают ваш выбор семейного обучения. Даже если они спорят или «наезжают». Если вы будете уважать их — то рано или поздно и они станут уважать вас, и тогда договариваться по всем вопросам станет гораздо легче.

Используйте в государственной школьной системе ее сильные стороны: упорядоченность, стандартизацию, регламент, базовые учебники, критерии оценки знаний. Выделите то, что нужно конкретно вам. Во взаимодействии с каждым учителем, с каждым тестом, с каждым учебником ищите свой интерес — интерес обучения вашего ребенка.

Научитесь верно выстраивать дистанцию со школой и не позволяйте школе «строить» вас выше разумной меры. При необходимости — меняйте школу. Но для начала постарайтесь договориться там, где вы сдаете зачеты и экзамены сейчас. Поставьте себя в позицию равного партнера со школой, а не в позицию послушного исполнителя школьных требований.

6. Будьте готовы отступить.

Семейное обучение в любом классе и даже в середине учебного года может быть прекращено. И ребенок пойдет в школу — на время или постоянно. Это не трагедия, а вариант пути. Иногда, по всей сумме факторов, это оптимальное решение.

В частности, такое решение может на каком-то этапе принять сам ребенок, подросток. Будьте готовы к такому выбору.

Помните сами и напоминайте вашим детям: контрольную или диктант в школе можно переписать, устный зачет или экзамен можно пересдать, тест можно переделать. В этом нет ничего страшного. В большинстве случаев это и не понадобится. Но если случилась неудача — мы слегка отступим назад и потом ее исправим.

В критической ситуации не бойтесь планомерно остаться на второй год. Конечно, лучше избегать данного сценария, но иногда он все же может пригодиться.

Умейте отступать в уровне ваших требований по учебе — по конкретным предметам, в конкретных классах и в целом.

Помните, что после отступления через некоторое время приходит и черед наступать. Сделать несколько шагов назад и полностью отказаться от решения задачи — это далеко не одно и то же. Довольно часто отступление представляет собой оптимальный путь к победе.

И не пытайтесь предугадать, как вы справитесь с обучением вашего ребенка через несколько лет. Сосредоточьтесь на решении текущих задач данного учебного года. Такая позиция предохранит вас от чрезмерных страхов, от избыточной неуверенности в собственных силах.

7. Научитесь гибко варьировать методы домашнего обучения, использовать ресурсы Интернета, книги, разнообразные пособия, а также помощь других людей. Выбирайте из традиционных и новаторских методик ту композицию, которая удобна конкретно для вас и для вашего ребенка.

Иногда особо мудрить и не надо — достаточно просто последовательно проходить материал по тому учебнику, который вам выдали в школе. Если это удобно, если это работает — ну и прекрасно.

Но довольно часто имеет смысл поискать более эффективные пути. Зачастую к этому подталкивают и сами дети — не желая учиться, не усваивая материал, не воспринимая стиль нашего домашнего преподавания или стиль изложения информации в учебнике. Воистину наши проблемы являются двигателями нашего прогресса!

Вы можете и сами изобретать что-то. Педагогическое творчество никому не запрещено.

Подключайте к обучению вашего ребенка тех, кто может помочь: старших детей из вашей же семьи, родственников, знакомых. Временами целесообразно пригласить и специалиста-репетитора, хотя бы на какое-то время.

Вокруг нас — широчайшее пространство информации и множество возможностей для успешного обучения. Ищите необходимую поддержку вашему семейному процессу.

Учитесь быстро и верно оценивать любую методику пре-

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ УСПЕШНОСТЬ СЕМЕЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

подавания, любой учебник, любой видеоурок, любого репетитора — с точки зрения применимости конкретно в ваших условиях. Избегайте фанатичных, догматичных, избыточно зауженных подходов в обучении. Будьте открыты всему настоящему ценному. Найдите ваши личные внутренние точки отсчета во всей многообразной педагогической информации.

8. *Используйте системный подход.*

Единая структура всей вашей учебной работы, единые принципы ее организации — это намного более рационально, чем просто отдельные разрозненные хаотические действия. Эффективная педагогика волшебным образом произрастает из умения решать сразу множество задач параллельно — в их взаимосвязи, в их естественной иерархии, в их разумной последовательности. И каждая решаемая таким образом задача поддерживает решение всех других задач.

Гибкий и в то же время целостный подход экономит и силы, и время. Полезно почаще задумываться об этом, вспоминать при столкновении с неожиданными проблемами, учитывать при планировании всего учебного процесса, всей жизни семьи.

Полезно определять для себя базовые принципы действий и применять общий подход в различных ситуациях.

Взамен неповоротливой, устаревшей, догматичной, уравнивающей всех под одну гребенку системы государственного школьного образования вы создаете вашу собственную систему в масштабах вашей семьи. Относитесь максимально серьезно к общей организованности, к системности вашего домашнего учебного процесса, и это обязательно окупится сторицей.

9. *Постоянно держите во внимании необходимость организации для ребенка или подростка, обучающегося дома, широкого пространства: по учебной информации, по общению с детьми и взрослыми, по физической территории, по разнообразным занятиям.*

Самая большая из потенциальных опасностей при семейном обучении — именно ограничение пространства. Особенно важ-

но предоставлять детям возможности для общения с разными людьми, в разных коллективах, в разных условиях. Но при этом учитывайте психологический тип вашего ребенка, его реальную потребность в активном общении, его экстравертность или интровертность. Показывайте детям большой мир, в котором мы живем.

Старайтесь участвовать во всех интересах вашего ребенка. Учите его разрешать конфликтные ситуации, объясняйте законы психологического взаимодействия в коллективах и на индивидуальном уровне.

Пожить в гостях в другом доме. Побывать в больших помещениях. Познакомиться с профессионалом в той или иной деятельности и посмотреть, как он работает. Побывать на работающем предприятии. Посетить театр, музей, библиотеку — все это возможности расширить информационное пространство, в котором развивается ваш ребенок. И это возможности расширить приобретаемый детьми опыт.

10. Учитесь понимать вашего ребенка — и в жизни, и во всех извивах и перипетиях домашнего учебного процесса.

Понимание детей так же необходимо в любой педагогической деятельности, как хорошее зрение необходимо при вождении автомобиля. Все методы преподавания, все традиционные и новаторские подходы к обучению надо реализовывать с ясным видением психологических особенностей ребенка и с учетом его текущего психологического состояния. Иначе... Представьте, что вы пытаетесь вести автомобиль вслепую, на основании одних лишь правил и рекомендаций.

Понимание детей — это именно практический навык. Можно даже сказать, что это привычка, которая постепенно становится частью вашего характера. Это внутренняя позиция.

Чтение книг по детской психологии лишь отчасти поможет вам выработать данное важнейшее качество. Главное — много, внимательно и неформально общаться с детьми, проникаться их интересами, их мироощущением. Вы должны быть с ребенком «на одной волне» — тогда само собой возникнет и точное слово, и точное действие, и мудрое (а на самом деле совершенно естественное) понимание.

Понимать детей — это не так уж трудно. Ведь внутри каждого взрослого есть ребенок, каждый взрослый был когда-то ребенком. Надо лишь захотеть активизировать эту часть своей личности. И наши дети дают нам реальные ключи к данному психологическому (и даже психотерапевтическому) процессу. Освобождение своего внутреннего ребенка дает нам море дополнительной творческой энергии, радость непосредственного восприятия всего вокруг.

В домашней учебе именно опора на понимание детей позволит вам оптимально подбирать формы и режимы занятий, корректировать общую стратегию вашего семейного образовательного проекта, успешно решать возникающие проблемы, экономить время и силы.

11. Решайте ваши личные психологические проблемы. Осознавайте свою психологическую структуру, свои недостатки и сильные качества.

Семейный учебный процесс будет заблокирован, если родители недостаточно серьезно отнесутся к данному пункту.

У каждого из нас свои особенности и свои внутренние трудности. И в то же время каждый из нас в каких-то вещах особенно силен, особенно устойчив. Будет гораздо лучше, если вы осознаете ваш естественный природный психотип и будете действовать в соответствии с тем, как вы устроены.

Абсолютное большинство неудач в семейном обучении так или иначе связано с психологическими проблемами родителей.

Конечно, для успеха в построении оптимистичного домашнего образования вовсе не обязательно сразу сделаться полностью гармоничным человеком. Да и возможно ли такое? Однако некоторые свои внутренние комплексы, страхи, конфликты и блоки преодолеть необходимо. Или хотя бы несколько ослабить их — до уровня, который уже не так сильно мешает семейному обучению.

Разумеется, начинать надо с того, что мешает больше всего. И постараться в короткие сроки (недели, месяцы) существенно менять свои психологические реакции, чтобы успевать за нуждами учебного процесса. Да, все мы очень и очень не совершенны, работа над собой — дело долгое и непростое, но многое можно пытаться улучшать.

В семейном обучении верное психологическое построение всей домашней ситуации — основа для реального движения вперед. Психологическое состояние родителей глубоко связано с психологическими реакциями детей. Это одна система, одно неразрывное целое. И обратите внимание: чаще всего 80–90% трудностей в данной сфере вызывается причинами, которые можно достаточно легко и достаточно быстро устранить. Помощь специалистов, хорошие книги, другие источники информации — все это окажет вам помощь.

12. Отнеситесь к семейному обучению как к приключению.

Да-да-да, именно как к приключению, а не как к «исполнению родительского долга» или «форме получения школьного образования». Новые творческие пути — это всегда интересно. Вы и ваши дети действуете как одна команда.

В каждом настоящем приключении существуют трудности и даже опасности. Поэтому будьте осторожны и максимально сознательны. Учитесь мудрости. Учитесь реагировать на проблемы на стадии их возникновения, когда с ними еще реально справиться. А еще лучше — действуйте так, чтобы заранее избежать многих неприятностей.

Приключение имеет свои законы. И мне кажется, что действие по законам приключения — прекрасная модель при осуществлении всей структуры домашнего образования. Возможно, это звучит как-то несолидно и слишком романтично, но зато помогает сделать правильные акценты, чтобы весь процесс шел бодрее и веселее.

Бывают в приключениях и сложные, и неудачные моменты. К этому нужно быть готовым. Бывают ошибки, сложные внешние обстоятельства, болезни, психологические трудности.

Но мы стремимся к победе! Когда руки опускаются, когда сомневаешься в себе и в правильности выбранного пути, когда ситуация кажется тупиковой, надо продолжать борьбу, продолжать идти вперед, продолжать искать верный путь.

Образ приключения прекрасно подходит для общего осмысления семейного обучения. Он соединяет разные стороны учебного процесса и всей жизни семьи и дает некую силу, некую энергию.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ УСПЕШНОСТЬ СЕМЕЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

Я желаю вам, уважаемые читатели, высокой эффективности в ваших педагогических трудах. Пусть ваш домашний образовательный процесс будет успешным, если вы решитесь отправиться в это удивительное и полное очарования путешествие. Пусть высокое вдохновение ведет вас, а терпения всегда будет столько, сколько необходимо, то есть очень много. Совмещайте веру в свои силы с разумной осторожностью и предусмотрительностью. Будьте настойчивы и последовательны. И почаще улыбайтесь!

Алексей Карпов

СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Сборник произведений

Ответственный редактор Лабатурина Юлия

Редактор Татьяна Егорова

Корректор Марианна Краминова

Компьютерная верстка Антонина Высланко

Дизайн обложки Антонина Высланко

Подписано в печать 07.04.2015. Формат 142х212.

Бумага офсетная. Гарнитура Swift.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 2784

ООО «Издательство Ресурс»

111024, Москва, ул. Авиамоторная, 23

Тел.: +7 495 514-81-67

<http://resource-publishing.ru>

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14